

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Вестник Московского университета

ISSN 0201–7385
ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

ISSN 0201–7385. ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2016. № 1. С. 1–160.

Серия 22

теория перевода

1/2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьесси Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадаский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкuroв Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кё-Ен**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харахидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Iso-lahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Eleftherios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор А. В. Игумнов

Компьютерная верстка Ю. В. Одинцовой

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 04.05.2016. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,3. Доп. тираж 30 экз. Изд. № 10 645. Заказ № 495.

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отпечатано: ООО «МакЦентр. Издательство».

115191, Москва, Холодильный пер., д. 3, корп. 1, стр. 3.

Тел.: (495) 234-04-44; e-mail: info@macizdat.ru

Сайт: www.macizdat.ru

Содержание

Общая теория перевода

- Алевич А.В. Функциональная стилистика и теория перевода: от теоретического осмысления к практическому воплощению. 3

Методология перевода

- Исолохти Н.Б., Михайлов М.Н., Зеленин А.В. Невербальная точность устного перевода: трансформации невербальных эмотивных маркеров в процессе последовательного перевода. 19
- Кузина Е.А. Переводческая интертекстуальность: типология стратегий (на материале переводов цитат в новелле П. Мериме «Arsène Guillot») 42
- Кузнецова А.В. Синтаксическая интерференция при последовательном одностороннем переводе с английского на украинский язык во время официальных встреч 56
- Лаврентьева Е.С. Перевод слоганов имиджевой рекламы с английского языка на русский 69
- Ян Ли, Шэн Хайтао. Комизм в одноактной пьесе А.П. Чехова «Предложение» и его реконструкция при переводе на китайский язык. . . 81

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алпатов В.М. Заметки о переводах с японского языка и на японский язык. 93
- Борисова Л.В., Чуева Э.В. Кластер «неживая природа» в языковой картине мира (русско-чувашские параллели) 100
- Иванова Н. Об оценочно-вербальной сфере концепта (на примере концепта «успех» в русском и болгарском языках) 114
- Хромова И.А., Токарева Г.В. Чеховская драматургия в современном китайском театре: проблема рецепции 125
- Шестакова Ди Франко Н.Н. Язык права и перевод 139

Рецензии, рефераты, обзоры

- Ушаков С.Г. Новое учебное пособие по переводу в серии «Нісиронутис»: Ф.Д. Бунятова. «Международное право. Частное право» . . . 154

Хроника научной жизни

- Костикова О.И. Международный форум по повышению квалификации переводческих кадров Китая 157

Contents

General Translation Theory

<i>Alevich, A.V.</i> Functional Stylistics and Theory of Translation: From Theory to Practice	3
---	---

Translation Methodology

<i>Isolahti, N.B. Mikhailov, M.M., Zelenin, A.V.</i> Non-verbal Accuracy of Interpreting: Transformation of Non-Verbal Markers of Emotions in Consecutive Interpreting	19
<i>Kuzina, Ye.A.</i> Translator's Intertextuality: Typology of Strategies	42
<i>Kuznetsova, A.V.</i> Syntactic Interference in Consecutive Interpreting from English into Ukrainian: a Research into Summit Interpreting	56
<i>Lavrentyeva, Ye.S.</i> Translating Metaphorical Models in Hybrid Discourse	69
<i>Yang Li, Sheng Haitao.</i> Comic Features in Anton Chekhov's One-Act Play "The Proposal" and their Reconstruction in Chinese Translation	81

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Alpatov, V.M.</i> Notes on Translation from and into Japanese	93
<i>Borisova, L.V., Chuyeva, Ye.V.</i> The Cluster "Inanimate Nature" in the Language Picture of the World: Russian and Chuvash Paralleles	100
<i>Ivanova, N.</i> Estimations in the Verbal Scope of a Concept: A Case Study of the Concept "Success" in Russian and Bulgarian	114
<i>Khromova, I.A., Tokareva, G.V.</i> Anton Chekhov's Dramaturgy in Modern Chinese Theatre: Perception Issues	125
<i>Shestakova Di Franco, N.N.</i> Legal Language and Translation	139

Reviews, Abstracts, References

<i>Ushakov, S.G.</i> A New Textbook on Translation in the "Hieronimus" Series: "International Law. Private Law" by F.D. Bunyatova	154
---	-----

Chronicles of Scientific Life

<i>Kostikova, O.I.</i> International Forum on Translators and Interpreters Training	157
---	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

А.В. Алевич,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: anisialevich@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ВОПЛОЩЕНИЮ

Статья посвящена изучению функциональной стилистики во взаимосвязи с теорией и практикой перевода. Функциональная стилистика, истоки которой усматриваются в работах Ш. Балли и представителей Пражского лингвистического кружка, в качестве отдельного направления общей стилистики, изучающей функционирование языковых систем в различных сферах общения, оформилась в середине XX в., став закономерным продолжением сопоставительно-стилистических разысканий. Ценность функциональной стилистики для теории и практики перевода представляется в построении моделей, применимых к различным ситуациям социально-ролевого взаимодействия, направленных на преодоление переводческой интерференции.

Ключевые слова: стиль, функциональная стилистика, теория перевода, сопоставительная стилистика, дискурс.

Anissa V. Alevich,

PhD Student at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: anisialevich@yandex.ru

FUNCTIONAL STYLISTICS AND THEORY OF TRANSLATION: FROM THEORY TO PRACTICE

The paper discusses functional stylistics in connection with the theory and practice of translation. Functional stylistics, whose references can be found in works by Charles Bally and representatives of the Prague School, was formed in the middle of the 20th century as a separate direction within general stylistics that examines the functioning of language systems in various spheres of communication and became a logical development of comparative-stylistic studies. Its value for the theory and practice of translation is viewed in the construction of patterns applicable to different situations of social interaction aimed at overcoming translation interference.

Key words: style, functional stylistics, theory of translation, comparative stylistics, discourse.

Слово *стиль* уходит корнями в античную Грецию, родину филологии (др.-греч. φιλολογία, любовь к слову). Понимание стиля как склада речи, изобразительно-выразительных средств языка,

ясных, исключаяющих холодность, встречается в работах Аристотеля. Один из первых софистов, теоретиков красноречия Горгий называет стиль речи средством, с помощью которого оратор «ведёт за собой душу слушателя». Вначале были буквы, формирующие буквенный ряд, которые назывались элементами, из букв составлялись слоги, из слогов целостные слова, из слов предложения или механические сплетения имён, образующие стиль, ценность которого, по заверению Аристофана, можно было измерить на весах. В «Грамматической трагедии» Каллия (под термином *грамматика* вплоть до Аристотеля понималось искусство чтения и письма) хор состоял из 24 букв недавно принятого новоионийского алфавита, и эти буквы в различной последовательности исполняли хоровые партии. Понятия стиля и музыки языка изначально были неделимы.

Из Греции слово *стиль* перешло в древний Рим, где *stilus*, «остроконечная палочка для письма», стало означать манеру письма, способ изложения. Понимание стиля как использования языка в поэзии, ораторском искусстве, художественной прозе, а также типе и форме речи, заложенные греческими риториками, получили своё развитие в работах латинских авторов, составили важную часть схоластического образования в средние века.

В эпоху Ренессанса понятие *стиль* получило дальнейшее осмысление и наполнение. «Стиль — это сам человек», — заявил 25 августа 1753 г. прославленный естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк де Бюффон (1707—1788). Стиль, «многозначный, разноречивый <...> зыбкий» [Виноградов, 1961, с. 7], становится предметом изучения нескольких дисциплин, среди которых выделяются языкознание, эстетика, искусствознание, литературоведение, оставаясь основной категорией стилистики.

Стилистика как особая дисциплина появляется в XIX столетии в связи с произведениями немецких романтиков и оказывается тесно связанной с понятием индивидуальной творческой личности, а *стиль* определяется как своеобразие художественной речи писателя, индивидуальная манера изложения.

Сопоставительная стилистика: на пути к функционализму

В начале XX в. выдающийся швейцарский лингвист, родоначальник лингвистической стилистики, в работах которого усматриваются истоки функционализма, Ш. Балли назвал заблуждением «двадцативековой» обычай изучать язык через литературу». В 1909 г. выходит «Французская стилистика», содержащая в себе новый взгляд на изучение стилистики романских языков.

Концепция Ш. Балли опирается на два полюса: отрицательный и положительный. Отрицательный — это традиционная стилистика языка, представленная К. Фосслером и Л. Шпитцером, согласно которой писатели, формирующие норму языка, сравниваются с властителями не только стилистики, но и литературного языка в целом. К. Фосслер, возглавивший так называемую «неофилологическую школу», в работе «Позитивизм и идеализм в языкознании» писал: «Стиль — индивидуальное языковое употребление в отличие от общего» [Звегинцев, 1960, с. 291]. Отрицательному полюсу противостоит положительный — это стилистика самого Ш. Балли, выступающего против изучения языка сквозь призму литературы и выдвигающего на первый план живой язык «среднего» человека.

Искусство хорошего слога противопоставляется чистой стилистике, а сознательный подход к языку — импровизации. Ш. Балли полагал, что художественное творчество, представляющее собой волевой акт, не может служить истинным критерием при определении языковой нормы, поскольку писатель в стремлении достичь творческий идеал использует язык в эстетических целях. «Он (*писатель. — А.В.*) стремится создать прекрасное, пользуясь словами, как живописец пользуется красками, а композитор — звуками» [Балли, 2001, с. 37]. Живой разговорный язык представляется единственным истинным, на котором говорит эмоциональная сторона человеческого существа, источником вечной молодости, питающим язык художественной литературы. Чистая мысль писателя противоречит насущным потребностям и сокровенной природе «среднего» человека, создающего и видоизменяющего язык.

Стилистика Ш. Балли — это стилистика третьего пути. Между лексикологией и грамматикой, поэтикой и эстетикой находится стилистика, исследующая на научном основании эмоциональную окраску фактов языковой системы. Ш. Балли писал: «Стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [там же, с. 33].

Словесное выражение мысли, «достояние всех, кто говорит на том же языке», а не мысль как таковая, лежит в основе стилистических разысканий. Главная цель — установить, что происходит в мозгу говорящего в момент выражения мысли и находит своё отражение в живой разговорной речи. Речь, как система выразительных средств, двойственна и определяется соотношением двух видов чувств: индивидуальных и социальных. Чувства представляют собой равнодействующую двух сил: эмоционального побуждения и внешнего сдерживания. Ш. Балли писал: «...в нас постоянно

развёртывается борьба между двумя рядами чувств; и те и другие стремятся к превосходству в сообщении мысли, и тем и другим случается одерживать победы и терпеть поражения, однако чаще всего устанавливается некий компромисс, неустойчивое равновесие» [там же, с. 26—27].

Эмоциональная сторона языка находит отражение в экспрессивных фактах языка, которые возникают благодаря непрестанному взаимодействию языковых чувств и прочно связаны в сознании с соответствующими представлениями о действительности. Существует единственный метод — сопоставление. Ш. Балли полагал, что эмоциональная окраска слова видна лишь благодаря мысленному сопоставлению с другими, а для идентификации экспрессивного факта, равного единице мысли, формирующейся из идеи и чувства, необходимо использовать путём подстановки слово-идентификатор, нейтральное слово, которое сознательно очистили от эмоциональной составляющей, свойственной человеческой природе.

Тем не менее, подобрать слово, точно совпадающее всей палитрой значений идентифицируемому слову или выражению, сложно и не всегда возможно. «Слово, — писал Ш. Балли, — это петля тончайшей сети, которая соткана нашей памятью из невообразимого множества волокон; тысячи ассоциативных связей сходятся в каждом слове и расходятся от него по всем направлениям» [там же, с. 89]. Именно поэтому для выявления всей гаммы оттенков значения на первый план выходит нахождение логического (смыслового) эквивалента. Подбор соответствующего слова является не конечной, а скорее отправной точкой при использовании метода сопоставления. Дальнейшая задача заключается в сравнении контекстов, в которых экспрессивный факт и слово-индикатор находятся в естественной, гармоничной среде. Ведь, с одной стороны, слово — это зрительное понятие, с другой — иллюзия, поскольку не всегда соответствует единице мысли, лишь контекст исключает всякую двусмысленность.

Ш. Балли, ученик Ф. де Соссюра, выделял синхронию и диахронию при полном отрицании последней в стилистическом анализе. Он полагал, что изучение языка в его историческом развитии мешает верному пониманию его синхронного состояния и проникновению в дух языка. Говоря о том, что стилистика не может быть наукой исторической, Ш. Балли отмечал, что изучение мёртвых языков или живых языков на ранних стадиях своего развития представляется возможным.

В книге Ш. Балли была выдвинута идея «европейской стилистики», заложившая основу сопоставительного изучения европейских языков. Он полагал, что общность психического склада, созрев-

шая во времена Античности и объединившая страны западноевропейской цивилизации, проявляется в сходном выражении мыслей и чувств. Ш. Балли отмечал: «Новейшие языки так называемых «цивилизованных стран» <...> в своём непрестанном развитии отнюдь не расходятся между собой, а, наоборот, стремятся ко всё большему сближению. Нетрудно обнаружить причину этого явления: она заключается в многочисленных и разнообразных связях между народами, как в области материальной культуры, так и в области мысли» [там же, с. 40].

Общность психического склада, выражающаяся в сходности идей, ходе мысли, позволяет сопоставлять языки, не состоящие в лингвистическом родстве. В качестве примера Ш. Балли приводит финский и венгерский языки, которые не родственны с английским и даже не входят в группу индоевропейских языков, однако при способе выражения понятий обнаруживают множество параллелей с языками западных стран.

Взаимопроникновение языков явственнее всего обнаруживается в возникновении калек и заимствований, ставших следствием общения между народами. Языковая инерция как результат механического перевода не единственная причина появления лингвистических подделок, со временем не отличающихся от исконных слов данного языка. Традиция, боязнь исказить божественный смысл были определяющими во времена переводов Библии, заложивших основы современных европейских языков.

Так, во французском языке Иисус Христос называется *notre Rédempteur* «наш Икупитель», что является заимствованием латинского *redemptor*. Выражение «искупить наши грехи» (*racheter*) — калька латинского *redimere*, скалькированного в свою очередь с греческого слова, использованного в Евангелии. Кальки и заимствования, вписавшиеся в контекст принимающей культуры, переживают полный цикл развития и, если получают все права гражданства в языке, со временем не отличаются говорящими от исконных слов данного языка.

Общность психического склада, лежащая в основе взаимопроникновения языков, «позволяет стилистике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего другие современные языки» [там же, с. 40]. Сопоставление языков помогает не только лучше проникнуть в специфику иностранного языка, но и глубже осознать возможности родного языка, рельефнее очертить стилистические особенности, ускользающие от носителя языка в силу их обыденности.

Идеи Ш. Балли получают своё развитие в середине XX в., когда в 1957 г. Ж.-П. Вине провозглашает рождение «новой науки, сопо-

ставительной стилистики» [Vinay, — Darbelnet, 1957, p. 141]. Годом позднее, в парижском издательстве *Didier* в соавторстве с Ж. Дарбельне выходит «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» (*Stylistique comparée du français et de l'anglais*), первая работа серии «Библиотека сопоставительной стилистики» под общей редакцией А. Мальблана. Уроженцы Франции, долгое время проживавшие в двуязычной Канаде, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне говорили о неразрывной связи сопоставительной стилистики и перевода: «Теория перевода и сопоставительная стилистика следуют по одному пути, но в разных направлениях. Сопоставительная стилистика отстраняется от законов теории перевода, которая, напротив, пользуется законами сопоставительной стилистики для построения перевода» [Vinay, — Darbelnet, 1958, p. 21].

«Сопоставительная стилистика» Ж.-П. Винея и Ж. Дарбельне, преподавателей Монреальского университета, имела практическую направленность и содержала основные принципы, на основании которых, по мнению А. Мальблана, может быть составлена «дорожная карта, позволяющая найти пути передачи всех составляющих исходного текста средствами другого языка» [*ibid.*, p. 1 (цит. по Н.К. Гарбовскому)]. Исследователи делят перевод на прямой (буквальный) и косвенный, к которому относят 11 типов модуляций (трансформаций), представленных как приёмы преобразования смысла, составляя так называемое «теоретико-переводческое ответвление сопоставительной стилистики» [Долинин, 1978, с. 84].

В 1961 г. в той же серии выходит «Сопоставительная стилистика французского и немецкого языков» (*Stylistique comparée du français et de l'allemand: essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction*) А. Мальблана. Подобно Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, он пишет о методической ценности сопоставительного изучения языков, подобно Ш. Балли, говорит о сходимости языков, вызванной общностью развития родственных цивилизаций, и подчёркивает значение сопоставительной стилистики для теории перевода, которая позволяет вскрыть явления, ускользающие от лингвиста, работающего на материале лишь одного языка, поэтому «сопоставительные исследования являются одновременно и разысканием и контролем» [Malblanc, 1961, p. 15].

Стилистика А. Мальблана распадается на две стадии: первая делает упор на соотношение систем сопоставляемых языков, выявление сходств и различий и определение способов перехода от системы одного языка к системе другого путём перевода. В рамках первой стадии сопоставительной стилистики А. Мальблан пишет о единице перевода, которая понимается им как единство смыслов, связей, пронизывающих текст (*unités des associations*), а не от-

дельно взятое слово, наполняемое дополнительными смыслами и оттенками значений в определённом контексте. Далее он пишет о необходимом учёте внеязыковых, экстралингвистических факторов и, как обязательном условии перевода, доскональном знании переводчиком научной, политической, художественной мысли периода создания произведения. Третьим важным аспектом на первом этапе сопоставительно-стилистических разысканий является определение уровня языка, расцвечивающего произведение, к которому принадлежит каждый фрагмент переводного текста.

На второй стадии сопоставительной стилистики осуществляется сравнение стилей и жанров языков, где важно определить, что в литературном тексте продиктовано системой языка, а что — индивидуальностью писателя. В центре изучения А. Мальблана находится исключительно первая стадия сопоставительного изучения языков, вторую стадию он называет «землёй обетованной», неким недостижимым идеалом.

Идеи сопоставительного изучения языков, заложенные Ш. Балли, получили своё развитие в работах отечественных учёных. А.В. Фёдоров во введении к первой отечественной работе, посвящённой теоретическому подходу к переводческой деятельности, «Введение в теорию перевода» (1953) говорит о том, что с теорией перевода, которая в дальнейшем будет осмысляться как наука трансдисциплинарная [Гарбовский, 2015, с. 3], из лингвистических дисциплин «самое близкое отношение имеет стилистика» [Фёдоров, 1953, с. 17], которая позволяет решать вопросы, связанные с соотношением разных языков и с различными возможностями передачи подлинника средствами данного языка.

В центре внимания А.В. Фёдорова находится язык как «первоэлемент» литературы, ведь «...содержание подлинника существует не само по себе, а только в единстве с формой, с языковыми средствами <...>, и оно может быть передано при переводе только с помощью языковых средств, а не с помощью красок, линий, музыкальных или природных звуков» [там же, с. 21].

Основоположник отечественной лингвистической теории перевода, в начале своего пути занимавшийся переводом художественным, не говорит о всесильности чисто лингвистического подхода к переводу. Лингвистика является обязательным, но далеко не единственным составляющим в таинстве под названием перевод. Фёдоров-лингвист и Фёдоров-литературовед оказываются неделимыми. Перевод А.В. Фёдорова начинается с филологического анализа, заключающего в себе истолкование, продолжается анализом лингвистическим, то есть глубинным пониманием структур двух разных языков, и завершается литературным творчеством.

А.В. Фёдоров, говоря о недостаточности чисто лингвистического подхода к изучению перевода, указывал на его безусловную необходимость. Он полагал, что лингвистический подход поможет избежать смысловых искажений, а также буквализма, что представляется вполне логичным, поскольку природа данных ошибок связана с неверным пониманием глубинных спаянных языковых структур, и как итог членением схемы мысли.

Несмотря на то, что построение теории перевода выявляет наличие закономерностей в соотношении двух языков, А.В. Фёдоров, как и А. Мальблан, выступает против выработки готовых рецептов при переводе. Говоря об уникальности каждого фрагмента переводного текста, он призывает принимать решение в каждом конкретном случае, избегать шаблонов, где на первое место, как и в теории Ш. Балли, выходит контекст. А.В. Фёдоров писал: «ко всякой нормативной рекомендации того или иного способа, хотя бы даже подкреплённой самыми вескими теоретическими доводами или ссылками на авторитеты, на практике необходимо сознательное творческое отношение» [там же, с. 23].

Функциональная стилистика: от раздела сопоставительной стилистики к самостоятельной дисциплине

Сопоставительная стилистика, на начальном этапе своего развития строившаяся преимущественно как стилистика художественной речи, расширяет область своих интересов, обращается к сопоставлению «стилей и жанров» языков, перерастая в функциональную стилистику. Истоки функционализма восходят к работам Ш. Балли и представителей Пражского лингвистического кружка, которые исходили из понимания языка как системы знаков и уделяли первостепенное значение языковой функции. В тезисах Пражского лингвистического кружка говорится: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей чёткостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения *язык есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели*» [Пражский лингвистический, 1967, с. 17]. Тем не менее, в качестве направления в общей стилистике функциональная стилистика оформилась в 50–60-х гг. XX в., став закономерным продолжением сопоставительной стилистики.

В отечественной науке функциональную направленность имеет «Французская стилистика» Ю.С. Степанова. Говоря о многоярусной интерпретации текста, Ю.С. Степанов указывал на необходимость поиска некоего *ключа* ситуации, внешнего отношения к высказыванию, т.е. предварительного знания о тексте, а взаимодействие элементов и уровней текста называл основным в функционировании сообщения. Подобно Ш. Балли, он пишет о проблеме функционального выбора, согласно которой в языке констатируются многочисленные синонимичные ряды, один из которых формирует «нейтральный фон» или норму, а другие отличаются дополнительной стилистической окрашенностью. Ю.С. Степанов разделял литературный язык и просторечие, между которыми располагается нейтральный стиль (норма), на котором происходит сопоставление языков.

Ю.С. Степанов понимал норму в качестве одного из уровней языка, противопоставляемого индивидуальной речи, который в свою очередь распадается на несколько подсистем, каждая из которых называется функциональным стилем языка (речи). Он писал: «Функциональный стиль — это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, закреплённая за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и характеризующаяся набором средств выражения (морфем, слов, типов предложения и типов произношения) и скрытым за ним принципом отбора этих средств из общенародного языка» [Степанов, 1965, с. 218].

Н.К. Гарбовский пишет, что «принцип функциональности заключался в том, чтобы в ходе сопоставительно-стилистических разысканий выявить закономерные сходства и расхождения в *функционировании* языковых систем в типических коммуникативных актах, закреплённых узусом за типическими социально-ролевыми позициями коммуникантов» [Гарбовский, 2013, с. 18]. Итак, в центре внимания функциональной стилистики находятся коммуникативные акты, предметом изучения становятся сходства и расхождения в речевой коммуникации, а ключевая задача заключается в достижении прагматически адекватного перевода.

Тем не менее, функциональная стилистика, являясь одной из ключевых направлений стилистики, так и не стала самостоятельной дисциплиной. Предметом обсуждений исследователей стала, в том числе, центральная категория функциональной стилистики — функциональный стиль. В отечественном языкознании теория функциональных стилей была разработана В.В. Виноградовым, который в основе членения функциональных стилей рассматривал различия функций языка. Он писал: «При выделении таких важнейших об-

шественных функций языка как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [Виноградов, 1981, с. 21]. Подобная классификации не оказалась статичной. И.В. Арнольд выделяет не три, а уже пять функций языка: интеллектуально-коммуникативную, эмотивную, волюнтаривную, апеллятивную и эстетическую [Арнольд, 2002, с. 8].

Неоднозначность трактовки функциональной стилистики во взаимосвязи с функциями языка приводит исследователей к поиску новой точки опоры, которой становятся сферы общения, характеризующиеся собственным языком, упоминание о которых встречается во «Французской стилистике» Ш. Балли: «Каждое более или менее оформленное сообщество людей и каждый вид деятельности стремится создать свой особый «язык» <...> Такое «языко-творчество» объясняется целым рядом обстоятельств, чаще всего специфическими потребностями, свойственными каждой отдельной форме существования мысли; совокупность людей, которым присуща данная форма речи, и совокупность условий, определяющих её создание и сохранение, — вот что мы называем (за неимением более точного термина) средой» [Балли, 2001, с. 252].

В то же время этот «особый язык», присущий определённому сообществу, не является языком в языке, неким обособленным пространством, функционирующим по своим собственным законам, на который как трафарет накладываются единые законы и категории. В основе языка той или иной сферы общения лежит язык общенародный. Согласно данным французских исследователей, не менее 70% слов в технических текстах принадлежат общенародному языку, а в научно-популярных текстах этот процент возрастает до 85 [Вине, 1981, с. 17]. Таким образом, именно функционирование языка делает каждую сферу общения уникальной, их количество бесконечным, ещё более усложняя выделение функциональной стилистики в качестве отдельной дисциплины. На первый план выходят экстралингвистические факторы, распространяющиеся за пределы «чистой» лингвистики и определяющие закономерности функционирования языка. Н.К. Гарбовский пишет, что экстралингвистические факторы, такие как цель, прагматическая установка, условия общения, межличностные отношения между коммуникантами предопределяют характер выбора и организацию языковых средств, обуславливают функционально-стилистическую дифференциацию речи [Гарбовский, 1988, с. 11–12].

Осознание необходимости учитывать внелингвистические факторы при создании языка определённой сферы общения понималось учёными задолго до выделения функциональной стилистики в качестве отдельного направления в общей стилистике и формирования теории перевода как науки.

Экстралингвистические факторы сделали невозможным появление в математической науке России конца XVIII в. «ведьмы» *the Witch of Agnesi* («ведьма Аньези»), плоской алгебраической кривой третьего порядка. В 1748 году Мария Гаетана Аньези (1718—1799) опубликовала работу *Institutioni analitiche* («Основы анализа») объёмом более тысячи страниц, ставшей, по заявлению Французской Академии Наук, наиболее полным учебником по математике и первым систематическим изложением математических теорий XVII — начала XVIII в. Учебник, написанный Марией Аньези для своих младших братьев и сестёр, вызвал широкий интерес в Европе, практически сразу стал переводиться на европейские языки, а Папа Бенедикт XIV (1740—1758), бывший Великий инквизитор Рима, назначил Марию Аньези профессором кафедры математики Болонского университета.

В 1801 г. Джон Коллинс, занимавший должность Лукасианского профессора в Кембриджском университете, выполнил перевод работы на английский язык, в котором алгебраическая кривая, которую Мария Аньези назвала от латинского слова *vertete* «обращать» преобразовалась в «ведьму», поскольку название слишком походило на итальянское *versiera* — «ведьма», «призрак». В то же время ошибка Джона Коллинса, выдающего учёного и преподавателя, друга Исаака Ньютона, с которым он состоял в тесной переписке, не кажется случайной по отношению к выдающейся женщине-математику XVIII в. Через несколько десятилетий в Италии алгебраическая кривая стала называться *Loci of Agnesi* «локон (или кривая) Аньези» и под таким названием стала широко употребляться в Европе. Тем не менее, в России кривая Аньези долгое время была известна как верзиера. Переводчики в название термина также усмотрели отсылку на «призрак», поскольку переводу подверглось слово *versiera*, а не *vertete*, и избрали в качестве приёма перевода транслитерацию, потому что ни об упоминании ведьмы, ни о локоне, опосредованно с ней связанным, в царской России не могло идти и речи.

Со временем осознание учитывать экстралингвистические факторы в переводе только усилилось. В знаковой статье В.В. Путина «Сирийская альтернатива» (*A Plea for Caution From Russia*), опубликованной в газете New York Times 11 сентября 2013 г., находим следующий пример: «Отцы-основатели ООН понимали, что судьбо-

носные решения по вопросам войны и мира должны приниматься только консенсусом, и *по настоянию* США закрепили в Уставе ООН право вето для постоянных членов Совета Безопасности» [Сирийская альтернатива, 2013]. Перевод: “The United Nations founders understood that decisions affecting war and peace should happen only by consensus, and with America’s *consent* the veto by Security Council permanent members was enshrined in the United Nations Charter” [New York Times, 2013].

В переводе на английский язык единице ориентирования *по настоянию США* соответствует *America’s consent (to give assent or approval: agree* [Merriam-Webster’s, 2009, p. 265]), т.е. с согласия США. Выбор переводчика, по-видимому, продиктован внелингвистическими факторами. В статье В.В. Путина говорится, что право вето было закреплено по настоянию США, а значит, критика принципа единогласия должна быть адресована не только «упрямой Москве». Действительно, именно Ф. Рузвельт внёс данное предложение на утверждение «Большой тройки». Сын Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт писал: «Отец поддержал этот принцип, учитывая бесспорную необходимость сохранения единства «Тройки» в будущем... Отец и Сталин одобрили идею предоставления членам «Большой тройки» право вето, основывая свою аргументацию на том простом и предельно ясном факте, что мир может быть сохранён только при условии единодушия всех крупнейших держав» [Рузвельт, 1947, с. 180]. Однако изначально идея наделения правом вето постоянных членов Совета Безопасности принадлежала Советскому Союзу. А.А. Громыко, по словам его сына А. Громыко, члена-корреспондента РАН, говорил следующее: «Идея согласия в Совете Безопасности была нашей. Советское руководство отдавало себе отчёт, что если решения будут приниматься простым большинством, то группа капиталистических государств Москве будет навязывать неприемлемые решения, стремление к компромиссу будет отсутствовать» [Независимая газета, 1999]. Таким образом, в переводе для западного читателя, подчёркивается ключевая роль Москвы в создании ООН и международных отношениях в целом.

Функциональная стилистика и дискурс: смена ориентиров

Выработка стройной классификации экстралингвистических факторов, благодаря которым речь приобретает свои стилевые характеристики, наталкивается на определённые трудности, поскольку классификации внелингвистических факторов строятся применительно к тому или иному функциональному стилю. Размытость тер-

минологического аппарата, который должен был лежать в основе формирования функциональной стилистики как отдельной науки, привёл к постепенной замене термина функциональная стилистика термином дискурс как более широким понятием. Если функциональный стиль означал в первую очередь определённый тип текстов с соответствующей лексической и грамматической системой, то под термином дискурс понимается и «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, <...> речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Дискурс может быть устным и письменным, художественным и мифопоэтическим, морально-правовым и культурно-историческим, религиозно-философским и политическим, постмодернистским и утопическим и т.д.

Тем не менее, само понятие стиль, лежащее в основе стилистических разысканий, представляется предельно широким, а в своём втором значении, согласно Большому энциклопедическому словарю Языкознание, приравнивается к функциональному стилю [Языкознание, 2000, с. 494], поэтому обращение к объёмному термину дискурс представляется закономерным.

В то же время переход к термину дискурс не подменяет значения функциональной стилистики в теории перевода: переведённый текст может оказаться мёртвым в новой языковой среде, а для того, чтобы вдохнуть в него жизнь, необходимо проанализировать аналогичные ситуации социально-ролевого взаимодействия коммуникантов и органично вписать его в новую языковую среду. По словам Н.К. Гарбовского: «На этом основании могут быть построены модели перехода от исходного текста к тексту на переводящем языке, наиболее соответствующие дискурсивным нормам последнего и способные в известной степени преодолеть переводческую интерференцию» [Гарбовский, 2013, с. 18].

Функциональная стилистика, не составив отдельной дисциплины, представляет одно из центральных направлений стилистики, изучающей функционирование языковых систем в различных сферах общения. Истоки функционализма восходят к работам Ш. Балли и Пражского лингвистического кружка, под основной характеристикой языка понимавших функционирование системы знаков. В качестве отдельного направления функциональная стилистика оформилась в середине XX в., став закономерным продолжением сопоставительной стилистики. В дальнейшем термину функциональная стилистика пришёл на смену дискурс как более объёмное понятие, включающее в себя и процесс и текст как результат этого процесса. Ценность функциональной стилистики для теории и прак-

тики перевода представляется в построении моделей, применимых к различным ситуациям социально-ролевого взаимодействия, направленных на преодоление переводческой интерференции.

Список литературы

- Арнольд И.В.* Современный английский язык. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
- Arnol'd, I.V.* Sovremennyj anglijskij jazyk. [Modern English] 5-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 p. (in Russian).
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Arutjunova, N.D.* Diskurs // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Discourse // Encyclopedic Dictionary of Linguistics] M., 1990 (in Russian).
- Балли Ш.* Французская стилистика / Шарль Балли, пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Эдиториал. УРСС, 2001. 392 с.
- Balli, Sh.* Francuzskaja stilistika [French stylistics] / Sharl' Balli, per. s fr. K.A. Dolinina. M.: Jeditorial. URSS, 2001. 392 p. (in Russian).
- Вине Ж., Маритэн А.* Язык французской технической литературы. М., Высшая школа, 1981.
- Vine, Zh., Maritjen, A.* Jazyk francuzskoj tehničkoj literatury [Language of French technical literature]. M., Vysshaya shkola, 1981 (in Russian).
- Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Изд-во Худож. лит., 1961. 614 с.
- Vinogradov, V.V.* Problema avtorstva i teorija stilej [The problem of authorship and theory of styles] M.: Izd-vo Hudozh. lit., 1961. 614 p. (in Russian).
- Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
- Vinogradov, B.B.* Problemy russkoj stilistiki [Problems of Russian stylistics] M.: Vysshaja shkola, 1981. 320 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи: на материале русского и французского языков. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
- Garbovsky, N.K.* Sopostavitel'naja stilistika professional'noj rechi: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov [Comparative stylistics of professional speech Based on Russian and French] 2-e izd. M.: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2009. 144 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 14–36.
- Garbovsky, N.K.* Sopostavitel'naja stilistika i metodologija perevoda [Comparative Stylistics and Translation Methodology] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2013. № 1. P. 14–36 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.

- Garbovsky, N.K.* Sistemologicheskaja model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znanij [Systemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2015. № 1. P. 3–20 (in Russian).
- Долнин К.А.* Стилистика французского языка. Л.: Высшая школа, 1978, 344 с.
- Dolnin, K.A.* Stilistika francuzskogo jazyka. [French Stylistics]. L.: Vysshaja shkola, 1978, 344 p. (in Russian).
- Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. 2-е изд., доп. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. 406 с.
- Zvegincev, V.A.* Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah: V 2 ch. [Essays on the history of 19th and 20th century linguistics]. 2-е изд., доп. М.: Uchpedgiz, 1960. Ch. I. 406 p. (in Russian).
- Независимая газета. Фигуры и лица. 1999. № 14.
- Nezavisimaja gazeta. Figury i lica [People in history]. 1999. № 14 (in Russian).
- Пражский лингвистический кружок: сб. статей / Сост. Н.А. Кондрашева. М.: Прогресс, 1967. 557 с.
- Prazhskij lingvisticheskij kruzhok [Prague school]: sb. statej / Sost. N.A. Kondrasheva. M.: Progress, 1967. 557 p. (in Russian).
- Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. А.Д. Гуревича, Д.Э. Куниной. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. 256 с.
- Ruzvel't, Je.* Ego glazami [As He Saw It] / Per. s angl. A.D. Gurevicha, D.Je. Kuninnoj. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1947. 256 p. (in Russian).
- Сирийская альтернатива. Статья В.В. Путина, опубликованная в американской газете «Нью-Йорк Таймс» // www.kremlin.ru/events/president/news/19205
- Sirijskaja al'ternativa [A Plea for Caution From Russia] Stat'ja V.V. Putina, opublikovannaja v amerikanskoj gazete "N'ju-Jork Tajms" (in Russian).
- Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965. 360 с.
- Stepanov, Ju.S.* Francuzskaja stilistika [French stylistics] M.: Vysshaja shkola, 1965. 360 p. (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953.
- Fedorov, Andrei.* Vvedenie v teoriyu perevoda [Introduction to the Theory of Interpreting and Translation], M.: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1953 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- Fjodorov, A.V.* Osnovy obshhej teorii perevoda [General theory of translation]. M.: Vysshaja shkola, 1983. 303 p. (in Russian).
- Языкознание. Большой энциклопед. сл. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
- Jazykoznanie. Bol'shoj jencikloped. sl. [Encyclopedic Dictionary of Linguistics] / Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000. 688 p. (in Russian).

- Malblanc, A.* Stylistique comparée du français et de l'allemand: Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction. Paris: Didier, 1961.
- Merriam-Webster's Dictionary of the English language. College ed., USA, Massachusetts, Springfield Publ, 2003.
- New York Times. A Plea for Caution From Russia. 2013 // www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?_r=0
- Vinay, J.-P.* Peut-on enseigner la traduction? ou Naissance de la Stylistique comparée. 1957. P. 141–151.
- Vinay, J.-P., Darbelnet, J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris: Didier. 1958.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Н.Б. Исолахти,

доктор философии, Университет Тампере, университетский лектор;
e-mail: nina.isolahti@staff.uta.fi

М.Н. Михайлов,

доктор философии, Университет Тампере, профессор; e-mail:
Mikhail.Mikhailov@staff.uta.fi

А.В. Зеленин,

доктор философии, Университет Тампере, университетский лектор;
e-mail: Aleksandr.Zelenin@uta.fi

НЕВЕРБАЛЬНАЯ ТОЧНОСТЬ УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ТРАНСФОРМАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭМОТИВНЫХ МАРКЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема трансформации невербальной составляющей сообщения в ситуации последовательного перевода. Конкретным объектом исследования выбрана улыбка, маркирующая шутливость или ироничность, а также улыбка смущения. Временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом может сделать недоступными для собеседника или исказить значения, выраженные невербальными средствами. Невербальное поведение переводчика может препятствовать передаче эмотивного настроя между собеседниками или же вносить в коммуникацию выраженные невербально эмоции самого переводчика. Исследование проведено на экспериментальном материале устного перевода, собранном в Университете Тампере, Финляндия.

Ключевые слова: устный перевод, последовательный перевод, невербальная коммуникация, точность перевода, улыбка.

Nina B. Isolahti,

PhD, Lecturer at the School of Language, Translation and Literary Studies,
the University of Tampere; e-mail: nina.isolahti@staff.uta.fi

Mikhail M. Mikhailov,

PhD, Professor at the School of Language, Translation and Literary Studies,
the University of Tampere; e-mail: Mikhail.Mikhailov@staff.uta.fi

Aleksandr V. Zelenin,

PhD, Lecturer at the School of Language, Translation and Literary Studies,
the University of Tampere; e-mail: Aleksandr.Zelenin@uta.fi

NON-VERBAL ACCURACY OF INTERPRETING: TRANSFORMATION OF NON-VERBAL MARKERS OF EMOTIONS IN CONSECUTIVE INTERPRETING

The paper deals with the transformation of non-verbal constituents of spoken discourse during consecutive interpretation. The authors have chosen amused or ironic smile and embarrassed smile as the objects of our study. The temporal gap between the source verbal message and its interpretation can make the non-verbal message unclear to the addressee or even distort its meaning. On the other hand, the non-verbal behaviour of an interpreter can create obstacles in the exchange of emotions between communicants. In some cases, the interpreter's non-verbal messages can be incorporated into the communication and thus can become a part of the source message. The research data are experiments with simulated Russian — Finnish — Russian interpreting carried out and video-recorded at the University of Tampere, Finland.

Key words: consecutive interpreting; accuracy of interpreting; non-verbal communication; smile.

Устный перевод является особым видом речевой коммуникации, в котором общение происходит опосредованно, через переводчика. Хотя ожидается, что перевод должен донести до второй стороны всю информацию, которая была в исходном сообщении, это является лишь недостижимым идеалом. В процессе перевода исходное сообщение неизбежно подвергается изменениям. Исследования по переводоведению приводят множество примеров переводческих трансформаций вербальной составляющей исходного сообщения. В данной статье мы коснёмся невербального компонента коммуникации, а именно, проследим, передаются ли невербальные элементы в процессе двустороннего устного последовательного перевода. В качестве объекта исследования выбрана взаимная улыбка участников общения.

1. Цель исследования

Тема динамики невербальной составляющей сообщения в ситуации последовательного перевода достаточно нова, несмотря на важность невербальной коммуникации в человеческом общении. Исследования по точности перевода или переводческим трансформациям затрагивают, как правило, вербальное сообщение, а вопрос о невербальной составляющей сообщения остаётся без внимания. Можно утверждать, что в научных кругах даже широко не обсуждалась необходимость *невербальной точности перевода*.

Исследования невербалики в устном переводе затрагивают довольно ограниченный круг проблем. Так, проводились некоторые исследования влияния визуального контакта на перевод. Исследовано, например, каким образом отсутствие визуального контакта влияет на понимание переводчиком речи оратора [Rennert, 2008] и

на точность вербального перевода [Jesse at al., 2000/2001; Tommola at Lindholm, 1995]. Изучалась также кинесика самих переводчиков. Кроме того, большая часть исследований рассматривает невербальную коммуникацию при синхронном переводе. Невербальная коммуникация в последовательном переводе описана в общих чертах в работах Поятоса [Poyatos, 1997, 2002], но нам не известны исследования невербалики последовательного перевода на эмпирическом материале.

При последовательном переводе возникает сравнительно длинный временной разрыв между вербальным сообщением собеседника, сопровождаемым невербальными сигналами, и воспроизведением этого сообщения на языке, понятном другому собеседнику, т.е. слушателю. Каким образом данный разрыв влияет на восприятие собеседниками невербальных сообщений друг друга? Удаётся ли слушателю определить, какая часть сообщения соотносима с каким невербальным маркером? Передаёт ли перевод информацию, выраженную невербально? Привносит ли в беседу какую-либо невербально выраженную информацию третий участник интеракции, т.е. сам переводчик? В данной статье мы коснёмся этих вопросов на примере переводческих трансформаций невербального сообщения, маркированного улыбкой.

В статье описываются два типа трансформаций невербальной стороны сообщения в речевой ситуации последовательного перевода диалога, а именно:

1. Маркированный улыбкой эмотивный настрой говорящего может быть утерян при переводе.

2. В переводимом диалоге могут появиться невербальные добавления, произошедшие в результате деятельности самого переводчика.

В разделе 2 мы кратко опишем сам объект нашего исследования, улыбку. Наш подход основан на принципах конверсационного анализа диалога, что обусловило описание улыбки как коммуникативного явления совместного для коммуникантов. В разделе 3 мы представим схему процесса последовательного перевода, сделав акцент на разнофазовости мультимедийных каналов.

2. Совместная улыбка собеседников

Широко известно, что в нашем общении доля невербальной коммуникации составляет 65–70% [Mehrabian, 1967; Birdwhistell, 1970]. Невербальные средства имеют самые разнообразные функции. С одной стороны, они выражают эмотивный настрой участников, а с другой стороны, служат одним из элементов взаимо-

действия партнёров по коммуникации. Невербальные элементы (в частности мимика) поддерживают или дублируют вербальные средства, вносят дополнительную информацию, которая может не только дополнять, но и менять смысл сказанного. У невербальных средств может быть своё собственное значение [см., напр., Morris at al., 1979; Tiittula, 2006, p. 184]. Невербальные маркеры задействованы в механизме мены речевых ходов. Диалог строится в процессе интеракции, и именно через невербальный канал коммуниканты получают существенные для продолжения разговора сигналы, такие как возможная реакция на полученную информацию (невербальную и вербальную), её качество или интерпретацию, отношение к самой ситуации общения вообще и т.п.

Улыбка, как и иные невербальные средства, выполняет в речевой коммуникации разнообразные функции. В психологии улыбку рассматривают в качестве биологического индикатора позитивных эмоций [см., напр., Ekman, 1977; Frank, 2003]. С другой стороны, ряд учёных полагает, что улыбка является, прежде всего, социально-коммуникативным элементом, использование которого обусловлено наличием социального контакта или же приобретённым этнокультурным кодом [см., напр., Fridlund, 1991; Landis, 1924; Russell, 1994]. Сторонники данного подхода приводят доказательства в подтверждение тому, что улыбка может использоваться без особого эмоционального триггера (возбудителя) [Fridlund, 1991] или же является эмоциональной реакцией, противоположной ожидаемой [Landis, 1924]. Данные два подхода не исключают друг друга. Так, коммуникативистами не отрицается полное отсутствие связи между улыбкой и позитивными эмоциями [см., напр., Fridlund, 1991; Landis, 1924], а приверженцы универсально-биологического подхода предлагают наряду с обязательной, психологически мотивированной улыбкой добровольную, используемую в коммуникационных целях [см., напр., Buck, 1984; Ekman, 1977; Ekman, 1969; Frank at Ekman, 1993; Крейдлин, 2001].

Настоящая статья рассматривает улыбку в коммуникативном ракурсе, однако мы принимаем как факт постулат об улыбке как универсальном маркере позитивных эмоций. Поскольку улыбка необычайно многозначна и существуют основанные на различных принципах системы классификации данного мимического жеста, то в рамках данной статьи не представляется возможным представить более детальную классификацию значений улыбки. Кроме того, с позиции постановки исследовательской проблемы, предложенной в разделе 1 настоящей статьи, центральным является не само значение невербального жеста, а его потеря или добавление в переводе относительно исходного сообщения.

Таким образом, мы ограничимся лишь кратким экскурсом в две разновидности улыбок.

1. Улыбка, маркирующая шутливость или ироничность высказывания. Такая улыбка отражает позитивный настрой и является сигналом того, что произнесённое вербальное сообщение должно толковаться в шутливой или ироничной коннотации.

2. Улыбка смущения переводчика. Улыбка смущения не разработана достаточно разносторонне. Антропологические исследования африканских племён описывают улыбку в ситуациях конфуза [Klineberg, 1940, 1955; Le Barre, 1947, 2006]. Также улыбку смущения, по нашему мнению, можно толковать по аналогии со смехом¹ в затруднительных ситуациях, описанных Филипом Гленном [Glenn, 2003]. Улыбка смущения имеет социальный характер. Гленн, ссылаясь на ряд исследователей и на собственные наблюдения, полагает, что смех имеет аффилиативную природу, а потому человеку свойственно прибегать к смеху для преодоления социально сложных ситуаций или смущения [Glenn, 2003, p. 30]. Аналогично смеху, участники коммуникативной ситуации в затруднительной ситуации могут прибегать к улыбке. Улыбка смущения в процессе устного перевода у переводчика, насколько нам известно, не изучалась.

Как было отмечено ранее, представляемая работа базируется на коммуникативных принципах конверсационного анализа. Данный подход предполагает интерактивность жестов и мимики. Интерактивная схема шутливой/ироничной улыбки в монологическом диалоге описана исследователями Каукомаа, Перякюля и Руусувуори на материале финского языка [Kaukomaat al., 2013]. Говорящий маркирует улыбкой переход от нейтральной темы к шутливой или ироничной. Собеседник (слушатель) *регулярно* отвечает на улыбку-маркер шутливости или ироничности, тем самым разделяя шутливый, позитивный или же ироничный настрой говорящего [Kaukomaat al., 2013, p. 45].

Согласно Каукомаа, Перякюля и Руусувуори [Kaukomaat et al., 2013], собеседник (слушатель) откликается улыбкой на улыбку-маркер шутливости или ироничности двумя разными способами.

¹ Учёные не находят консенсуса в вопросах схожести и различиях явлений улыбки и смеха. Некоторые исследователи классифицируют смех как высшую стадию или эскалацию улыбки, а различие видят лишь в уровне интенсивности. Другие рассматривают их как параллельные явления. Несмотря на полемику, несомненно, что данные невербальные маркеры близки. Оба ассоциируются с дружелюбием и социальностью, хотя смех, в отличие от улыбки, более агрессивен и может выражать враждебность или доминантность [Glenn, 2003, p. 15–16]. Поскольку оба явления имеют социальное начало, полагаем, что в ситуациях конфуза или смущения природа улыбки и смеха может быть одна.

В первом случае слушатель обозначает улыбкой своё участие в положительных эмоциях после того, как он понял причину положительного эмоционального настроения говорящего. Во втором случае слушатель начинает улыбаться ещё до того, как он понял причину положительного эмоционального настроения говорящего. Вторая модель подчёркивает эмоциональную доверительность слушающего к говорящему. Такое быстрое включение в эмоциональное настроение говорящего не является, тем не менее, механическим или слепым. Оно может быть мотивировано как общей темой разговора, так и предыдущей репликой говорящего. Инициатор улыбки, как правило, продолжает улыбаться, дожидаясь ответной реакции собеседника, или же до смены эмоционального настроения на нейтральный или серьёзный [ibid.]. Собеседники строят на совместной улыбке схему взаимопонимания и доверия. Отвечая улыбкой на улыбку говорящего, слушатель не только даёт понять, что понял сообщение в полной мере, но и выражает то, что разделяет шутливую или ироничную оценку говорящим данного факта [ibid.].

Является такая ответная реакция автоматической или осознанной? Исследования в области так называемого *эмоционального заражения* [см. Hatfield at al., 1993; Dimberg, 2007] утверждают, что поведенческая мимика влияет на эмоциональное состояние собеседника таким образом, что он в итоге разделяет эмоциональный настрой т.н. инициатора. Однако Каукомаа, Перякюля и Руусувуори [Kaukoma at al., 2013, с. 49] полагают, что ответ на улыбку, маркирующую шутливость, автоматическим не является.

Исследований по ответной реакции на улыбку смущения нам не известно. Однако можно предположить, что коммуникант-слушатель должен каким-то образом реагировать на улыбку смущения, возможно, тоже улыбкой, выражая общность и поддержку говорящему.

Совместная улыбка участников интеракции, т.е. улыбка инициатора, ответная улыбка (*feedback*) слушателя (переводчика или второго собеседника), а также возможная контрреакция на ответную улыбку (*speaker's counterfeedback*) описана нами применительно к ситуации последовательного перевода [см. Исолахти и др., 2015]. Для настоящего исследования ответная улыбка коммуниканта-слушателя является детектором восприятия слушателем исходного невербального сообщения инициатора, т.е. в нашем случае шутливости, иронии или смущения, маркированных улыбкой. Таким образом, возникновение ответной улыбки собеседника-слушателя указывает на то, что значения, маркированные улыбкой, нашли своё отражение в переводе.

3. Разнофазовость мультимедийных каналов в процессе последовательного перевода

Для коммуникативной ситуации диалога характерно то, что участники (акторы) попеременно меняются ролями, выступая то в качестве говорящего, то в качестве активного слушателя. Интеракция происходит непрерывно в обоих направлениях — в виде сообщения от активного говорящего и в виде реакции на него (*feedback*) собеседника, а также в форме дальнейшего формирования диалога на базе предыдущих вербальных и невербальных действий обоих партнёров [подробнее о конверсационных принципах построения диалога см. Sacks, 1992; Sacks et al., 1974]. Процесс последовательного перевода радикально отличается от коммуникативной ситуации одноязычного диалога как по составу участников и их роли, так и по фазовой структуре данного процесса.

В описываемой нами ситуации последовательного перевода диалога как минимум три участника — два собеседника и переводчик. Собеседники являются носителями разных языков и не понимают язык друг друга. Процесс перевода можно разделить на две фазы. На схеме 1 изображена первая фаза коммуникативной ситуации последовательного перевода диалога, т.е. фаза отправления сообщения. Один из коммуникантов выступает в качестве говорящего. Отправляемое говорящим сообщение всегда мультимедийно. Он использует весь коммуникативный арсенал, и в исходном сообщении сливаются воедино лингвистические, паралингвистические и кинесические компоненты [Royatos, 2002, p. 278]. Целостное мультимедийное сообщение изображено на схеме большой стрелкой (на схеме под номером 1), содержащей в себе аудиальное сообщение (простая стрелка) и визуальное сообщение (прерывистая стрелка). На данной фазе полноценным получателем мультимедийного сообщения (активным слушателем) является переводчик. Ситуация перевода отличается от одноязычного общения тем, что конечному получателю сообщения (коммуникант 2, аутсайдер) доступны визуальная составляющая (на схеме прерывистая стрелка 2) и паралингвистические средства, например, интонация, тон и темп речи (пунктирная стрелка 3).

Информацию, содержащуюся в вербальном сообщении, слушатель получает через переводчика и с некоторой задержкой. Данная фаза процесса переводимого диалога изображена на схеме 2. Активным говорящим на данной фазе является переводчик, а коммуникант 2 — полноценным слушателем переводчика [Royatos, 2002, p. 284] отмечает взаимодействие вербальной и невербальной составляющих в процессе последовательного перевода. На первом

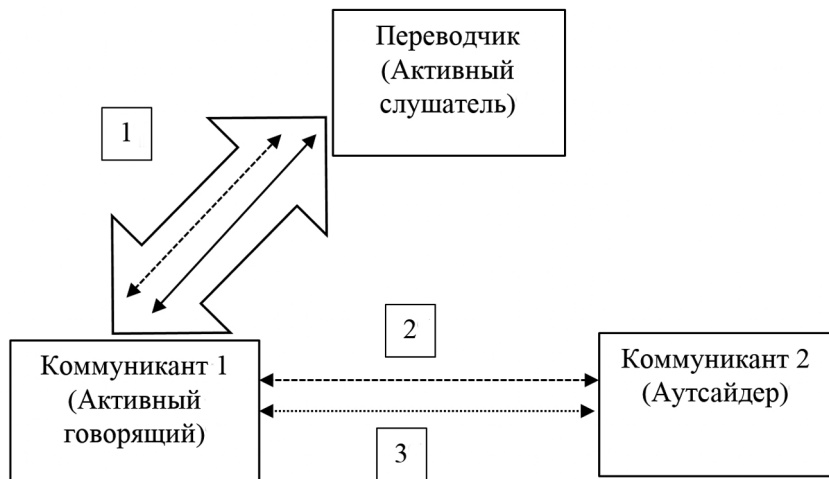

Схема 1. Фаза 1 коммуникативной ситуации последовательного перевода диалога

этапе конечный получатель, основываясь на невербальной части сообщения, делает предположение о содержании сообщения. При переводе это предположение подтверждается или же наоборот — опровергается. В то же время, при переводе слушатель получает невербальную информацию переводчика, которая может дублировать соответствующую невербалику исходного сообщения или же отличаться от неё [ibid.]. На схеме 2 мультимедийная коммуникация, происходящая между переводчиком и полноценным слушателем, обозначена большой стрелкой (на схеме под номером 1). Данное сообщение содержит аудиальное сообщение (простая стрелка), которое может отличаться от исходного по своему содержанию и паралингвистическим средствам, но и визуальное сообщение (прерывистая стрелка) может в сравнении с исходными содержать совершенно иные элементы. Таким образом, на то, как слушатель понимает сообщение, влияют такие факторы, как: 1) его первоначальное, полученное на фазе 1, представление о содержании сообщения; 2) вербальное соответствие перевода исходному сообщению; 3) невербальное соответствие перевода исходному сообщению.

Необходимо также описать действия первого говорящего. Во второй фазе он оказывается в роли аутсайдера. Как мы указывали ранее, диалог конструируется и развивается при непрерывном взаимовлиянии собеседников, и для продолжения диалога для коммуниканта 1 является актуальным получение реакции слушателя (*feedback*) на первоначально сказанное. Не имея доступа к вербальной информации, он следит за невербальной деятельностью полноценного слушателя и переводчика (стрелки 2 и 3), сопоставляя эту инфор-

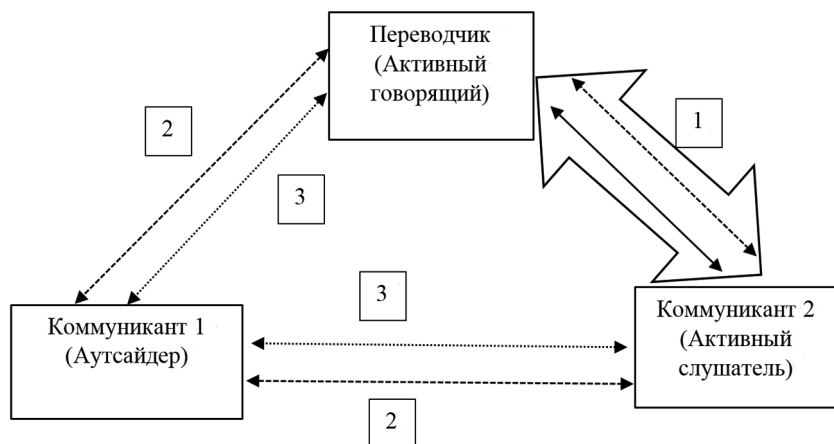

Схема 2. Фаза 2 коммуникативной ситуации последовательного перевода диалога

мацию со своим сообщением и делая, таким образом, предположение о реакции собеседника на те или иные части сообщения. Заметим, что и это предположение может оказаться ложным, ведь реакция слушателя может относиться к совсем иной части сообщения или же к деятельности самого переводчика. Таким образом, взаимное развитие переводимого диалога во многом может отличаться от одноязычного.

4. Материал и метод исследования

В качестве материала исследования использовались видеозаписи устного перевода бесед о просмотренных кинофильмах. Эксперимент по устному переводу был организован в двух сериях перевода: в первой — переводчик имел прямой визуальный контакт с партнёрами, во второй такой контакт отсутствовал. Материал видеозаписи составил 14 переводческих ситуаций (7 серий по 2 перевода в каждой), средняя продолжительность записи переводческой ситуации — 30 минут. Настоящая статья ограничивается лишь ситуацией перевода в непосредственном контакте.

Собеседниками являлись русские и финны, не знающие языка партнера по эксперименту: 3 носителя финского языка и 7 носителей русского языка, причем в 4 из 7 серий перевода участвовал носитель финского языка с целью отследить темп речи, артикуляционные модификации говорящего в различных переводческих ситуациях. В сериях перевода переводчики были разные; среди них 4 студента-переводчика и 3 профессиональных переводчика. Первым рабочим языком двух переводчиков был русский, у одного пе-

реводчика — финский. В эксперименте также участвовало четыре билингва, для которых сложно определить, какой из языков является ведущим. Все собеседники были женского пола, среди переводчиков было двое мужчин и пять женщин.

Перед началом эксперимента собеседники и переводчики были проинформированы о том, что целью эксперимента является изучение перевода, но более подробной информации участники не получили. Таким образом, участники эксперимента не концентрировали внимание на невербальном поведении и не регулировали его.

Перед беседой всем участникам было предложено посмотреть два финских полнометражных кинофильма, причём финские участники смотрели оригинальные версии, русские — версии, дублированные на русский язык, а переводчики — и оригинальную, и дублированную. Просмотр фильмов преследовал несколько целей. Фильмы обеспечивали общие фоновые знания участникам речевой ситуации. Общая тема для обсуждения минимизировала культурные различия и предотвращала связанные с ними сложности перевода.

Общеизвестно, что на перевод влияет сложность рассматриваемой темы и используемой лексики. Чтобы избежать таких затруднений, были выбраны фильмы на повседневные темы, об отношениях в семье. Кроме того, переводчик, смотря фильм на обоих языках, усваивал или повторял необходимую при переводе лексику. Таким образом, нейтрализовались культурологические и лексические трудности перевода и, следовательно, минимизировались факторы, оказывающие влияние на точность и процесс перевода.

Видеозаписи транскрибированы и аннотированы с использованием пакета программ ELAN (<https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>). Для выполнения транскрипции разрабатывается система нотации невербального поведения. Для упрощения сравнения исходного сообщения и перевода в настоящей статье используется упрощённая транскрипция со стандартной орфографией.

В качестве метода исследования применяется конверсационный анализ диалога, который на основе анализа эмпирического материала позволяет выявить интеракционные схемы взаимодействия участников.

5. Схемы улыбки взаимопонимания при последовательном переводе

Первые результаты анализа позволили выявить целый ряд схем трансформации невербального сообщения, происходящей в процессе перевода. Рассмотрим в данной статье два вида таких изменений — пропуск и добавление.

5.1. Невербальные пропуски: слушателю не передаётся эмоциональный настрой говорящего

Анализ исследовательского материала показал несколько схем, при которых шутливый или ироничный настрой говорящего (инициатора) утрачивается при переводе. Общим для таких ситуаций является то, что переводчик не маркирует соответствующее сообщение при переводе. Переводчик может разделять эмоции говорящего, отвечая ему улыбкой на улыбку, как в примере 1, или же не откликаться на улыбку, как в примере 2.

В примере 1 участниками являются финский носитель финского языка Хели² (Ф), носитель русского языка Юлия (Р) и переводчик Катя (П). Хели в этом отрывке является инициатором улыбки, т.е. она маркирует улыбкой фразу, произнесённую шутивно или даже с некоторой степенью иронии, возможно, с целью преодолеть неловкость начала диалога с незнакомым человеком. Хели начинает улыбаться в конце слова *elokuvasta* [фильма] (строка 02), говоря, что на самом деле она не уверена, с какого из фильмов следует начать обсуждение (строки 02–03). Данная фраза не имеет особого интонационного выделения, но Хели завершает данный отрывок небольшим смешком (строка 03).

Переводчик Катя начинает улыбаться несколько раньше Хели, уже в начале слова *elokuvasta* [фильма] (строка 02). Улыбка переводчика становится шире (строка 03) после того, как она понимает смысл сказанного, т.е. причину улыбки Хели. Говорящий и переводчик встречаются взглядами и взаимно улыбаются, воспринимая сообщение как шутку. Интеракция происходит между говорящим и переводчиком, а носитель русского языка (Юлия) находится в позиции аутсайдера, поскольку ей не доступно вербальное сообщение, и на данный момент она не может участвовать в конструировании диалога. Она наблюдает за говорящим без улыбки.

Переводчик несколько гасит улыбку в конце речевого хода Хели и, продолжая слегка улыбаться, опускает глаза в свои записи (строка 03). Катя начинает перевод (строка 04) с лёгкой улыбкой и, улыбаясь, поднимает взгляд на Юлию. Улыбка переводчика полностью пропадает в самом начале перевода в середине слова *спасибо* (строка 04), и шутивный отрывок (строка 04–05), переводится серьёзно, без улыбки (строки 5–6). Переводчик не маркирует данное высказывание улыбкой, интонационно или какими-либо иными средствами. Слушая перевод, носитель русского языка Юлия не улыбается.

² Все участники эксперимента под вымышленными именами.

01	Ф	öö:: joo kiitos että olet suostunut mun kaa tähän tutkimukseen eli tänäänhän meidän olis tarkoitus [эээ да спасибо что согласились со мной в этом исследовании или в это наше планируется]
02	Ф	keskustella suomalaisesta elokuvasta mä en itse asiassa ole varma kummasta elokuvasta meidän эээ поговорить о финском фильме я на самом деле не уверена с какого из фильмов
	Ф	😊-----
	П	😊-----
03	Ф	oli tarkoitus aloittaa vai onko mitään väliä ha-ha планировалось начать или есть ли какая-то разница ха-ха]
	Ф	-----😊
	П	😊-----😊
04	П	эээ: большое спасибо что вы участвуете в нашем исследовании сегодня и сегодня и сегодня
	П	-----😊
05	П	эээ: мы будем разговаривать о:: фильме и честно говоря я не знаю о каком фильме
06	П	мы сейчас сначала будем говорить

Пример 1

Таким образом, в данном примере шутливость сообщения является взаимно понятной лишь для двух участников интеракции, инициатора и переводчика, тогда как собеседница инициатора остаётся в неведении о причинах улыбки. Фразу, произнесённую с юмором или сарказмом, она воспринимает всерьёз. Хели, в свою очередь, не получает от собеседницы Юлии ответной реакции (*feedback*) на свою эмоциональную инициативу.

Поведение переводчика может в некоторых случаях играть настолько значительную роль в передаче эмоционального настроя, что шутливость сообщения остаётся без ответной реакции слушателя, даже несмотря на семантический компонент сообщения, как в примере 2.

В примере 2 носитель русского языка Ирина отвечает на вопрос о том, каково её общее впечатление о просмотренном фильме. Вспоминая смешные моменты из фильма, Ирина улыбается (строки 02–03). На весёлый настрой инициатора улыбки, Ирины, указывает также лексическая составляющая сообщения. Она маркирует улыбкой именно рассказ о *смешных моментах*. Инициатор улыбается в течение всего сегмента весёлых воспоминаний, и улыбка гаснет во время паузы при переходе к следующему, уже серьёзному по значению сегменту (строка 03). При переходе к серьёзной теме речь Ирины меняется также интонационно.

Улыбка инициатора остаётся неразделённой как на первой, так и на второй фазе перевода. На первой фазе переводчик Мария (П) слушает сообщение без улыбки, смотря попеременно на говорящую и в свои записи. Носитель финского языка Хели (Ф) на протяжении всего шутливого высказывания смотрит на Ирину внимательно, но без улыбки. На второй фазе, при переводе сообщения, переводчик Мария (П) не улыбается и не маркирует шутливость каким-либо иным способом. Она практически всё время смотрит в свои записи, лишь на короткое время поднимает глаза на слушателя Хели на словах *psykologinen puoli* [*психологическая сторона*] (строка 05) и также, заканчивая перевод, на словах *venäläisiä ja he käyttivät venäjän kieltä* [*русские и они использовали русский язык*] (строка 06). Несмотря на правильную передачу лексической/семантической составляющей сообщения, позитивность или шутливость сообщения не передаётся слушателю Хели. Она слушает перевод о «смешных моментах» серьёзно, без улыбки или каких-либо иных маркеров позитивных эмоций.

После слов *venäläisiä ja he käyttivät venäjän kieltä* [*русские и они использовали русский язык*] (строка 06) Мария делает паузу, передавая речевой ход носителю финского языка Хели. Однако мена речевых ходов не удаётся, так как Хели не сочла сообщение законченным.

01	P	mm:: в общем в принципе ее:: мне показалось что:: психологическая сторона ее::
02	P	семейных отношений достаточно хорошо раскрыта (0.6) aa: мм были достаточно смешные ☺ -----
03	P	моменты где: использовался чисто русский язык когда говорили туристы как бы (0.6)
	P	-----☺
04	P	в общем впечатление о фильме:: скорее положительное
05	П	mm:: no yleensäkin ajattelen että öö:: perhesuhteiden psykologinen puoli oli hyvin avattu [ээ ну рассуждая в целом что эээ психологическая сторона семейных отношений была раскрыта хорошо
06	П	elokuvassa ja oli erittäin hauskoja kohtia jossa oli venäläisiä ja he käyttivät venäjän kieltä в фильме и были особенно смешные моменты где были русские и они использовали русский язык
07	П	ja oli muitakin hauskoja kohtia и были и другие смешные моменты]

Пример 2

После длительной паузы, продолжительностью 3,5 с (строка 6), Мария вынуждена сделать дополнение, указывающее на законченность сообщения (строка 7). Во время паузы Мария и Хели смотрят друг на друга, но даже несмотря на это, Хели не акцептирует предлагаемую ей очередь речевого хода. Данная неудача при передаче хода может быть обусловлена тем, что рецептор сообщения ждёт продолжения перевода, так как не идентифицировал в переводе все элементы исходного сообщения. Хели видела, что какой-то отрывок речи инициатора Юлии сопровождался весёлой улыбкой. Слушая перевод, Хели не получает маркированного улыбкой фрагмента сообщения и, возможно, продолжает его ждать, несмотря на то, что переводчик считает перевод завершённым.

5.2. Невербальные добавления: слушателю передаётся эмоциональный настрой переводчика, а не говорящего

Большинство исследователей признаёт, что переводчик является самостоятельным участником коммуникативной ситуации [см., напр., Berk-Seligson, 1990; Jacobsen, 2003; Roy, 2000; Wadensjö, 1998]. Данное положение касается как вербального, так и невербального поведения переводчика. В процессе коммуникации у переводчика могут возникать собственные эмоции, которые он, естественно, маркирует, что может приводить к возникновению у участников коммуникативной ситуации эмоционального настроения, инициированного переводчиком, а не собеседниками. Рассмотрим в примере 3 ситуацию, когда переводчик маркирует улыбкой свои собственные эмоции, и именно эти эмоции передаются иным участникам коммуникативной ситуации.

В примере 3 участниками являются носитель финского языка Хели (Ф), носитель русского языка Алиса (Р) и переводчик Элина (П). Примером собственных эмоций переводчика является замешательство в затруднительной ситуации, а улыбка смущения маркирует такую ситуацию. В примере 3 Хели в начале беседы представляется и рассказывает о том, как будет проходить беседа, что её интересует (строки 01–09). При этом Хели не улыбается, говорит ровным голосом, не выражая особого позитивного настроения иными вербальными или невербальными средствами. Русскоязычная собеседница Алиса улыбкива. Она смотрит на Хели с лёгкой приветливой улыбкой почти все время монолога. Её улыбка угасает лишь на некоторое время (строки 02, 05) и появляется вновь (строки 03, 05). Улыбка Алисы вновь гаснет к концу монолога и появляется на последнем слове Хели (строка 08). В данном случае улыбка Алисы

01	Ф	ä:: eli tässähan on siis kyse siitä että mun nimi on siis Heli Heikkilä ja mä teen tässä tutkimusta [ээ то есть здесь же вопрос в том что мое имя следовательно Хели Хейккиля и я провожу здесь исследование Р
02	Ф	siitä että miten ä:: kansainväliset yleisöt katselee ja mitä mitä he pitää suomalaisista elokuvista о том что как ээ международная публика смотрит и что как им нравятся финские фильмы Р
03	Ф	ja ja tarkoitus on siis tässä haastattelussa ihan ihan selvittää että mitä mitä sä olet ollut mieltä и и собираюсь следовательно в этом интервью как бы как бы выяснить что что какого ты мнения Р
04	Ф	näistä elokuvista jotka olet katsonut öö:: miten olet ymmärtänyt ne minkälaisia mielipiteitä об этих фильмах которые посмотрела ээ как поняла их какое мнение Р
05	Ф	sinulla n- näistä elokuvista on ja ajatus on että et siis mulla on muutamia kysymyksiä у тебя об этих фильмах и смысл в том что у меня следовательно несколько вопросов Р

Пример 3 (начало)

06	Ф Р	valmisteltuna mut saat vastata ihan niin laajasti kuin haluat et ihan ihan mitä tulee mieleen ja заготовлено но ты можешь отвечать так широко как хочешь так как что придет в голову и -----
07	Ф Р	mulla on muutamia kysymyksiä valmisteltuna mut saat vastata ihan niin laajasti kuin haluat et у меня некоторые вопросы подготовлены но можешь отвечать так широко как хочешь -----
08		ihan ihan mitä tulee mieleen ja ja väärä vastauksiahan ei tietenkään ole vaan vaan tosiaan так как что придет в голову и и неправильных ответов конечно же нет а только только действительно -----😊-----😊
09	Ф Р	halutaan halutaan tietää sun mielipiteitä ja se on tosi arvokasta tietoa meille хотим хотим знать твое мнение и это действительно важные сведения для нас 😊-----
10	Р	(0.4) -----
11	П Р	меня зовут Хели Хейккиля и я:: являюсь исследователем и э::: предмет мо- моего -----
12	П Р	исследования является международная публика как а: она воспринимает воспринимает -----😊-----

13	П	финские фильмы, и: меня интересует э:: такие вопросы как как вы относитесь к этим
14	П	этим фильмам и:каковы ваши мнения и: как вы поняли эти фильмы и у меня еще
	П	😊 -----😊
	Р	😊 -----😊
15	П	есть ряд других вопросов и вы можете так так много отвечать как хотите ши- ши- широко
	П	😊 -----
	Р	😊 -----😊
16	П	или так так много и э:: не важно ка- каковы ваши ответы
	П	-----😊
	Р	-----😊

Пример 3 (окончание)

не является маркером юмора или особой весёлости, а лишь отражает её положительный настрой.

Алиса продолжает слегка улыбаться во время паузы перехода очереди от Хели к переводчику (П) (строки 10–11). Улыбка гаснет после слова *публика* (строка 12). Переводчик переводит довольно длинный монологический отрезок речи Хели (строки 11–16). Слушая перевод, улыбчивая Алиса не улыбается (строки 12–14). Её улыбку провоцируют только действия переводчика. Переводчик интонационно акцентирует слово *поняли*, переводя фразу *как вы поняли эти фильмы* (строка 14), маркируя акцентное выделение улыбкой и фокусируя взгляд на слушательнице Алисе, и та отвечает улыбкой и лёгким кивком на улыбку переводчика (строка 14).

Интересующий нас эпизод возникает из-за сложностей, возникших у переводчика. Элина пытается перевести исходное сообщение дословно, идиоматичного выражения не получается (*вы можете так так много отвечать как хотите*), она пытается перефразировать фразу, запинаясь, и наконец «изобретает» новое слово *ширно*. Своё замешательство, смущение Элина сопровождает улыбкой и вращательным движением рук, как бы в поиске подходящего выражения. Данную улыбку мы классифицируем в качестве улыбки смущения. Она не имеет отношения к исходному сообщению или к содержанию беседы, а вызвана непосредственно оплошностью переводчика. В этой затруднительной ситуации Элина смотрит на Алису, и та широко улыбается ей в ответ (строка 15). В данном эпизоде улыбка Алисы широкая, открываются зубы, но ещё шире улыбка становится в момент запинания *ши- ши- ширно*. Очень широкая улыбка русской собеседницы держится почти 4 секунды, она опускает глаза, стараясь как бы скрыть от Элины свою бурную реакцию на затруднения перевода. Улыбка Алисы ослабевает на словах *так много*.

Во время данного эпизода интеракция смущения и реакции собеседника на это происходит только между Элиной и Алисой. Финская собеседница Хели наблюдает за интеракцией со стороны. В ее исходном сообщении шутливых или каких-либо других моментов, отмеченных улыбкой, не было. Для неё остаётся недоступной причина интенсивного эмоционального невербального поведения переводчика и русскоязычной собеседницы. Она может лишь делать предположения о причинах такой «весёлости» переводчика и Алисы. Подчеркнём ещё раз, что *в данном эпизоде источником видимой эмоциональной реакции послужило не исходное сообщение, а именно перевод, который не должен приносить что-либо новое в коммуникацию, а лишь отражать исходное сообщение*.

Выводы

В статье мы рассмотрели два основных типа трансформаций эмоционального настроя при последовательном переводе: утеря эмоционального содержания исходного сообщения и привнесение в коммуникацию эмоционального настроя самого переводчика. В примерах 1 и 2 конечный получатель сообщения не обозначил какой-либо ответной реакции на эмоциональную инициативу говорящего. Напомним, что, согласно Каукомаа [Kaukomaа at al., 2013, p. 45], улыбка-маркер шутливости или ироничности находит всегда отклик у собеседника. При переводческом невербальном пропуске улыбка остаётся безответной во второй фазе перевода, как в примере 1, и может остаться безответной и в обеих фазах перевода, как в примере 2. Мы могли убедиться, что даже семантическая/лексическая составляющая сообщения не всегда передаёт сообщение в объёме, достаточном для эмоционального заражения собеседника (пример 2). Оба примера демонстрируют то, что временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом может сделать недоступными для собеседника или исказить значения, выраженные невербальными средствами. Согласно Поятосу [Poyatos, 2002, p. 284], собеседник, которому не доступно вербальное сообщение, сначала на основе невербальной части сообщения делает предположение о его содержании, а при переводе сопоставляет вербальное сообщение с этим своим представлением. Также в наших примерах причиной неудачи, вероятно, послужило то, что из-за временного разрыва между невербальным маркером и смыслом сказанного собеседник не смог сопоставить сообщение и его невербальное сопровождение. В примере 1 коммуникант в роли аутсайдера видел совместную улыбку говорящего и переводчика, но в результате невербального пропуска перевода шутливость исходного сообщения не передалась конечному получателю. В примере 2 шутливая улыбка инициатора не нашла отклика ни у собеседника, ни у переводчика.

В настоящей работе не ставилось задачей установить, влияет ли на бесперебойную смену речевых ходов невербальная передача переводчиком эмоционального настроя говорящего. Однако пример 3 даёт основания предполагать, что невербальный пропуск при переводе послужил также причиной (или одной из причин) неудачной попытки передачи речевого хода. Изучение влияния невербальной точности перевода на механизм смены речевых ходов, безусловно, является перспективным направлением исследований устного перевода диалога.

Основной задачей переводчика является передача сообщения с исходного языка на язык перевода. Как мы кратко отметили в теоретической части нашей статьи, невербальный элемент является частью сообщения, без которого подчас невозможно полноценное понимание сообщения. Интенция, заложенная в сообщении инициатором, может не получить поддержки и развития у аутсайдера. Как было показано в данной статье, временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом может сделать недоступными для собеседника или исказить значения, выраженные невербальными средствами. Именно переводчик является тем единственным участником коммуникативной ситуации, который имеет возможность адекватно и в полной мере воспринимать исходное сообщение в его вербальной и невербальной формах. Таким образом, именно на переводчике лежит ответственность за передачу как минимум той невербальной составляющей сообщения, которая недоступна получателю перевода.

Мы не можем отрицать того, что переводчик является самостоятельным участником коммуникации и эмоциональное состояние самого переводчика может передаваться также другим участникам коммуникативной ситуации. Эмоции, привнесённые в коммуникацию самим переводчиком, являются эмотивным добавлением относительно исходного сообщения. Такое эмотивное добавление, рассмотренное в примере 3 настоящей статьи, было доступно для понимания и получило ответную реакцию только одного коммуниканта, находившегося на тот момент в роли полноценного слушателя. Эмоции остались непонятыми вторым собеседником, т.е. данная интеракция была для него исключена полностью.

Принято говорить, что переводчик передаёт сообщение, как зеркало, отражая не только сказанное вслух, но также эмоции и чувства собеседников. В нашем случае переводчики при переводе не маркировали эмоционально отмеченные отрезки сообщения какими-либо невербальными или вербальными средствами. Поведение переводчиков не передавало эмоционального настроя инициатора и, таким образом, не помогало преодолеть временной разрыв между невербальным маркером и восприятием слушателем смысла сообщения. С другой стороны, в коммуникацию добавлялись выраженные невербально эмоции самого переводчика. Насколько важны такие невербальные трансформации? Безусловно, существует бессчётное количество ситуаций, в которых эмоциям собеседников можно не придавать особого значения. Но мы всё чаще встречаемся с ситуациями, где значимо не только сказанное, но и выраженные невербально чувства и эмоции. В качестве примера можно назвать перевод допроса подозреваемого или потерпев-

шего или же происходящее через переводчика общение пациента с психологом или врачом. Как избежать трансформаций эмоциональности? Что должен переводчик делать в таких ситуациях? Должен ли он использовать соответствующие невербальные средства или же вербализировать эмоции? Чётко и систематически продуманной стратегии в современном переводе нет. Однако, безусловно, обучение студентов невербальной составной коммуникации и её важной роли при переводе необходимо (и даже обязательно) в процессе профессиональной подготовки устных переводчиков.

Список литературы

- Исолохти Н.Б., Зеленин А.В., Михайлов М.Н.* (2015) Улыбка как маркер консолидации в ситуации последовательного перевода // Русский язык в зеркале перевода. Мат-лы Междунар. науч. конф. М.: Издательство Московского университета, 2015. 725 с.
- Isolahti, N.B., Zelenin, A.V., Mikhailov, M.N.* (2015). Ulybka kak marker konsolidacii v situacii posledovatel'nogo perevoda // Russkij jazyk v zerkale perevoda. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 725 p. (in Russian).
- Крейдлин, Г.Е., Чувилина Е.А.* Улыбка как жест и как слово // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 69–93.
- Krejdlin, G.E., Chuvilina, E.A.* Ulybka kak zhest i kak slovo // Voprosy jazykoznanija. 2001. № 4. P. 69–93 (in Russian).
- Birdwhistell, R.* Kinesics and Context / Ray Birdwhistell. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
- Buck R.* The Communication of Emotion / Ross Buck. New York: Guilford Press, 1984. 391 p.
- Dimberg, U.* Facial Reactions to Facial Expressions // Psychophysiology. 2007. 19:6. P. 643–647.
- Ekman, P.* Biological and Cultural Contributions to Body and Facial Movement / Blacking, J. (ed.) // The Anthropology of the Body. 1977. P. 34–84.
- Ekman, P.* The repertoire of nonverbal Behavior: Categories, origins, usage and coding / Paul Ekman, Wallace V. Friesen // Semiotica. 1969. 1 (1). P. 49–98.
- Frank, M.* Getting to Know your Patient: How Facial Expression Can Help Reveal True Emotion / Mark G. Frank, Katsikitis, M. (ed.). The human face: measurement and meaning, Boston: Kluwer Academic Pub., 2003. P. 255–283.
- Frank, M.* Not All Smiles Are Created Equal: The Differences Between Enjoyment and Nonenjoyment Smiles / Mark G. Frank, Paul Ekman // Humor. 1993. 6 (1). P. 9–26.
- Fridlund, A.J.* Sociality of solitary smiling: Potentiation by an implicit audience // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. 60. P. 229–240.
- Glenn, P.* Laughter in Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 203 p.
- Hatfield, E.* Emotional contagion / Hatfield, E., Cacioppo, J.T., & Rapson, R.L. // Current Directions on Psychological Science. 1993. 2. P. 96–99.
- Jesse, A.* The processing of information from multiple sources in simultaneous interpreting / Alexandra Jesse, Nick Vriegnaud, Michael M. Cohen & Dominic

- W. Massaro // Interpreting: International Journal of Research & Practice in Interpreting. 2000/2001. 5:2. P. 95–115.
- Kaukomaa, T.* Turn-opening smiles: Facial Expression Constructing Emotional Transition in Conversation / Kaukomaa T. & Peräkylä, A. & Ruusuvuori, J. // Journal of Pragmatics. 2013. 55. P. 21–42.
- Klineberg, O.* Social Psychology. New York: Holt, 1940, 570 p.
- Landis, C.* Studies of Emotional Reactions. II. General Behavior and Facial Expression // Journal of Comparative Psychology. 1924. 4 (5). P. 447–509.
- Le Barre, W.* The Cultural Basis of Emotions and Gestures // Journal of Personality. 1947/2006. 16 (1). P. 49–68.
- Mehrabian, A.* Decoding of inconsistent communications. / Albert Mehrabian, Morton Wiener, M. // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. 6. P. 109–114.
- Morris, D.* Gestures, their Origin and Distribution / Desmond Morris, Peter Collett, Peter Marsh, Marie O'Shaughnessy. London: Jonathan Cape, 1979. 320 p.
- Poyatos, F.* Nonverbal Communication across Disciplines. Vol. 1. Culture, sensory interaction, speech, conversation. Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins, 2002. 371 p.
- Poyatos, F.* The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation / Fernando Poyatos (ed.) // Nonverbal communication and translation: new perspectives and challenges in literature, interpretation and the media. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1997. P. 249–282.
- Rennert, S.* Visual Input in Simultaneous Interpreting // Meta: Translators' Journal. 2008. 53:1. P. 204–217.
- Russell, J.A.* Is there universal recognition of emotion from facial expression? A review of the crosscultural studies // Psychological Bulletin. 1994. 115. P. 102–141.
- Sacks, H.* Lectures on Conversation, Volumes I and II. Blackwell: Oxford, 1992.
- Sacks, H.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking in Conversation / Haverly Sacks, Emanuel A. Schegloff, Gail Jefferson. Language 50. Washington, DC: Linguistic Society of America, 1974. P. 696–735.
- Tiittula, L.* 2006. Voiko kirjoitettua puhetta ymmärtää? Puhe ja kirjoitus limityivät kirjoitustulkkauksessa. / Liisa Tiittula. — Anneli Pajunen ja Hannu Tammola (ed.) // XXXII Kielitieteen päivät Tampereella 19.–20.5.2005. Tampere Studies in Language, Translation and Culture. Series B 2. Tampere: Tampere University Press. P. 170–187.
- Tommola, J.* Experimental research on interpreting: which dependent variable? / Jorma Tommola & Johan Lindholm. — Jorma Tommola (ed.) // Topics in interpreting research. Turku: University of Turku, Centre for Translation and Interpreting, 1995. P. 121–133.

Приложение: Обозначения, используемые в транскрипции

- (.) — микропауза (0,2 секунды или менее)
- (0.5) — пауза с указанием длины в десятых долях секунды
- e::i — (двоеточие) растянутый звук (одно двоеточие 0,2 секунды)
- ☺-- — начало и продолжение улыбки
- ☺ — конец улыбки
- ☺ — широкая улыбка
- ха — смех или смешок

Е.А. Кузина,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: evg.volkova@gmail.com

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ

В статье рассматривается вопрос перевода интертекстуальных элементов. В зависимости от стратегии перевода и инструментов в распоряжении переводчика интертекстуальные связи могут быть полно или частично переданы, либо утрачены. Совокупность интертекстуальных включений в тексте перевода может быть названа переводческой интертекстуальностью. Она обладает чертами, отличающими её как от интертекстуальности, заложенной автором, так и от читательской, т.е. интертекстуальности восприятия.

Ключевые слова: интертекстуальность, переводческая интертекстуальность, авторская интертекстуальность, читательская интертекстуальность, интертекстуальный элемент, переводческая стратегия.

Yevgeniya A. Kuzina,

Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: evg.volkova@gmail.com

TRANSLATOR'S INTERTEXTUALITY: TYPOLOGY OF STRATEGIES

The article touches upon translation of intertextual elements. The translation strategy along with instruments available to the translator define whether intertextuality of the original text is reflected fully, partially or it is lost. The total sum of intertextual elements of the translated text may be regarded as the translator's intertextuality, the features of which clearly distinguish it from both the author's and the reader's intertextuality.

Key words: intertextuality, translator's intertextuality, author's intertextuality, reader's intertextuality, intertextual element, translator's strategy.

Разработка теории перевода требует изучения самых различных факторов, влияющих на процесс и результат перевода. Категории и свойства переводимого текста относятся к факторам, имеющим первостепенное значение в выборе переводческой стратегии. При переводе важно понимать, какими категориями обладает текст, и как их передать в тексте перевода, так как смысл заложен не только в содержательных категориях, но и в формально-структурных. Список категорий и свойств текста, привлекающих внимание исследователей, регулярно пополняется. Так, например, наряду со связностью, целостностью, членимостью, информативностью и др.,

в качестве текстовой категории было предложено рассматривать интертекстуальность. Правомерность такого подхода убедительно показана, например, в работах В.Е. Чернявской.

Изначально созданная как весьма широкая концепция отражения в тексте всех предыдущих текстов, теория интертекстуальности впоследствии разделилась на несколько направлений, отличающихся, в первую очередь, интерпретацией понятия «текст» и глубиной поиска претекстов. Лингвистическое толкование интертекстуальности подразумевает, что «автор **намеренно тематизирует** взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств» (*выделение автора*) [Чернявская, 2014, с. 84]. Распознавание интертекстуальных связей при этом зависит от интертекстуальной компетенции читателя.

Н.А. Фатеева полагает, что на основании различий между восприятием и порождением текста, интертекстуальность может быть разделена на авторскую и читательскую (исследовательскую). «С точки зрения читателя, — пишет Фатеева, — интертекстуальность — это установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами ($T \geq 1$), связанными с данным референциальной, синтагматико-комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической памятью слова <...>. С точки зрения автора, интертекстуальность — это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов, (т.е. других поэтических «Я»)» [Фатеева, 1997, с. 12–14].

В ходе изучения процесса и результата перевода становится понятно, что для теории и практики перевода деления интертекстуальности на авторскую и читательскую не достаточно. Комплекс интертекстуальных включений в переводном тексте нельзя отождествить ни с авторским, ни с читательским. Рассмотрим, чем отличается интертекстуальность перевода, или переводческая интертекстуальность, от указанных выше типов интертекстуальности.

Для создания более качественного перевода, переводчик как исследователь текста задаёт себе установку «на более углублённое понимание» и «на разрешение непонимания» за счёт установления связей данного текста с другими текстами. Этот процесс соответствует читательской интертекстуальности. Далее переводчик старается наиболее точно и полно передать известные им интертекстуальные элементы в тексте перевода, это можно назвать копирующей, подражающей или собственно переводческой интертекстуальностью. В идеальных условиях копирующая интертекстуальность полно-

стью повторяет интертекстуальность авторского сообщения, только на другом языке: все заложенные автором интертекстуальные элементы приводятся по существующим переводам их претекстов на переводящем языке и обладают если не тем же, то адекватным для использования в переводимом контексте набором смыслов. Разумеется, созданию точной копии авторской интертекстуальности препятствует множество факторов. Отсутствие перевода претекста, его недоступность для переводчика, устаревший язык перевода претекста, не подходящий новому контексту комплекс смыслов в существующем переводе, разнообразие переводов и другие факторы открывают простор для более творческого подхода к переводу интертекстуального элемента. Это подводит нас к третьей составляющей — интертекстуальности переводчика-автора. Независимо от общей стратегии перевода каждое отдельное решение по переводу интертекстуального элемента — выбор из нескольких переводов претекста, самостоятельный перевод, введение переводческого комментария — требует творческого подхода, в результате которого первоначальный комплекс интертекстуальных элементов приобретает в переводе новые черты.

Таким образом, под переводческой интертекстуальностью можно понимать комплекс интертекстуальных элементов, переданный в результате перевода.

Проследим появление переводческой интертекстуальности на примере четырёх переводов новеллы Проспера Мериме «Арсена Гийо» («Арсэн Гийо»). Для сравнения взяты перевод на английский язык Уоллер, Лойд и Томсон, и три перевода на русский язык: М.Л. Лозинского, О.В. Моисеенко и совместный перевод Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой.

Произведение открывается интертекстуальным элементом — эпитафией, который представляет собой цитату из «Илиады» на греческом языке.

Σε Πάρις καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων
ἔσθλὸν ἔοντ' ὀλέσσωσιν ἐνὶ Σκαίῃσι πύλῃσιν.
HOMER, II, XXII, 360 [Mérimée, 1875, p. 137].

Перевод текста с языка, отличного от языка оригинала, требует особого подхода. В зависимости от стратегии, переводчик может самостоятельно перевести текст (например, с помощью подстрочника) использовать существующий перевод или оставить текст в неизменном виде.

Переводчики новеллы на русский язык по-разному решают данную задачу.

М.Л. Лозинский использует уже существующий перевод и приводит цитату в формулировке В.В. Вересаева:

*...Парис и Феб Аполлон дальнострельный,
Как бы ты доблестен ни был, убьют тебя в Скейских воротах!*
Гомер, «Илиада», XXII, 360
(Пер. с греч. В.В. Вересаева)
[Мериме, 1984] (пер. М.Л. Лозинского).

О.В. Моисеенко сохраняет цитату на греческом языке, однако посредством комментария вводит прецедентный перевод и описание контекстной ситуации:

*Парис и Феб-стреловержец. Как ни могучего
в Скейских воротах тебя ниспровергнут.*
(слова умирающего Гектора, обращённые к Ахиллу («Илиада»)).
(Пер. цит. из «Илиады» Н.И. Гнедича)
[Мериме, 1983] (пер. О.В. Моисеенко).

С точки зрения интертекстуальности перевод Моисеенко оказывается более сложным: вместо цитаты из одного претекста, в переводе появляются две цитаты из двух претекстов: текста Илиады на греческом и его перевода Гнедича. В переводе увеличивается количество интертекстуальных элементов, а эпиграф теперь содержит не только комплекс смыслов, приведенный автором, но и комплекс смыслов перевода данного отрывка Гнедичем.

У переводчиков был достаточно богатый выбор предшествующих переводов Гомера: Гнедича (1829), Мартынова (1823–1825), Минского (1896), Вересаева (1949) и др.

Моисеенко и Лозинский используют переводы разных эпох. Перевод Вересаева считается более легким и понятным современному читателю, чем блестящий перевод Гнедича, выполненный в XIX в., однако различия в слоге переводов отнюдь не очевидны в цитате такой протяженности. Тем не менее, обе цитаты, вырванные из контекста, сложны для восприятия в новом контексте.

В большей степени ориентированы на читателя переводчики Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова, которые сами переводят эпиграф в соответствии с избранной стратегией:

*Ты смел и силен, Но в Сикейских воротах
предадут тебя смерти*
Парис и Феб Аполлон.
Гомер, Илиада, XXII, 360
[Мериме, 2011, с. 230] (пер. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой).

Изменение тема-рематической последовательности не только облегчает восприятие, но и переносит смысловой акцент с Париса и Феба Аполлона (как в рассмотренных выше вариантах перевода) на того, кому предстоит поражение. Благодаря этому становятся более понятными смысл эпиграфа и его отношение к тексту.

В переводе на английский язык эпиграф приводится без греческого текста:

*Paris and Phoebus Apollo shall destroy thee,
even though thou art worthy, beside the Skoean gate.*
HOMER, II, XXII, 360
[Mérimée, 1905] (*transl. by Waller etc.*).

Смысловой акцент данного варианта перевода вполне соответствует содержанию новеллы. В данном случае, как и в переводе Лозинского, интертекстуальность сохраняется, однако изменяется её претекст — вместо претекста на языке оригинала используется доступный перевод.

Перед нами случай, когда авторская интертекстуальность могла быть передана в неизменном виде. Переводчики посчитали это нецелесообразным и прибегли к следующим вариантам перевода: использование соответствующей цитаты из существующего перевода претекста, сохранение авторского варианта с добавлением переводческого комментария и самостоятельный перевод.

Рассмотрим другие примеры проявления переводческой интертекстуальности.

Большая часть интертекстуальных элементов рассматриваемой новеллы не оформлена графически. Показателем интертекстуальности может оказаться «семантическая рельефность» фрагмента, выделяющая его из окружающего контекста. Например, при описании Макса де Салины:

«Max de Saligny avait le renom d'un assez mauvais sujet, joueur, querelleur, viveur, au demeurant le meilleur fils du monde» [Mérimée, 1875, p. 140] (*подчёркнуто мной. — Е.К.*).

Неожиданная оценка Максу, что при всех недостатках он является лучшим из живущих людей, является неизменной цитатой из стихотворного послания королю Клемана Маро о том, как его ограбили:

*J'avais un jour un valet de Gascogne,
Gourmand, ivrogne, et assuré menteur,
Pipeur, larron, jureur, blasphémateur,
Sentant la hart de cent pas à la ronde,
Au demeurant le meilleur fils du monde.*
[Clément Marot, 1531] (*подчёркнуто мной. — Е.К.*).

Следует заметить, что в письме Маро фраза «Au demeurant le meilleur fils du monde» носит характер иронии и выделяется из контекста. Это значит, что Мериме не только использует цитату из письма, но и помещает её в семантически сходный контекст — завершает ей перечисление сомнительных качеств своего героя. Таким образом, рассматриваемое предложение не только осложнено интертекстуальным элементом, но является структурно интертекстуальным претексту. В данном случае сохранение структурной интертекстуальности не представляет трудности при переводе. Переводчики на русский язык дают следующие варианты перевода:

Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова:

Макс де Саллины имел довольно скверную репутацию — игрок, скандалист, кутила, но, в сущности, милейший человек [Мериме, 2011, с. 247] (пер. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

М.Л. Лозинский:

Макс де Салины слыл довольно беспутным малым, игроком, буяном, кутилой, «а впрочем, был прекрасный человек» [Мериме, 1984] (пер. М.Л. Лозинского) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

О.В. Моисеенко:

Макс де Салины слыл беспутным малым, игроком, спорщиком, кутилой, «а в сущности, был чудеснейшим из смертных» [Мериме, 1983] (пер. О.В. Моисеенко) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

Как и в случае с эпиграфом, переводческие решения различны. Переводчики Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова осуществляют самостоятельный перевод и графическое оформление цитаты курсивом. М.Л. Лозинский самостоятельно переводит цитату и заключает её в кавычки. О.В. Моисеенко графически оформляет цитату и даёт переводческий комментарий, указывающий на её претекст. Этот вариант особо интересен с точки зрения интертекстуальных связей. Дело в том, что переводчица указывает в качестве претекста одно произведение — послание Клемана Маро королю, а цитирует другое — роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» в переводе Н.М. Любимова:

...И был он озорник, шулер, кутила, гуляка и жулик, каких и в Париже немного. А в сущности, чудеснейший из смертных. И вечно он строил каверзы полицейским [Рабле, 1966] (пер. Н.М. Любимова) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

Обратившись к оригиналу романа, становится ясно, что такое решение оправданно, так как Рабле также цитирует Маро:

Malfaisant, pipeur, buveur, batteur de pavés, ribleur, s'il en était à Paris: au demeurant le meilleur fils du monde; et toujours machinait quelque chose contre les sergents et contre le guet [Francois Rabelais, 1823] (подчёркнуто мной. — Е.К.).

В романе Рабле рассматриваемая фраза получила столь широкую известность, что зачастую именно Рабле приписывают её авторство. На это указывает и Большой словарь цитат и крылатых выражений. Существует вероятность, что и Мериме цитирует Маро не напрямую, а через роман Рабле. Таким образом, во французском языке просматривается интертекстуальная связь Мериме — Рабле — Маро. Присутствие третьего текста не выражено в тексте Мериме, переводчица закрепляет связь Мериме — Рабле в русском переводе, а вкупе с переводческим комментарием, указывающим получателю перевода на Маро, передает сложную интертекстуальную связь Мериме — Рабле — Маро. Несмотря на то, что интертекстуальные связи изменены, переводческая интертекстуальность все же весьма близка авторской.

В распоряжении переводчика на английский язык были переводы как Маро, так и Рабле, однако переводчик использует собственный вариант:

Max de Saligny had the reputation of a worthless fellow, a gambler, quarreller, wine-bibber, but the best fellow in the world withal [Mérimée, 1905] (transl. by Waller etc.) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

Поскольку семантически для цитирования в новелле «Арсена Гийо» подходят цитаты как из письма Маро, так и из романа Рабле, такое переводческое решение могло быть вызвано стилистическими предпочтениями. В отличие от переводов на русский язык, в английском не добавлено графическое оформление.

Как видно из данного примера, во всех четырёх переводах произошло изменение интертекстуальных связей. Кроме того, все переводчики на русский язык графически оформили интертекстуальный элемент, сделав интертекстуальность перевода более «прозрачной», чем авторская.

Рассмотрим варианты перевода ещё одного интертекстуального элемента.

Мериме так описывает мужа Мадам де Пьен:

Il parlait peu ; mais lorsqu'il ouvrait la bouche, c'était pour dire quelque grande vérité incontestable. Sur les questions douteuses, «il imitait de Conrart le silence prudent» [Mérimée, 1875, p. 141] (подчёркнуто мной. — Е.К.).

В отличие от других случаев, в данном отрывке Мериме делает интертекстуальность видимой графически, оформляя цитату кавычками. Фраза заимствована из послания Никола Буало-Депрео королю:

*Ainsi, craignant toujours un funeste accident,
J'imite de Conrart le silence prudent:
Je laisse aux plus hardis l'honneur de la carrière,
Et regarde le champ, assis sur la barrière*
[Nicolas Boileau, 1669] (подчёркнуто мной. — Е.К.).

Перевод данной фразы на русский язык практически идентичен в трёх рассматриваемых вариантах. Все переводчики сохраняют оформление интертекстуального элемента:

Говорил он немного, но если открывал рот, то произносил какую-нибудь великую и неоспоримую истину. В вопросах сомнительных он подражал «благоразумному молчанию Конрара» [Мериме, 1984] (пер. М.Л. Лозинского) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

О.В. Моисеенко:

Говорил он мало, а когда открывал рот, изрекал какую-нибудь неоспоримую истину, в вопросах же сомнительных «подражал благоразумному молчанию Конрара» [Мериме, 1983] (пер. О.В. Моисеенко) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова:

Он мало говорил, а если открывал рот, то лишь для того, чтобы изречь неоспоримую великую истину. В спорных вопросах он «подражал благоразумному молчанию Конрара» [Мериме, 2011, с. 247] (пер. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой) (подчёркнуто мной. — Е.К.).

В приведённых переводах обособленно выступает переводческое решение М.Л. Лозинского, который выносит глагол из цитаты в контекст. Предпосылкой этому могло быть желание корректно процитировать претекст. Цитируя Буало, Мериме изменяет время и лицо глагола: *J'imite* на *il imitait*, однако заключает его вместе с остальной цитатой в кавычки: «*il imitait de Conrart le silence prudent*». Строго говоря, цитату следовало оформить так, как это сделал Лозинский, а не Мериме. Позволяя себе исправить автора, переводчик невольно указывает на то, что он создаёт «новый предмет на основе собственных представлений о мире» [Гарбовский, 2008, с. 36].

В переводе новеллы на английский язык, цитата переведена на прагматическом уровне, и интертекстуальность элемента утрачивается:

He talked little but when he did open his mouth, it was to say something of importance. Upon doubtful subjects he maintained a discreet silence [Mérimée, 1905] (transl. by Waller etc.) (*подчёркнуто мной. — Е.К.*).

Такой приём может быть оправдан, если переводчик абсолютно уверен в том, что получатель не только не обладает интертекстуальной компетенцией, но даже перевод цитаты на семантическом уровне затруднит восприятие текста. Альтернативной стратегией перевода в данном случае может быть введение переводческого комментария, который косвенно познакомит читателя с претекстом. К этому приему неоднократно прибегают переводчики Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова, и О.В. Моисеенко.

Использование необходимого текстового элемента из существующего перевода претекста является одним из способов перевода интертекстуального элемента, возможным, если переводчики посчитают перевод претекста авторитетным. Рассмотрим пример перевода интертекстуального элемента, для которого перевод претекста существует и доступен.

Объясняя причину жалкого положения главной героини, повествователь приводит слова «некоего грека», которые он встретил у Амио:

Un Grec dit quelque part, ou plutôt c'est Amyot qui lui fait dire: Le même jour qui met un homme libre aux fers Lui ravit la moitié de sa vertu première [Mérimée, 1875, p. 137] (*подчёркнуто мной. — Е.К.*).

Указанный грек — Гомер — цитируется в действительности в переводе Н. Буало-Депрео, а не Амио, к тому же в качестве претекста выступает не непосредственно Одиссея, а через «Трактат о возвышенном», в рамках перевода которого цитата и переведена Депрео.

C'est pourquoi il estimait, disait-il, qu'un homme même né dans la servitude était capable des autres sciences : mais que nul esclave ne pouvait jamais être orateur. ... Tout ce qu'il avait de vigueur s'évapore de soi-même, et il demeure toujours comme en prison.

En un mot, pour me servir des termes d'Homère

Le même jour qui met un homme libre aux fers

Lui ravit la moitié de sa vertu première

[Nicolas Boileau-Despréaux, 1722] (*подчёркнуто мной. — Е.К.*).

Для того чтобы максимально приблизить переводческую интертекстуальность к авторской переводчики могли процитировать Гомера в том виде, это сделано в «Трактате о возвышенном» на русском языке:

Тебе хорошо известно, что наша челядь, состоящая из рабов по рождению, имеет свои склонности и способности. Но раб никогда не сможет быть оратором. Боязнь свободного слова, подобно некому дремлющему стражу, сразу же бурно закипает в его груди и смиряет его, привыкшего к постоянным побоям.

Гомер говорил об этом так:

Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,

Лучшую доблестей в нём половину Зевес истребляет

[О возвышенном. 1966] (пер. Н.А. Чистяковой) (*подчёркнуто мной.* — Е.К.).

Гомер в цитируется по переводу Жуковского, а значит, при обращении к данному переводу, на русском языке была бы закреплена интертекстуальная связь, как с переводом «Трактата», так и с переводом «Одиссеи», в отличие от французского, где цитата принадлежит только «Трактату».

Тем не менее, тот факт, что Мериме цитирует Гомера опосредованно, через третий текст (текст-посредник), даёт переводчику свободу самостоятельно перевести текст, а не обращаться к уже существующим переводам. Следует заметить, что только из перевода Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой читателю понятно, что речь идет не о приписанных, а о переведённых словах.

Один грек как-то сказал, вернее, Амио так перевёл его слова:

Тот день, что человека в кандалы бросает,

Половину душевных сил у него забирает

[Мериме, 2011, с. 246] (пер. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой).

М.Л. Лозинский также самостоятельно переводит цитату:

Какой-то грек сказал, или, вернее, Амио влагает ему в уста такие слова:

В оковы ввергнутый, свободный человек

Начальной доблести теряет половину

[Мериме, 1984] (пер. М.Л. Лозинского).

Интересным для изучения интертекстуальности в переводе оказывается решение О.В. Моисеенко, которая в свой перевод включила элемент из перевода М.Л. Лозинского:

Некий грек сказал, или, точнее, Амио вложил в его уста такие двустиише:

В оковы ввергнутый свободный человек

Начальной доблести теряет половину

(Перевод М. Лозинского) [Мериме, 1983] (пер. О.В. Моисеенко).

Подобным решением Моисеенко интертекстуально связывает два перевода «Арсены Гийо», то есть претекстом для одного перевода оказывается другой перевод этого же произведения. Интересно отметить, что сам М.Л. Лозинский считал, что не следует читать сделанные ранее переводы, когда работаешь над новым. Этого же принципа придерживались и переводчики Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова. В статье, посвящённой новому переводу, Н.К. Гарбовский так об этом пишет: «Мы же, приступая к работе над новым переводом новелл Мериме, были убеждены, что обращение к версиям предшественников будет сковывать нашу свободу и может свестись к редактированию ранее созданного чужого текста или же превратиться в никчёмное соперничество» [Гарбовский, 2011, с. 9].

Переводчики на английский язык переводят интертекстуальный элемент самостоятельно, не прибегая к существующим переводам:

*A Greek has said somewhere, or rather Amyot puts it into his mouth:
The day that sets a man free of his chains,
Strips him of half of his virtue and pains
[Mérimée, 1905] (transl. by Waller etc.).*

Как видим, наличие перевода претекста отнюдь не гарантирует, что переводчик пожелает к нему обратиться: в трёх рассмотренных вариантах перевода цитата переведена самостоятельно, и в одном использован прецедентный перевод из иного претекста.

Описанные примеры иллюстрируют изменения, происходящие с интертекстуальными элементами при переводе. На основании рассмотренных примеров можно заключить, что переводчики со всей серьёзностью относятся к наличию интертекстуальных связей в переводимом тексте и стремятся их передать доступным и видимым для читателя образом. Однако добиться максимально точной передачи авторской интертекстуальности в переводящем языке оказывается непросто даже в случаях, когда перевод претекста существует, а семантика и стиль существующего перевода интертекстуального элемента удовлетворяют требованиям нового контекста. В данной статье рассмотрено четыре перевода одного произведения, и ни об одном из них нельзя сказать, что интертекстуальность перевода зеркально отражает интертекстуальность, заложенную автором. Вполне разумно, что в рамках перевода художественного произведения во главу угла все же ставится не сохранение интертекстуальности как свойства, а прагматика перевода, поэтому переводчики достаточно широко пользуются «властью» переводчика-автора, предоставляя читателю самые различные варианты перевода интертекстуального элемента.

Из рассмотренных примеров хорошо видны следующие варианты передачи интертекстуальности элемента в переводе: 1) заимствование из существующего перевода претекста, 2) заимствование из текста-посредника, в котором присутствует перевод данного интертекстуального элемента, 3) заимствование из предшествующего перевода оригинала, 4) введение переводческого комментария с целью повышения читательской компетенции. Выбор того или иного варианта во многом зависит от стратегии переводчика. Ориентированные в большей степени на читателя переводчики чаще прибегают к собственному переводу, а стратегия наибольшей близости к автору может привести к сохранению интертекстуальности в ущерб лёгкости восприятия.

Описанные выше примеры подтверждают, что комплекс интертекстуальных элементов, заложенный автором, отличается от такового в переводе, и это является весомым основанием для выделения переводческой интертекстуальности как типа.

Переводческую интертекстуальность, следовательно, можно определить как установку на выявление заложенной автором сложной системы связей с текстами других авторов и передачу этой системы в основном, но не исключительно, средствами языка перевода в объёме и качестве, соответствующим стратегии и условиям перевода.

Дальнейшее изучение переводческой интертекстуальности может включать в себя разработку удобной для переводчика классификации интертекстуальных элементов, разработку стратегий перевода различных типов интертекстуальных элементов, классификацию переводческих трудностей при переводе интертекстуальных элементов и другие направления.

Список литературы

- Барп Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Barthes, R.* Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika [Selected works: Semiotics: Poetics] / Per. s fr., sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Отражение как свойство перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 4 (октябрь — декабрь). С. 26—37.
- Garbovskij, N.K.* Otrazhenie kak svojstvo perevoda [Reflection as a characteristic of translation] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2008. N 4 (oktjabr' — dekabr'). P. 26—37 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1 (январь — март). С. 3—16.
- Garbovskij, N.K.* Novyj perevod: svoboda i neobhodimost' [New Translations: Freedom and Necessity] / N.K. Garbovskij // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2011. N 1 (janvar' — mart). P. 3—16 (in Russian).

- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
- Gal'perin, I.R.* Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research]. 5-e izd., stereotip. M.: KomKniga, 2007. 144 p. (in Russian).
- Гомер.* Илиада [Электронный ресурс] / Пер. В.В. Вересаева. Режим доступа: http://loveread.ws/read_book.php?id=13845&p=131
- Homer.* Iliada [The Iliad] / Transl. by V. Veresayev. Online resource: http://loveread.ws/read_book.php?id=13845&p=131 (in Russian).
- Гомер.* Одиссея / Пер.: В.А. Жуковский. М.: АСТ, 2010. 320 с.
- Homer.* Odisseja [Odyssey] / Transl. by: V.A. Zhukovskij. M.: AST, 2010. 320 p. (in Russian).
- Мериме П.* Арсен Гийо / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой // Мериме П. Кармен и другие произведения. М.: АСТ, 2011. 446 с.
- Mérimée, P.* Arsjen Gijo [Arsène Guillot] / Per. s fr. N.K. Garbovskogo, O.I. Kostikovoij // Merime, P. Karmen i drugie proizvedenija. M.: AST, 2011. 446 p. (in Russian).
- Мериме П.* Арсена Гийо // Французская новелла XIX века / Пер с фр. М.Л. Лозинского; сост. Б.П. Мицкевич. Мн.: Университетское, 1984.
- Mérimée, P.* Arsena Gijo [Arsène Guillot] // Francuzskaja novella XIX veka / Per s fr. M.L. Lozinskogo; sost. B.P. Mickevich. Mn.: Universitetskoe, 1984 (in Russian).
- Мериме П.* Арсена Гийо / Пер. с фр. О.В. Моисеенко. М.: Правда, 1983.
- Mérimée, P.* Arsena Gijo [Arsène Guillot] / Per. s fr. O.V. Moiseenko. M.: Pravda, 1983 (In Russian).
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. П. Любимова. М.: Художественная литература, 1966.
- Rabelais, F.* Gargantjua i Pantagrjuel' [Gargantua and of Pantagruel] / Per. s fr. P. Ljubimova. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1966 (in Russian).
- Монтескье Ш.Л.* Персидские письма // Французский фривольный роман / Пер. с фр.; под ред. Е.А. Гунста. М., 1993.
- Montesquieu, Ch.-L.*, Persidskie pis'ma [Persian letters] // Francuzskij frivol'nyj roman / Per. s fr.; pod red. E.A.Gunsta. M., 1993 (in Russian).
- Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 280 с.
- Fateeva, N.A.* Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti [Inter-text in the world of texts]. 4-e izd.. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 280 p. (in Russian).
- Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014. 208 с.
- Chernjavskaia, V.E.* Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa: ucheb. posobie. [Text linguistics. Discourse linguistics]. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2014. 208 p. (in Russian).
- О возвышенном / Перевод, статьи и примечания Н.А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966.
- О vozvyshennom [On the sublime] / Perevod, stat'i i primechanija N.A. Chistjakovoij. M.; L.: Nauka, 1966 (in Russian).

- Boileau Despréaux*. Au roi. [Electronic resource]. 1669. URL: <http://www.poetica.fr/poeme-1751/nicolas-boileau-au-roy/>
- Boileau Despréaux, N.* Traite du sublime. Reflexions critiques [Electronic resource]. Haye, 1722. URL: http://books.google.ru/books/about/Traite_du_sublime_Reflexions_critiques.html
- Marot, C.* Épître au roi pour avoir été dérobé [Electronic resource]. 1531. URL: <http://www.poemes.co/epitre-au-roi-pour-avoir-ete-derobe.html>
- Marot, C.* A letter to the King; after being robbed. (page 9735). A library of the World's best literature — Ancient and Modern. Vol. XXIV. 2008. 9780 p.
- Mérimée, P.* Arsène Guillot // Prosper Mérimée. Carmen (nouvelles). Paris: 1875. 368 p.
- Mérimée, P.* The novels, tales and letters of Prosper Merimee / Transl. by 'Emily Mary Waller, the lady Mary Lloyd and Dr. Edmund Burke Thompson. New York, 1905. [Electronic resource]. URL: <http://www.mocavo.com/The-Novels-Tales-and-Letters-of-Prosper-Merimee-Volume-Viii/>
- Montesquieu, Ch.-L.*, Lettres persanes [Electronic resource]. 1721. URL: <http://visualiseur.bnf.fr/Visualiseur?O=NUMM-101473>
- Montesquieu, Ch.-L.*, Persian Letters [Electronic resource] / Transl. by J. Davidson. 1899. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Persian_Letters/Letter_30
- Rabelais, F.* Gargantua et Pantagruel [Electronic resource]. Paris, 1823. URL: http://www.fcsh.unl.pt/Gargantua_et_Pantagruel1_Rabelais.pdf
- Rabelais, F.* Gargantua et Pantagruel [Electronic resource]. Transl. into English by Sir Thomas Urquhart of Cromarty And Peter Antony Motteux. Derby, 1894. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1200/1200-h/1200-h.htm>

А.В. Кузнецова,

аспирантка факультета лингвистики и перевода кафедры перевода
и языкознания Международного гуманитарного университета,
Одесса (Украина), переводчик агентства переводов ТРИС;
e-mail: likafolkland@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ОДНОСТОРОННЕМ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК ВО ВРЕМЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВСТРЕЧ

В статье рассматриваются случаи англо → украинской интерференции на уровне синтаксиса при устном последовательном переводе речей государственных деятелей: уподобление оригиналу в порядке следования элементов предложения, использование типичных для английского языка, но нетипичных для украинского словосочетаний и синтаксических конструкций и т.п.

Ключевые слова: синтаксическая интерференция, англо-украинская языковая пара, устный последовательный перевод

Anzhelika V. Kuznetsova,

Conference Interpreter and Postgraduate Student at the Department of
Linguistics and Translation, the International Humanities University, Odessa,
Ukraine; e-mail: likafolkland@mail.ru

SYNTACTIC INTERFERENCE IN CONSECUTIVE INTERPRETING FROM ENGLISH INTO UKRAINIAN: A RESEARCH INTO SUMMIT INTERPRETING

The article deals with the issue of language interference which reveals itself in the process of interpreting. The object of investigation includes instances of English → Ukrainian interference at the level of syntax: word order, word collocations, syntactic constructions, etc., that are typical of English and are transferred into the Ukrainian language during the process of interpreting speeches delivered by English-speaking officials.

Key words: Syntactic interference, English-Ukrainian language combination, consecutive interpretation.

Научные исследования в области перевода обычно преследуют практическую цель — изучение того или иного языкового или переводческого явления для того, чтобы результаты можно было использовать для улучшения качества перевода и способствовать успешной межкультурной коммуникации. Наше исследование посвящено интерференции — явлению, неизбежно сопровождающему перевод (как письменный, так и устный) на всех языковых уровнях.

Рассматривая межъязыковое взаимодействие и проводя аналогию с интерференцией как физическим явлением, К.К. Платонов [Платонов, 1981, с.175] указывает, что термин *интерференция* заимствован лингвистикой из физики. В физике данным термином обозначают увеличение волны (увеличение интенсивности освещения, громкости звука, длины волны и т.д.), возникающее в результате наложения волн (световых, звуковых, волн на поверхности водоёма, и т.д.) в одной фазе. В лингвистике интерференцией принято считать аналогичные проявления при «наложении» языков в результате вмешательства «элементов одной языковой системы в другую» (см., например, [Алимов, 2011, с. 35]).

Л.В. Щерба в своих работах касался изучения и описания языковых контактов, но не использовал термин «интерференция», хотя описывал сущность этого процесса, заменив термин «смешение языков» на «взаимное влияние». «Лучше было бы заменить термин “смешение языков” термином “взаимное влияние языков”, который ничего не содержит в себе в отношении описываемых фактов, в то время как слово “смешение” предполагает в некоторой мере, что два языка, находясь в непосредственном контакте, могут в равной степени участвовать в образовании нового языка» [Щерба, 1974, с. 61]. По свидетельству В.В. Алимова, в лингвистику термин «интерференция» был введён учёными Пражского лингвистического кружка в начале 20-го века для обозначения отклонения от норм контактирующих языков.

Понятие «лингвистической интерференции» раскрывается в монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» (1953). В ней, в частности, отмечается, что условием возникновения лингвистической интерференции является языковой контакт, т.е. речевое общение между двумя языковыми коллективами или учебная ситуация: «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком». Соответственно, «случаи отклонения от нормы», т.е. интерференция, «происходит в речи билингвов в результате их знакомства с более, чем одним языком» [Вайнрайх, 2000, с. 1–7]. Переводчики представляют собой идеальный пример индивидов, в речи которых возможны случаи отклонения от нормы.

Определение У. Вайнрайха до сих пор остаётся общепринятым, хотя многие исследователи делали и делают попытки уточнить его. Так, к примеру, Э. Хауген в 1972 году определил интерференцию как лингвистическое частичное совпадение (*overlap*), при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем [Хауген, 1972, с. 69–70].

В отечественной лингвистике наиболее близким определению У. Вайнрайха является определение В.Ю. Розенцвейга. Учёный считает, что «интерференция — это нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972, с. 10].

Несмотря на различия в определении самого явления и подходах к его рассмотрению, до 1950-х годов прослеживается тенденция трактовать интерференцию как явление сугубо отрицательное. И даже такое солидное издание, как Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой (1990), которое даёт, на наш взгляд, наиболее полное определение интерференции как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях то нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 197], не избежало общей тенденции. Как видим, и этот теоретический источник трактует интерференцию как исключительно отрицательное влияние особенностей системы одного языка на речевую презентацию единицы другого языка.

В настоящее же время учёные говорят о том, что интерференция имеет также и положительное влияние, которое может проследиться в сфере навыков, умений, знаний и даже памяти. Именно такой точки зрения придерживается военный переводчик доктор филологических наук В.В. Алимов [Алимов, 2011], выделяя вслед за К.К. Платоновым положительную (конструктивную) и отрицательную (деструктивную) интерференцию.

Учитывая прикладной характер нашего исследования, воспользуемся определением интерференции, предложенным В.В. Алимовым в монографии «Интерференция в переводе»: «...под лингвистической интерференцией следует понимать взаимовлияние контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным и выражается в отклонениях от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции)» [Алимов, 2011, с. 35].

Для переводчика особенно важным является его замечание относительно того, что «вмешательство элементов одной языковой системы в другую <...> может быть как конструктивным, так и деструктивным» [там же]. В частности, В.В. Алимов подчёркивает, что, если отрицательная интерференция присутствует в тексте на языке перевода (далее ПЯ), она значительно затрудняет межкуль-

турную коммуникацию, а иногда делает сам процесс передачи информации невозможным. Напротив, положительная интерференция облегчает коммуникацию и помогает в передаче сообщения на ПЯ. Избегая отрицательной интерференции и пользуясь положительной интерференцией, мы повышаем качество перевода.

Соответственно, необходимость всестороннего изучения проявлений интерференции с целью повышения качества перевода и обеспечения эффективности межкультурной коммуникации определяет актуальность, теоретическую значимость и практическую ценность предпринятого нами исследования.

В лингвистике интерференция рассматривается в нескольких курсах, но для достижения целей нашего исследования наиболее целесообразным и логичным представляется применение классификации интерференции по языковым уровням. В рамках такой классификации различают следующие разновидности интерференции: звуковая (фонетическая, фонологическая, звукорепродукционная), орфографическая, лексическая, грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная), семантическая, стилистическая.

Согласно В.В. Алимову, наименее изученной является звукорепродукционная интерференция, связанная с ошибочным употреблением похожих по звучанию слов и выражений, а наиболее изученной — морфологическая.

Проблема грамматической интерференции привлекает учёных с 30-х годов XX столетия. Вопросы грамматической интерференции обсуждались в ходе работы Международных конгрессов лингвистов в 1939 г. (Брюссель), 1948 (Париж), 1952 (Лондон). Проблема вызвала противоречивые мнения относительно возможности влияния грамматических систем языков друг на друга. Так, например, У. Вайнрайх и А. Мейе говорили о непроницаемости грамматических систем языков; согласно утверждению Э. Сепира морфологическое влияние языков друг на друга может быть только поверхностным; а Г. Шухардт и вовсе считал, что каких-либо ограничений на влияние одной морфологической системы на другую не существует.

Первыми отечественными исследователями грамматической интерференции были Л.В. Щерба [Щерба, 1974] и В.А. Богородицкий [Богородицкий, 1895]. Так, В.А. Богородицкий развил положение Бодуэна де Куртенэ об изменчивости границ между морфологическими частями слова и разработал учение о морфологических процессах в языке [Богородицкий, 1895]. Систематическое изучение грамматической интерференции в отечественном языкознании берет своё начало с работы В.Ю. Розенцвейга, Л.М. Умана (1963) [Розенцвейг, Уман, 1963]. А.Е. Карлинский (1980), Л.Н. Ковылина

(1983), И.С. Невмержицкий (1983) и др. рассматривали проблемы интерференции на уровне морфем. Тем не менее, ещё в 1989 г. известный лингвист и теоретик перевода В.Н. Комиссаров писал, что переводческая интерференция в области грамматики наименее исследована [Комиссаров, 1989].

В теоретической литературе указывается, что грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящих в систему одного языка (Я1), применяются к примерно таким же цепочкам элементов другого языка (Я2), что ведёт к нарушению норм языка Я2; либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка Я2, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка Я1. Если говорить о грамматической интерференции во время устного последовательного перевода, то Я1 здесь выступает как исходный язык ИЯ, а Я2 как переводящий язык ПЯ. Вероятно, в случаях совпадения логики построения высказывания на ИЯ и ПЯ можно говорить о положительной грамматической интерференции.

Мы выбрали для исследования синтаксическую интерференцию, то есть интерференцию на уровне строения предложения, так как считаем, что отрицательная интерференция на этом уровне может значительно нарушать логическую структуру предложения на переводящем языке (ПЯ) и соответствующим образом исказить его смысл, что может привести к невозможности передачи сообщения. Поскольку проявления интерференции, как правило, затрагивают различные аспекты языка, параллельно нами были отмечены случаи интерференции и других типов.

Известно, что переводчики-синхронисты международных организаций обычно переводят только на свой родной язык (исключением являются так называемые редкие языки, такие как японский, китайский, корейский и т.д.). В отличие от ситуации многосторонней встречи с использованием синхронного перевода, характерной особенностью двусторонних встреч является то, что, согласно дипломатическому этикету, официальные лица работают только со своими переводчиками. Например, если происходит встреча между премьер-министрами Украины и США, речи и реплики премьер-министра США переводит только его личный переводчик, который, как правило, является носителем английского языка и, соответственно, переводит на неродной язык, украинский. То же самое касается переводчика украинского премьер-министра. Таким образом, интерференция, возникающая при этом виде перевода, обусловлена влиянием родного исходного языка ИЯ на неродной переводящий язык ПЯ.

Материалом нашего исследования являются видеозаписи встреч на высшем уровне, пресс-конференций с участием первых лиц государств, на которых используется последовательный устный перевод. Все материалы находятся в открытом доступе на youtube.com или официальных веб-сайтах организаций.

В рамках настоящей статьи рассмотрим проявления интерференции в переводе с английского на украинский язык, наблюдаемые при переводе совместной пресс-конференции госпожи Хилари Клинтон, Секретаря Госдепартамента США, и Президента Украины Виктора Януковича, которая проходила 2 июля 2010 г. в Киеве.

Методика проведения исследования синтаксической интерференции довольно проста. Выполняется стенограмма (транскрипт) звучащего текста (как английского, так и украинского) и последовательно, по фрагментам, сопоставляются исходный текст (ИТ) и переводящий текст (ПТ). В данном исследовании для англоязычного текста мы воспользовались официальной стенограммой, доступной на сайте Госдепартамента США. Мы проанализировали 34 минуты пресс-конференции, из которой выбрали только украинский перевод английской речи госпожи Клинтон. Общее звучание перевода с английского на украинский язык составило 15 мин. 41 с, из них 9 мин. 47 с звучал доклад и перевод речи Госсекретаря США и 6 мин. 4 с — ответы на вопросы к американской стороне и их перевод. Общее время звучания ИТ — 7 мин. 10 с, звучание ПТ составляет 8 мин. Итак, украинский перевод на 50 с длиннее оригинала. Проанализировано 20 переводческих отрывков в направлении английский — украинский. Из них 13 отрывков доклада и перевода госпожи Клинтон и 7 отрывков оригинала и перевода вопросов к американской стороне. Английская речь оформлена в 35 предложениях, а перевод в 36.

Госпожу Хилари Клинтон последовательно переводила с английского на украинский язык её собственный переводчик, которая, вероятно, является носителем английского языка. Из проанализированной нами стенограммы становится очевидным, что выбор лексических средств, грамматических форм и синтаксических структур, выявленный в тексте перевода, характерны для украинской диаспоры Канады и США, потомки которых выехали из Украины в начале XX в.

При анализе данного материала выявлена интерференция на различных уровнях языка, в частности, фонетическом и фонологическом уровнях (слышен английский акцент и английская интонация в украинском переводе), которая, однако, не затрудняет понимание.

Примером интерференции звукопродукционной (а в данном примере вылившейся в лексическую интерференцию) является употреблённое вместо украинского «виробник» слово «*продюсер*» в переводе следующей фразы: «*We discussed energy reform and its potential to transform Ukraine into an energy producer*» — «*перетворити енергетичну систему України, щоб Україна стала продюсером енергетики*».

Пунктуационная интерференция не может быть выявлена из-за устного характера материала.

Грамматическая интерференция в последовательном переводе представлена проявлениями морфологической и синтаксической разновидностей. Так, морфологическая интерференция прослеживается во множественных примерах несогласованности между глаголами и существительными, прилагательными и существительными, например:

Specifically, we believe American companies would be interested in the civil nuclear power industry, developing the shale gas and methane gas potential that Ukraine holds, as well as deep-water drilling in the Black Sea.

*І ми вважаємо і підтримуємо американські фірми, ми вважаємо, що вони будуть зацікавлені в співробітництві з Україною, що стосується використання ядерної енергетики в мирних цілях, розробки чо... шельфа, шельфу Чорного мор*я, а також розробці резервів сланцевого газу.*

Наиболее множественными в проанализированном объёме материала оказались проявления интерференции на уровне синтаксиса, став причиной пристального внимания к ним.

Самой типичной ошибкой при этом выявлено уподобление синтаксической структуры предложения и фразы в ПЯ типичной последовательности соответствующих фрагментов исходного (английского) языка. Копирование порядка слов, характерного для построения предложения на английском языке, при формулировании предложения на украинском языке, выявлено в 27 предложениях из 36, что составляет 75%. В лингвистике признаётся, что английский и украинский языки относятся к группе так называемых «SVO»-языков, где S — подлежащее, V — привычно выраженное глаголом сказуемое, O — дополнение. Вместе с тем отметим, что в проанализированном нами переводе «английский» фиксированный порядок использован при построении предложений, привычно звучащих на украинском в иных вариациях последовательности главных членов предложения, например:

(а) для украинского языка более характерным был бы порядок OVS:

<i>The recent elections represented a major step in the consolidation of Ukraine's democracy</i>	<i>І нещодавні вибори являли собою значний крок вперед у консолідації української демократії (перевод на встрече)</i>
Значним кроком у зміцненні української демократії стали нещодавні вибори (перевод мой. — А.К.)	

(б) для украинского языка более характерным был бы порядок VSO:

<i>We also discussed the importance of protecting Ukraine's democracy</i>	<i>Ми також обговорили важливість захисту української демократії (перевод на встрече)</i>
Обговорювався захист української демократії (перевод мой. — А.К.)	

Обращает на себя внимание также употребление местоимения «ми» в начале предложения, которые встречаются 14 раз, что на сравнительно небольшой объём исследованного материала (35 предложений оригинала / 36 переводов) является значительным показателем и является непривычным для уха носителей украинского языка. Вариативность номинации подлежащего с использованием синонимов или перестройка всей структуры предложения звучала бы более «по-украински». Например:

<i>We support European Union integration</i>	<i>І ми підтримаємо українське прагнення Євро інтеграції і інтеграції в Європейський Союз (перевод на встрече)</i>
Вітається українське прагнення до Євроінтеграції (перевод мой. — А.К.)	

Еще одним типичным проявлением интерференции английского языка считаем использование прямой кальки группы подлежащего «президент і я» (“President and I”) — такое построение фразы не является характерным для языка украинского. Например:

<i>The president and I had a very productive meeting</i>	<i>Президент і я мали дуже корисну зустріч, продуктивну зустріч (перевод на встрече)</i>
Наша зустріч з президентом була дуже продуктивною (перевод мой. — А.К.)	

Отличительной особенностью английского языка является широкое использование неличных форм глагола (инфинитив, герундий, причастие прошедшего/настоящего времени) и структур вторичной предикации — так называемых инфинитивных, герундиальных и причастных комплексов (Complex Object, Complex Subject, Gerundial and Participle Constructions). Признаваемое отсутствие таких форм (в их разнообразии видовременных и аспектных характеристик), а также синтаксических комплексов с ними в языке украинском предполагает использование переводческих трансформаций. Например, английское «сложное дополнение» в переводе типично влечет использование придаточного предложения. Однако выбор конкретного способа перевода соответствующего синтаксического комплекса или неличной формы глагола англоязычного текста-оригинала очень часто предопределен, прежде всего, той синтаксической функцией, которую выполняет в предложении соответствующая неличная форма или комплекс с нею.

Для того чтобы выявить проявления интерференции и установить адекватность сделанного на встрече перевода, рассмотрим и проанализируем употреблённые в следующем предложении оригинала неличные формы глагола и комплексы с ними. Ср.:

<i>We support <u>the reforms being discussed to change the way that the energy sector operates in Ukraine to ensure transparent, credible processes for investing in the opportunities available</u></i>	<i>І ми підтримуємо процес реформ, якій відбувається в Україні, для того <u>щоби перетворити український енергосектор, щоб він був прозорим і передбачуваним, і це створить кращі умови для інвестицій за кордоном</u> (перевод на встрече)</i>
Ми підтримуємо обговорюване нині реформування українського енергетичного сектору. Реформи, які повинні змінити систему, направлені на забезпечення прозорості та надійності процесів як умов для інвестування в розвиток цього сектору економіки України (перевод мой. — А.К.)	

В приводимом отрывке оригинала *the reforms being discussed to change the way* форма причастия настоящего времени в страдательном залоге использована в качестве определения к существительному *the reforms*; фраза *the reforms being discussed* в целом означает «реформы, которые мы сейчас (во время встречи) обсуждаем». Далее следует ещё одно определение к тому же существительному *the reforms* — *to change the way*, выраженное в тексте оригинала простым инфинитивом в активном залоге *to change* с его прямым дополнением, выраженным существительным *the way*. Данная инфинитивная фраза в функции определения означает, что реформы «нацелены(нные)/направлены(нные) на изменения/призваны(нные) изменить (ситуацию в энергетическом секторе экономики Украины)». Ещё одна инфинитивная фраза *to ensure transparent, credible processes* допускает двоякую трактовку: как определения к существительному *the reforms* и как обстоятельство цели. Для того чтобы влияние английского языка в украинском переводе не ощущалось, фразу *to change the way that the energy sector operates in Ukraine to ensure transparent, credible processes*, лучше было бы перевести как «перетворити український енергосектор на прозорий та передбачуваний», не используя инфинитивную конструкцию в украинском переводе.

Таким образом, анализ данного предложения оригинала даёт основания интерпретировать его следующим образом: «Мы поддерживаем обсуждаемый ныне процесс реформирования энергетического сектора экономики Украины, направленный на обеспечение прозрачности и надёжности системы оперирования экономического сектора с целью создания благоприятного инвестиционного климата в этот сектор экономики Украины».

Услышанный же вариант перевода, как становится очевидным, свидетельствует о недооценке синтаксической организации предложения и недопонимании реалий Украины. В результате «реформы направлены на делание прозрачным и предсказуемым энергетический сектор Украины, что создаст наилучшие условия для инвестирования средств в зарубежные (компании, проекты)», т.е. перевод, по сути, выражает следующую мысль: «Украина станет инвестировать в зарубежные компании, потому что её энергетический сектор экономики станет предсказуемым и прозрачным в результате проводящихся там реформ», что доказывает его неадекватность.

В украинском переводе также есть один пример калькирования и структуры английского предложения, и глагольных форм. Известно, что в сложноподчинённом предложении времени, относящемся к сфере будущего, в главном предложении используется

глагольная форма Future Simple, а в придаточном условии — форма Present Simple. В украинском же языке такого ограничения нет, и в обеих частях сложного предложения используются глагольные формы будущего времени, привычнее же вместо придаточного времени использовать именное словосочетание, как, например, в следующем случае, возможно, лучше было бы использовать фразу «з просуванням України вперед». Ср.:

<i>As Ukraine moves forward, the country will face questions about its place in the region and the world</i>	<i>В той час, коли Україна просувається вперед, ви будете стояти перед питанням, щодо Вашого місця у регіоні та світі (перевод на зустріч)</i>
Розвиваючись, Україна постійно буде стояти перед необхідністю відповіді на питання, яку роль вона відіграє в регіоні і в світі в цілому. // З просуванням України вперед, їй доведеться визначатися із її місцем у регіоні та світі (перевод мой. — А.К.)	

В тексте перевода выявлено 46 случаев синтаксической интерференции, из которых 8 случаев определены как положительная интерференция, а 38 — как отрицательная.

Отрицательная интерференция (82,6%) выявлена в калькировании строения предложения и фраз, привычного для ИЯ (английского), но несвойственного ПЯ (украинскому).

В одном случае (4,6%) зарегистрировано прямое искажение смысла: *my forth visit* переведено как «Я тут вже була чотири рази», т.е. данный визит является не четвёртым, а пятым по счёту. Проявление отрицательной синтаксической интерференции привело к корявости и неестественности текста перевода (только 33% фрагментов вызвали чувство полной гармонии), однако, в целом, не препятствовало коммуникации. Коммуникация не только межкультурная, но и межкультурная была бы значительно успешнее, если бы переводчик был знаком с особенностями и традициями употребления (узуса) тех или иных лексем, частей речи, синтаксических конструкций ПЯ, с одной стороны, и, с другой, — шире использовал эффект положительной интерференции.

Подчеркнём ещё раз: умение пользоваться положительной интерференцией, при этом избегая отрицательной интерференции, может значительно улучшить качество устного аудитивного последовательного конференц- и медиа-перевода.

Перспективы исследования мы видим в направлении накопления фактического материала и комплексного анализа случаев ин-

терференции разного вида в переводах с английского на украинский, а также с английского на русский и в обратном направлении с украинского и русского на английский.

Список литературы

- Алимов В.В.* Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации [Текст]. М., 2011.
- Alimov, V.V.* Interferencija v perevode (na materiale professional'no orientirovannoj mezhkul'turnoj kommunikacii i perevoda v sfere professional'noj kommunikacii [Tekst] [Interference in Translation (on materials of the professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication)]. М., 2011 (in Russian).
- Алимов В.В.* Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации [Текст]. М., 2005.
- Alimov, V.V.* Teorija perevoda. Perevod v sfere professional'noj kommunikacii [Tekst] [Theory of Translation. Translation in the Field of Professional Communication]. М., 2005 (in Russian).
- Богородицкий В.А.* Из чтений по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Вып. 1. Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1895, 53 с.
- Bogorodickij, V.A.* Iz chtenij po sravnitel'noj grammatike indoevropskih jazykov. Vyp. 1. Varshava: tip. Varshavsk. ucheb. okr. [Remarks on Comparative Grammar of Indo-European Languages], 1895, 53 p. (in Russian).
- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования [Текст]. Б., 2000.
- Vajnrjajh, U.* Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija [Tekst] [Language Contacts. Current State and Research Issues]. Б., 2000 (in Russian).
- Климов В.В.* Языковые контакты [Текст] // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Klimov, V.V.* Jazykovye kontakty [Tekst] [Language Contacts] // Obshee jazykoznanie: formy sushhestvovaniya, funkcii, istorija jazyka. [General Language Studies: Forms of Existence, Functions, History of Language]. М., 1970 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Проблема интерференции в теории перевода // Проблема интерференции при переводе. Сборник статей. Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB Verlag Enzyklopadie. Leipzig, 1989. С. 103–108.
- Komissarov, V.N.* Problema interferencii v teorii perevoda [Interference Problems in Theory of Translation] // Problema interferencii pri perevode. Sbornik statej. Interferenz in der Translation [Collection of Articles: Interference Problem at Translation. Collection of Articles]. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB Verlag Enzyklopadie. Leipzig, 1989. P. 103–108 (in Russian).
- Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002.
- Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] [Linguistic Encyclopaedic Dictionary] / Gl. red. V.N. Jarceva. М., 2002 (in Russian).

- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам [Текст]. М., 1996.
- Min'jar-Beloruchev, R.K.* Metodicheskij slovník. Tolkovyj slovar' terminov metodiki obuchenija jazykam [Tekst] [Methodic Dictionary. Terminology Dictionary upon Methods of Teaching Languages]. M., 1996 (in Russian).
- Новая иллюстрированная энциклопедия [Текст]: В 20 кн. М., 2004. Кн. 7.
- Novaja illjustrirovannaja jenciklopedija [Tekst][New Illustrated Encyclopedia]: V 20 kn. M., 2004. Kn. 7 (in Russian).*
- Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981. С. 175.
- Platonov, K.K.* Kratkij slovar' sistemy psihologicheskikh ponjatij. [Concise Dictionary of Psychological Concepts. M., 1981. P. 175 (in Russian).
- Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты [Текст]. Л.: Наука, 1972. 80 с.
- Rozencvejg, V.Ju.* Jazykovye kontakty [Tekst][Language Concepts]. L.: Nauka, 1972. 80 p.
- Розенцвейг В.Ю., Уман Л.М.* Интерференция и грамматическая категория интерференции // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 104–118.
- Rozencvejg, V.Ju., Uman, L.M.* Interferencija i grammaticheskaja kategorija interferencii // Issledovanija po strukturnoj tipologii.[Interference and Grammar category of Interference]. M., 1963. P. 104–118 (in Russian).
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация [Текст]. М., 2000.
- Ter-Minasova, S.G.* Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Tekst] [Language and Intercultural communication]. M., 2000 (in Russian).
- Хауген Э.* Языковой контакт [Текст] // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Haugen, Je.* Jazykovoju kontakt [Tekst] [Languages in Contact] // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. M., 1972 (in Russian).
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 61.
- Shherba L.V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language System and Oral Activity]. L., 1974. P. 61 (in Russian).
- Онлайн-ресурсы
- Видео исследуемой пресс-конференции Секретаря Госдепартамента США Хилари Клинтон и президента Украины Виктора Януковича 2 июля 2010 года в Киеве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=YkPbNatMEi4>
- Secretary Clinton Meets With Ukrainian President. Uploaded by U.S. Department of State on July 2, 2010 [internet source]. Access: <https://www.youtube.com/watch?v=YkPbNatMEi4>
- Официальная стенограмма пресс-конференции на английском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143924.htm>
- Official transcript of the press conference on July 2, 2010 in English [internet resource]. Access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143924.htm>
<https://journals.equinoxpub.com/index.php/SS/article/viewFile/16226/14057>

Е.С. Лаврентьева,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ
имени М.В. Ломоносова; e-mail: katerinken@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПОЛИВЕКТОРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются возможности стратегий форенизации и доместикации для сохранения в переводе воздействующего потенциала метафорических моделей. На основе материалов британского издания “The Economist” методом сплошной выборки выявлены наиболее характерные виды метафор (физиологическая, зооморфная, криминальная, военная, игровая, театральная и др.), формирующие концептуальную систему адресата речевого воздействия. Особо акцентируются функции метафор и их роль в создании сообщений с установкой на легитимацию действий адресанта послания путём использования базовой оппозиции политического дискурса «свой — чужие». В статье получают освещение переводческие трудности, связанные с поиском способов передачи значения языковых средств, ориентированных на речевое воздействие.

Ключевые слова: дискурс, доместикация, метафора, политический дискурс, речевое воздействие, форенизация.

Yekaterina S. Lavrentyeva,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: katerinken@mail.ru

TRANSLATING METAPHORICAL MODELS IN HYBRID DISCOURSE

The article examines the use of foreignization and domestication as translation strategies aimed at preserving the persuasive potential of metaphorical models in the target text. The data for study comprise articles from *The Economist* where the author detected the most frequently used types of metaphors using the methods of continuous sampling (physiological, zoomorphic, criminal, military, ludic, theatrical, etc.). As long as these metaphors form the conceptual system of the addressee, the author places particular emphasis on the functions of metaphors and their role in the creation of messages aimed at bringing legitimacy to the addresser's actions through the usage of the basic opposition of self/other in political discourse. The article highlights issues related to translation of language means designed to convey language persuasion.

Key words: discourse, domestication, foreignization, language persuasion, metaphor, political discourse.

Перевод метафор представляет собой одну из важнейших переводческих задач в силу того, что метафоры активно используются для построения политических и экономических идеологий, так как в качестве концептов представляют собой способ постижения

одной вещи в терминах другой. Метафоры также играют значимую роль в структурировании наших ощущений, поведения и взаимоотношений с другими людьми. Роль концептуальной системы сложно переоценить, ведь она становится основой не только для мышления и деятельности, но и для коммуникации. С помощью метафор творится новая реальность при их включении в ту понятийную систему, на которой основывается наша деятельность. Это приводит как к изменению самой системы, так и к видоизменению порождаемых ею представлений и действий¹. Под метафорой мы понимаем сравнение, основывающееся на скрытом сходстве двух предметов/явлений, «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев, 2007, с. 30].

Р. Лакофф и М. Джонсон отмечают способность метафор частично структурировать объект реальности, в результате чего одни черты описываемого феномена высвечиваются, а другие — затемняются: «Столкнувшись с энергетическим кризисом, президент Картер выдвинул понятие “морального эквивалента войны”. Метафора ВОЙНЫ породила сеть следствий. На свет появились “враг”, “угроза национальной безопасности”, что потребовало “определения целей”, “пересмотра приоритетов”, “установления нового порядка подчинённости”, “выдвижения новой стратегии”, “сбора разведанных”, “сосредоточения войск”, “наложения санкций”, “призывов идти на жертвы” и т.д. Метафора ВОЙНЫ высвечивала одни реалии и скрывала другие. Метафора была не просто способом видения действительности; она узаконивала решение на изменение политического курса, а также на соответствующие политические и экономические действия» [Лакофф, 2008, с. 184].

Для достижения целей нашего исследования важно понимать дискурс и в качестве целостного речевого произведения, направленного на реализацию определённого коммуникативного задания, и как процесс взаимодействия людей, отражающий особенности речевого поведения коммуникантов (социальные, этнокультурные, языковые). В русле данного подхода понятие «дискурс» трактует В.И. Карасик: «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения»².

¹ Например, западное влияние на мировые культуры частично объясняется внесением в них метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ [см.: Лакофф, 2008, с. 175].

² Карасик В.И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 5.

Под «поливекторностью» дискурса мы понимаем смешение в одном дискурсе черт различных функционально-стилистических жанров, разную направленность векторов воздействия. Данному определению соответствуют политический, рекламный и религиозный дискурс, которые вышли за рамки своего жанра, что позволяет некоторым исследователям объединять связи с общественностью, политическую и коммерческую рекламу в единый функциональный стиль [Медведева, 2008]³, говорить о «политической проповеди» [Хазагеров, 2002]⁴ и т.д. Политический, рекламный и религиозный дискурс также объединяет установка на внушение. Рассматриваемые в нашем исследовании тексты входят в категорию «поливекторных» и, как следствие, при переводе требуют учёта реализуемых функций речевого воздействия. При рассмотрении политического языка мы придерживаемся взглядов Д. Грейбер о том, что именно общение политических агентов на политические темы с преследованием политических целей формирует политический дискурс [Grabber, 1981, с. 196]. Метафорические модели являются важным языковым элементом, призванным выполнять целый ряд функций.

Помимо когнитивной функции метафор следует учитывать прагматическую (оказание воздействия на адресата путём формирования необходимого адресанту мировосприятия и эмоционального состояния), изобразительную (создание экспрессии) и эвфемистическую функции (имплицитная передача информации). Инструментальная и моделирующая функции метафор осуществляют познавательные процессы и формируют целостное представление о мире, о связи отдельных событий и явлений, что приводит к активному использованию метафор политическими игроками для создания и трансляции собственного видения происходящего. Экспрессивно-оценочная функция метафор позволяет давать яркую характеристику лица, «приговор, но не судебный» [Арутюнова, 1990, с. 8].

Обеспечить сохранение перлокутивного эффекта оригинального текста при переводе позволяют стратегии форенизации и доместикации. В лекции «О разных методах перевода» Ф. Шлейермахер обозначил ориентиры для переводческой деятельности, указав на антиномию доместикации — форенизации, которая сохраняет актуальность и на сегодняшний день. Так, в зависимости от своей целевой установки переводчик может стремиться к сохранению лингвостилистического своеобразия подлинника (путь остранения/форенизации) или, напротив, стараться сгладить те этноспецифи-

³ Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.

⁴ Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.

ческие особенности, которые, по его мнению, не будут приняты читателями перевода (путь освоения/доместикации).

Невзирая на универсальность многих метафор переводчику неизменно приходится сталкиваться с разницей концептуальных систем и объёмов отдельных концептов. В ситуации переводческого выбора приходится либо идти по пути форенизации, привнося иностранную реалию в язык перевода посредством её калькирования, транслитерации или транскрибирования; либо искать в языке перевода наиболее близкий аналог иностранной реалии, следуя стратегии доместикации.

По итогам анализа обширного материала А.П. Чудинов приходит к выводу, что для политического дискурса наиболее распространёнными оказываются метафорические модели с концептуальными векторами агрессии и соперничества при резком разграничении «своих» и «чужих» (концептосферы войны, преступного мира и взаимосвязанных тематик игры и спорта), разного рода отклонения от нормы (болезни, извращения). При этом игровая, спортивная и театральная метафоры призваны акцентировать карнавальный характер происходящих событий, указывать на «общество спектакля» [Чудинов, 2001, с. 130–131]. Данное обстоятельство позволяет заключить, что метафорические модели реализуют базовую оппозицию «свои — чужие» в целях легитимации действий адресанта послания, используя свой экспрессивный потенциал для воздействия на сознание аудитории. Тематическое единообразие в рамках поливекторного политического дискурса предполагает наличие переводческих трудностей, вызванных не столько отсутствием тех или иных реалий в языке перевода, сколько разницей в способах описания ситуации и варьированием объёма понятия в разных языках.

Материалом для исследования послужили статьи британского журнала новостной направленности “The Economist” в период с ноября 2013 по октябрь 2014 года. Статьи журнала написаны с позиций классического либерализма. Из 40 номеров журнала, вышедших за указанный период, были выбраны 12 номеров, где предлагалось подробное освещение украинского вопроса. Объём выборки составил 19 статей (28 с.). Общее число зафиксированных метафор было проанализировано с точки зрения тематической направленности. По результатам проведённого исследования становится ясно, что наиболее частотными для англоязычного политического дискурса журнала “The Economist” являются театральная, игровая и криминальная метафоры.

Виды метафор	Соотношение
Криминальная	21 (14%)
Военная	10 (6%)
Игровая	18 (12%)
Театральная	32 (21%)
Метафора инструмента	9 (6%)
Зооморфная	13 (8%)
Физиологическая	11 (7%)
Метафора огня	16 (10%)
Прочее	16%
Общее число метафор	146

В рамках осуществления базовой оппозиции политического дискурса «свой — чужие» адресант послания, представляющий коллективного актора под наименованием “the West” («Запад»), оценочно характеризует антагониста (В. Янукович и сформированное им правительство, Р. Ахметов, В. Путин и его правительство, ополченцы) с помощью построения метафорических моделей, в которых актуализируются следующие фреймы: зооморфная метафора (акцентирование фрейма «действия животных» слота «агрессивные действия»), криминальная (акцентирование фреймов «преступник», «преступные сообщества»), театральная метафора (фрейм «представление», «люди театра», «театральное здание и театральный режиссер»). Действия антагониста описываются при помощи метафоры инструмента. Протагонисты (жители стран Европейского союза и жители Украины) характеризуются как жертвы: жертвы хищника (зооморфная метафора), жертвы «террористов», «похитителей», злоумышленников (криминальная метафора), обманутые зрители (театральная метафора). Военная метафора используется для характеристики противостояния с антагонистом. Рассмотренные метафоры представляют собой средства речевого воздействия, направленные на дискредитацию бывшего президента Украины В. Януковича, легитимацию произошедшего государственного переворота и создание образа «врага», представленного президентом РФ В. Путиным и ополченцами.

Использование метафор стихийных бедствий осуществляет отсылку к произошедшим событиям (переворот в стране и, как следствие, напряжённость политической и экономической ситуации

на Украине). Сравнительно редко употребляются другие виды метафор: морбиальная метафора призвана характеризовать нестабильное положение Украины после государственного переворота, метафора дома и фитоморфная метафора также призваны описывать реалии внутри страны, хотя в редких случаях также характеризуют действия антагониста.

Криминальная метафора представлена образами преступников, похищающих людей с целью выкупа (“kidnappers”): “Kidnapped by the Kremlin. As you read this, 46m people are being held hostage in Ukraine. Похищенные Кремлём. Пока вы это читаете, 46 миллионов людей держат в заложниках на Украине” (March, 8–14, 2014, p. 11). Описание речевой ситуации компенсирует отсутствие реалии “kidnappers” в языке перевода. Также не возникает трудностей с передачей явления “gangsterism” в силу наличия в русском языке соответствующего аналога: “It is past time for the West to stand up to this gangsterism. Западу давно пора дать отпор этому бандитизму” (February, 22–28, 2014, p. 7). Выпад в сторону В. Януковича (In 2004 he tried to steal the presidential election — досл.: «украсть президентские выборы») при переводе теряет яркость инкриминированного обвинения в силу неизбежности ситуативного перевода: «В 2004 он попытался сфальсифицировать президентские выборы» (ibid., p. 19). В. Янукович также обвиняется в следующих преступлениях: в попытке «украсть их (украинцев) мечту» (stealing their dream) и «похитить европейское будущее Украины» (Viktor Yanukovich is hijacking Ukrainians’ European future) (November, 30 — December, 6, 2013, p. 24). Примечательно, что лексема “hijack” трактуется как незаконный захват самолёта при помощи насилия или угроз (1) и захват контроля над организацией или взятие под контроль какой-либо деятельности в собственных интересах (2). Избирая вариант перевода, следует остановиться на предложенном первом значении в силу соседства, доходящего до синонимии, в заключительной фразе статьи: “...Ukrainians who feel that their future has been hijacked and their dream stolen” (досл.: украинцы, которые чувствуют, что их будущее похитили, а мечту украли) (ibid.). Акцентирование значения «похищение» по сравнению с «захватом» или «угоном» более предпочтительно, так как реалия “hijack” отсутствует в языке перевода. Метафорическое осмысление ситуации как преступного вмешательства наиболее ярко прослеживается при выделении лексем, относящихся к семантическому полю «наказание» (например, “punishment”, “impunity” и др.).

Целью театральной метафоры становится представление ситуации в качестве политического спектакля, направленного на манипулирование сознанием зрителей. Антагонист характеризуется как

«режиссёр», «кукловод», а его подручные оказываются «актёрами» и «марионетками». Театральная метафора пронизывает и российский политический дискурс, поэтому для передачи референтной ситуации находятся полные и частичные соответствия: “It was billed as a history play, but turned into a Ukrainian-style farce. Viktor Yanukovych, the president, who had tried to rig elections in 2004, this time played the part of a statesman on an historic mission. The performance was to culminate on November 29th with the signing of an association agreement between Ukraine and European Union leaders. The role appeared too much for Mr Yanukovych: a week before the summit, he rewrote the script / Заявленная историческая пьеса превратилась в фарс в украинском стиле. Президент Виктор Янукович, который пытался в 2004 году подтасовать результаты выборов, на этот раз играл роль государственного деятеля, выполняющего историческую задачу. Кульминацией представления должно было стать подписание 29 ноября договора об ассоциации. Однако роль оказалась непосильной для Виктора Януковича: за неделю до саммита он переписал сценарий” (November, 30 — December, 6, 2013, p. 24); “He has staged a referendum and annexation / Он инсценировал референдум и аннексию” (April, 19—25, 2014, p. 7); “The fighting in Ukraine (...) provides a sombre back-drop to the NATO summit in Wales / Столкновения на Украине служат мрачными декорациями для саммита НАТО в Уэльсе” (August, 30 — September, 5, 2014, p. 11); “The pro-Russian politicians (...) would not be able to control the region even if Moscow were to move in and install them as puppets / Пророссийски настроенные политики не смогли бы контролировать регион даже если Москва вмешалась бы и поставила их своими марионетками” (March, 22—28, 2014, p. 20); “that would allow him to pull strings from behind the stage... / (...) позволили бы ему стоять за сценой и дёргать за ниточки” (March, 22—28, 2014, p. 22).

Частичные соответствия встречаются в случае несовпадения сочетаний, призванных описывать референтную ситуацию. В частности, английскому “orchestration” (досл.: «оркестровка», «аранжировка») и “choreography” (досл.: «хореография», «постановка танца») согласно нормам узуса русского языка соответствует «режиссура»: “...it was not part of a mass movement, more a bit of street theatre, carefully choreographed for the cameras / ...это была не часть массового движения, а нечто вроде уличного театра, действие которого было тщательно срежиссировано для камер / на публику” (March, 22—28, 2014, p. 20); “Russia’s orchestration of the civil war in East Ukraine... / Режиссура Россией гражданской войны на восточной Украине...” (August, 30 — September, 5, 2014, p. 11). В некоторых случаях целесообразно прибегать к расширению значения, перенося акцент

с субъекта действия на окружение субъекта: “Tired of Ukraine’s soap-opera politics and the squabbles within its ruling team, the West greeted the arrival of Mr Yanukovych with some relief. Устав от (досл.: «украинских политиков мыльной оперы») украинской политики в стиле мыльной оперы и склон в правящей команде, Запад встретил с облегчением приход В. Януковича к власти” (February, 22–28, 2014, p. 19). При отсутствии в языке перевода эквивалентного соответствия, передающего семантическое наполнение оригинального сочетания, приходится выбирать аналог из иной концептуальной сферы или другое сочетание со сходным семантическим значением: “To raise the temperature Mr Yanukovych provoked them with draconian laws, apparently copied from Russia’s play-book... / Чтобы накалить обстановку, В. Янукович усилил протестные настроения введением драконовых мер, судя по всему, скопированных в соответствии с российским сценарием / из российской (досл.: «книги пьес») книги рецептов” (February, 22–28, 2014, p. 20).

Игровая метафора представляет происходящее противостояние в образах игры в карты и игры в шахматы. В большинстве случаев в русском языке находятся подходящие эквивалентные соответствия в силу универсальности описываемых реалий: “...this is playing into the hands of Mr Putin / ...это играет на руку Путину” (May, 17–23, 2014, p. 36); “...he may be prepared to up the ante again / ...он может оказаться готов вновь поднять ставку” (August, 9–15, 2014, p. 29); “But the West has other cards to play / Но у запада на руках есть и другие карты, (которые можно сыграть)” (April, 19–25, 2014, p. 7); “...a stalemate offers him endless opportunities to sow more chaos / ...патовая ситуация предоставляет ему бесконечные возможности, чтобы сеять еще больше хаоса” (September 6–12, 2014, p. 21). В приведённых примерах антагонист рассматривается в качестве соперника по игре, готового идти на риск ради победы. Отрицательная характеристика В. Януковича и сформированного им правительства даётся следующим образом: “He halted the talks with the EU, and turned to Russia instead, sparking mass protests from Ukrainians who feel their future is being gambled away / Он приостановил переговоры с ЕС и повернулся лицом к России, заронив искру массовых протестов со стороны украинцев, которые почувствовали, что их будущее просаживают в карты” (November, 30 — December, 6, 2013, p. 24). Предпочтение словосочетания с резко негативной коннотацией «просаживать в карты» вместо нейтрального «проигрывать в карты» объясняется контекстуальным оформлением фрагмента и учётом авторской интенции (дискредитация оппонента). В тех случаях, когда речь идёт о переводе устойчивого для английского языка словосочетания с юридической семантикой, приходится прибегать

к опущению из-за отсутствия в языке перевода сочетания со сходным семантическим наполнением: “Thankfully, appeasement of Mr Putin is no longer on the cards. К счастью, умиротворение Путина больше не обсуждается (досл.: «больше не на картах»)” (August, 30 — September, 5, 2014, p. 11).

В концептуальное поле зооморфной метафоры входят и фразеологизмы, которые не всегда находят эквивалентный перевод. Если выражению “he twists like a weasel” (February, 22—28, 2014, p. 7) нетрудно найти аналог «изворотлив как уж», то частотное для английского политического дискурса сочетание “lame duck” (February, 1—7, 2014, p. 28; May, 17—23, 2014, p. 36) приходится описательно переводить как «провалившийся кандидат», «несостоявшийся политик». При переводе на русский язык передаётся без видимых затруднений метафорическое осмысление Рады как «гнезда» и «кормушки» для любителей наживы: “but the Rada is a nest of crooks and placemen / но Рада — это гнездо аферистов и ставленников” (March, 1—7, 2014, p. 9), “A less visible battle has been going on between various Ukrainian oligarchs and the members of Mr Yanukovych’s extended family who took their place at the trough / досл.: Менее заметная борьба происходила между украинскими олигархами и членами большой семьи Януковича, которые занимали свои места у кормушки” (ibid., p. 22). Однако встречаются случаи, когда приходится при переводе заменять само действие указанием на объект действия (“Ukraine’s current generations of leaders (...) seem to regard government jobs and policies as assets to be milked (досл.: «доить») / Нынешнее поколение украинских лидеров (...), судя по всему, смотрит на методы ведения политики и места в правительстве как на дойную корову” (November 30 — December 6 2013, p. 11) или приводить описательный перевод “...and the new president should be untainted by the score-settling and nest-feathering (досл.: «использовать перья для строительства гнезда») / ...и новый президент не должен быть запятнан сведением счетов и получением денег незаконным путём” (March, 1—7, 2014, p. 9). Создание образа хищника для характеристики действий и поведения антагониста является ярким способом дискредитации оппонента. В частности, журналист может предложить аудитории концентрированный образ правительства России в облики агрессивного «русского медведя»: “The cost of stopping the Russian bear now is high (...) First he mauled Georgia, then he gobbled up Crimea... / Попытки дать сейчас отпор русскому медведю обойдутся дорого (...) Сначала он растерзал Грузию, затем проглотил Крым” (April, 19—25, 2014, p. 7).

Военная метафора призвана описывать противостояние антагониста и протагониста. Соперничество за влияние осмысляется

как «борьба», где случаются «поражения» и «победы»: “Why, despite the appearance of defeat, Europe might have won the battle of Ukraine; ...if the Europeans stick to their guns / Почему, невзирая на видимость поражения, Европа, возможно, одержала верх в битве за Украину; ...если европейцы будут стойко обороняться” (November, 30 — December, 6, 2013, p. 11). Воинственный настрой антагониста выражается следующим образом: “This week he rattled his sabre at Kazakhstan / На этой неделе он бряцал оружием в Казахстане” (September, 6—12, 2014, p. 13). Представление соперничества как войны в большой степени характерно и для российского политического дискурса, поэтому не составляет труда найти эквивалентное соответствие «бряцать оружием» для передачи устойчивого выражения “rattle one’s sabre” (досл. «гремять саблей»).

Метафора инструмента применялась для характеристики антагониста в качестве обладателя инструментов и рычагов воздействия на сложившуюся ситуацию: “...he may use it as a lever to ratchet up pressure on whoever holds power in Kiev / он может использовать это как рычаг для усиления давления на любого, кто придет к власти в Киеве” (March, 1—7, 2014, p. 23); “...breakaway territories that can serve as instruments against Kiev (...) It (Moscow) has a mechanism to influence Ukrainian politics / ...отколовшиеся территории, которые могут стать инструментом, нацеленным против Киева (...) У Москвы есть механизмы для влияния на украинскую политику” (September, 13—19, 2014, p. 32). При переводе лексем “instruments” и “mechanism” необходимо помнить о нормах узуса в языке перевода, требующих распространения высказывания и/или изменения числа имени существительного. Дискредитация оппонента достигается посредством употребления словесного ярлыка, негативно характеризующего антагониста: “But its (of the civil war) ultimate architect sits in the Kremlin. Досл.: Но настоящий архитектор (гражданской войны) сидит в Кремле” (February, 22—28, 2014, p. 7).

Высокий объяснительный потенциал метафоры огня использовался для описания обстановки на Украине при помощи лексем “explode”, “implode”, “ignite”, “spark”, “flare”. Сущность антагониста воплотилась в образе поджигателя: “Mr Putin may not have lit the match this week but he assembled the pyre / Путин, возможно, и не поднёс к огню спичку на этой неделе, но именно он соорудил костёр” (February, 22—28, 2014, p. 7). При переводе стоит учитывать случаи перекрёстных метафорических значений: “...a bigger upsurge in violence could easily reignite the entire conflict / ...ещё больший рост насилия может легко воспламенить весь конфликт” (September, 13—19, 2014, p. 32). Значение лексемы “upsurge” выражает и «повышение уровня воды», поэтому этим нюансом значения при-

ходится пренебречь, чтобы избежать абсурдного сочетания «всплеск насилия может легко воспламенить весь конфликт».

Физиологическая метафора приводилась в проанализированных статьях для описания самой Украины: “It was the birth of a Ukraine (...) a nation-state with its own identity — a nation that has outgrown its old politicians, but has yet to find a responsible elite to replace them. / Это было рождение Украины (...) самобытного национального государства, которое переросло своих прежних политиков, но ещё не нашло ответственную элиту им на замену” (March, 22–28, 2014, p. 19). Характеристика антагониста давалась косвенным путём через поведение протагонистов: “Holding their noses, European Union leaders negotiated with Mr Yanukovych over an association and free-trade agreement / Зажимая носы, главы ЕС вели переговоры с Януковичем об ассоциации и соглашении о свободной торговле” (February, 22–28, 2014, p. 19).

Достаточно частотны апелляции к фитоморфной метафоре, представляющей антагонистов в качестве «сеятелей раздора»: “The seeds of the current crisis were planted by Mr Yanukovych / Семена текущего кризиса посеял Янукович” (February, 22–28, 2014, p. 19); “he has sown fear / он посеял страх” (September, 6–12, 2014, p. 13); “...offers him endless opportunities to sow more chaos / ...предоставляет ему бесконечные возможности, чтобы сеять еще больше хаоса” (September, 6–12, 2014, p. 21).

Невзирая на универсальность некоторых метафорических систем, переводчик сталкивается с трудностями при попытке передать реалии, отсутствующие в языке перевода. Следует отметить, что путь доместикации оказывается более предпочтительным, так как позволяет сохранить перлокутивный эффект оригинала благодаря опоре на привычные для аудитории метафорические сочетания. Прагматическая адаптация послания, выполненная в соответствии с нормами и узусом русского языка, не нарушает адекватность перевода. В русле данной стратегии при переводе метафорического сочетания без эквивалентных соответствий в русском языке приходится искать аналог в том же концептуальном поле, что и стал источником для порождения оригинальной метафоры, кроме того, в противовес калькированию предпочтение отдается описательному переводу. При следовании путём форенизации переводчику приходится сопровождать описание новых реалий поясняющими сносками и примечаниями, что препятствует бесперебойному восприятию текста, формируя ощущение его чуждости. Трудность для перевода составляет сочетание перекрёстных метафорических значений. Затруднения при выборе подходящего варианта можно разрешить, ориентируясь на контекст и коммуникативную интенцию автора оригинала.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- Arutjunova, N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teorija metafory: Sbornik / Per. s ang., fr., nem., isp., pol'sk. jaz.; Vstup. st. i sost. N.D. Arutjunovoj; Obshh. red. N.D. Arutjunovoj, M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. 512 p. (in Russian).
- Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
- Budaev, Je.V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [The establishment of cognitive theory of metaphor] // Lingvokul'turologija. Vyp.1. Ekaterinburg, 2007. P. 16–32 (in Russian).
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
- Lakoff, D., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M.: Izd-vo LKI, 2008. 256 p.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография // Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Chudinov, A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Russia in the mirror of metaphor: Cognitive study of political metaphor] (1991–2000): Monografija // Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (in Russian).
- Шлейермахер Ф. О разных методах перевода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermaher> (18.04.2013). 20 с.
- Shleiermaher, F. O raznyh metodah perevoda [On the different methods of translating] [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermaher> (18.04.2013). 20 p.
- Graber, D. Political languages // Handbook of political communication. London: Sage publications, 1981. P. 195–224.

Список источников

- Economist (#8864, November 30th — December 6th 2013)
- Economist (#8872, February 1st–7th 2014)
- Economist (#8875, February 22nd–28th 2014)
- Economist (#8876, March 1st–7th 2014)
- Economist (#8877, March 8th–14th 2014)
- Economist (#8879, March 22nd–28th 2014)
- Economist (#8883, April 19th–25th 2014)
- Economist (#8887, May 17th–23rd 2014)
- Economist (#8899, August 9th–15th 2014)
- Economist (#8902, August 30th — September 5th 2014)
- Economist (#8903, September 6th–12th 2014)
- Economist (#8904, September 13th–19th 2014)

Ян Ли,

доцент, магистр, Институт иностранных языков Чанчуньского политехнического университета, г. Чанчунь, провинция Цилинь; e-mail: zoya2012@163.com

Шэн Хайтао,

доцент, кандидат филологических наук, Отдел по международному сотрудничеству Чанчуньского политехнического университета, г. Чанчунь, провинция Цилинь; e-mail: shenghaitao2009@163.com

КОМИЗМ В ОДНОАКТНОЙ ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И ЕГО РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК¹

Комизм одноактной шутки А.П. Чехова «Предложение» строится на лёгкости и юморе. Для произведений Чехова характерны сюжетный порядок, яркая речь персонажей, а также приёмы комизма. Данная работа сравнивает два перевода, осуществлённого Цао Цзинхуа и Жу Луном. Проводится анализ сомнительных моментов, трудностей и ошибок перевода, а также рассматривает проблемы реконструкции комизма при переводе на китайский язык.

Ключевые слова: Чехов, одноактная пьеса «Предложение», комизм, реконструкция.

Yang Li,

Associate Professor at the School of Foreign Languages, Changchun University of Science and Technology, Changchun, Jilin Province, China; e-mail: zoya2012@163.com

Sheng Haitao,

Associate Professor at the Department of International Exchange and Cooperation, Changchun University of Science and Technology, Changchun, Jilin Province, China; e-mail: shenghaitao2009@163.com

COMIC FEATURES IN ANTON CHEKHOV'S ONE-ACT PLAY "THE PROPOSAL" AND THEIR RECONSTRUCTION IN CHINESE TRANSLATION

"The Proposal" is well-known for its comic lightheartedness and sense of humor which show Chekhov's mastery in arranging the plots, the characters' utterances and unique comic expression techniques. This paper focuses on the issues of reproducing the comic in terms of analyzing the puzzles, difficulties and errors in translating comedy elements by contrasting the Chinese versions of "The Proposal" translated by Cao Jinghua and Ru Long to make readers enjoy the unique charms of Chekhov's language.

Key words: Anton Chekhov, one-act play "The Proposal," comic, reconstruction.

¹ При переводе имён собственных, упоминаемых в данной статье, за основу брался перевод Жу Луна.

1. Введение

Общеизвестно, что пьесы Чехова стали важным этапом в истории мирового театра, его произведения стоят в одном ряду с произведениями таких мастеров как Шекспир, Мольер, Ибсен.

Творчество Чехова включает юмористические одноактные пьесы и психологически глубокие многоактные. В пьесах «Предложение», «Медведь» «снисходительно высмеиваются человеческие недостатки» [董晓 / Дун Сяо, 2009, с. 88].

Комедийная лёгкость считается одним из важнейших факторов художественного стиля Чехова. «Чайка», «Вишнёвый сад» стали пиком его творчества, оказали серьёзное влияние на китайскую драматургию, они очень хорошо знакомы китайскому читателю. Эти многоактные пьесы — наивысший успех в творчестве писателя, «они соединяют художественную простоту и содержательность, идейную глубину и живость со сценической реконструкцией, обладая при этом мощной и волнующей художественной силой» [蔡淑华 / Цай Шухуа, 2011, с. 117]. Все это оказало влияние на китайскую драматургию, многие китайские писатели переняли манеру А.П. Чехова. Например, Цао Юй в трагикомедии «Синантропы» «успешно интегрировал драматические идеи Чехова» [朱栋霖 / Чжу Дунлинь, 2010, с. 142], в произведении проявляются простота и глубина, меланхолия и скорбь, лирика и поэтика. Кроме этого, его произведения переводят новые поколения переводчиков, оттачивая своё мастерство. Произведения Чехова появились в Китае в начале XX в. переводах Цао Цзинхуа, Цзяо Цзюйиня, Ли Ни, Жу Луна, Тун Даомина и т.д., также были и повторные переводы. Например, пьесу «Предложение» переводили Цао Цзинхуа, Ли Цзяньу, Жу Лун, а у «Вишнёвого сада» есть восемь вариантов перевода.

Прошло сто лет, Чехов по-прежнему является любимым писателем китайцев. В китайских научных кругах тема многоактных пьес всесторонне изучена, зато одноактным пьесам внимание уделяется значительно меньше. В действительности, между ними существуют тесная связь, одноактные пьесы — это этап становления Чехова как писателя: изобразительные средства, описание персонажей, элементы комизма, доведённого до совершенства в одноактных пьесах, далее используются в многоактных, они играют важную роль в формировании драматизма. Поэтому «изучение данной связи, несомненно, способствует пониманию цельности художественного стиля драматургии Чехова» [董晓 / Дун Сяо, 2010, с. 13]. Данная работа сравнивает две перевода пьесы, осуществлённого

Цао Цзинхуа и Жу Луном. Проводится анализ сомнительных моментов, трудностей и ошибок перевода, а также рассматриваются проблемы реконструкции комизма при переводе на китайский язык.

2. Комизм в пьесе «Предложение» и его реконструкция при переводе на китайский язык

Эстетический эффект комизма — вызвать смех у читателя. «Настоящий смех от комизма должен строиться на противоречии характера объекта и выражения вымысла, когда вскрывается данный вымысел, появляется самоотрицание, что и вызывает у читателя смех» [王向峰 / Ван Сянфэн, 2005, с. 39].

«Комизм в пьесах Чехова — и применяется в качестве своего рода приёма, и становится основной целью» [严前海 / Янь Цяньхай, 2003, с. 24]. Комизм в пьесе «Предложение» проявляется посредством построения сюжета, самобытных стилистических фигур и индивидуальности языка. С одной стороны, Чехов использует комические моменты данного произведения как важнейший способ создания драматического конфликта, проявления комической природы героев; с другой стороны, заставляя нас смеяться, в то же время даёт нам пищу для глубоких размышлений, мы можем почувствовать, что Чехов с иронией относится к человеческим слабостям.

Перевод — это структура, это труд на основе принципов перевода. Посредством специальных средств создаётся новое художественное произведение, на художественном уровне эквивалентное оригиналу. Переводчик при реконструкции комических элементов в пьесе «Предложение» не может изменять сюжет, поэтому он должен учитывать стилистические фигуры и индивидуальную речь персонажей.

2.1. Построение сюжета

В пьесе «Предложение» Иван Васильевич Ломов приезжает в дом Степана Степановича Чубукова, просить руки его дочери Натальи Степановны. Но из-за вопроса принадлежности Волковых Лужков разгорается скандал, после чего отец и дочь выгоняют гостя. Узнав о цели визита, Наталья Степановна сожалеет о случившемся и требует вернуть Ломова назад. Чтобы разрядить атмосферу, Иван Васильевич и Наталья Степановна меняют тему разговора, но снова ссорятся, не могут решить, чья собака лучше, дело доходит до оскорблений. У Ломова случается сердечный приступ, и он падает в обморок, все думают, что он умер. Но Иван Васильевич скоро

приходит в себя, тогда Чубуков быстро благословляет их брак, требуя шампанского. «Конфликт достигает своего апогея, а через минуту сходит на нет, сюжет пьесы меняется неожиданно, создавая комедийный эффект» [刘军 / Лю Цзюнь, 2007, с. 43].

Сюжет, несомненно, является одним из элементов комизма и не может быть изменён при всей сложности перевода.

2.2. Самобытные стилистические фигуры и их реконструкция при переводе на китайский язык

«Стилистические фигуры — это художественный приём, украшающий язык литературного произведения для создания эстетического эффекта. Цель литературного языка — эстетический эффект, поэтому нужен серьёзный подход к стилистическим фигурам» [赵红 / Чжао Хун, 2011, с. 7]. В своём произведении Антон Павлович Чехов в основном использует многократный повтор, данная фигура используется в речи каждого героя: и в докучливых словах-паразитах, в многочисленных обращениях, которые использует Чубуков или же в чрезмерно вежливой речи Ломова. Повтор придаёт речи персонажей определённое чувство ритма. Основная цель переводчика заключается в правильном определении повтора и его точная реконструкция при переводе. В противном случае это может обусловить недостаток комизма, читатель перевода не воспримет комическую окраску оригинала, не поймёт юмор Чехова. Поэтому «передача эстетических особенностей произведения, руководствуясь художественностью, есть неотъемлемый долг переводчика» [赵红 / Чжао Хун, 2011, с. 11].

Например, в четвёртой сцене Ломов и Чубуков спорят о принадлежности Воловых Лужков, Ломов настаивает на просмотре бумаг, которые доказывают его правоту.

Ломов. А я вам **докажу**, что они мои!

Чубуков. Не **докажете**, любимец мой.

Ломов. Нет, **докажу**!

Чубуков. Мамочка, зачем же кричать так? Криком, вот именно, ничего не **докажете**.

Перевод Цао Цзинхуа:

洛莫夫. 可是我给您**证明**那地是我的!

丘布珂夫. 别**证明**了, 我的宝贝!

洛莫夫. 不, 我给您**证明**!

丘布珂夫. 老兄, 你为什么这样吵? 吵也不能算是**证明**!

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 138]

Перевод Жу Лун:

洛莫夫. 可是我能向您**证明**这块草地是我的!

楚布科夫. 您没法**证明**, 我的宝贝!

洛莫夫. 不, 我能**证明**!

楚布科夫. 老兄, 干什么哇哇地嚷叫呀? 是啊, 嚷一阵, 什么也**证明**不了。

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 415]

В оригинале оба героя дважды используют глагол «доказать» (证明), оба переводчика точно передали смысл данного слова, количество повторов сходно с оригиналом. В китайском языке отсутствует спряжение глаголов, глагол «докажете» Чубукова — глагол «доказать» в третьем лице, повторяется дважды, в переводе Цао Цзинхуа лицо глагола не отображается, в переводе Жу Луна отображается в первом случае (您没法证明), передаёт оттенок сожаления.

В общем говоря, в переводах Цао Цзинхуа и Жу Луна реконструируется данная стилистическая фигура, они точно передают её эффект, читатель может почувствовать флективность и выразительность языка.

2.3. Индивидуальный язык персонажей и его реконструкция при переводе на китайский язык

«Хорошая пьеса должна обладать мощной литературностью и сценичностью» [董健、马俊山 / Дун Цзянь, Ма Цзюньшань, 2006, с. 46], это основное отличие пьесы от других литературных форм, в тоже время оно определяет своеобразие языка: «беря за основу диалоги персонажей, подчёркивается разговорность, сценическая выразительность и индивидуализация языка» [任晓霏 / Жэнь Сяофэй, 2008, с. 19]. Речь Чубукова и Ломова обладает крайней степенью выразительности, индивидуализация речи демонстрирует драматический конфликт, формирует образ персонажа, это важное средство создания комической атмосферы в пьесе.

2.3.1. Особенности речи Чубукова и её перевод

Особенностями речи Чубукова являются насыщенный разговорный колорит, короткие предложения. Проявляется в большом количестве слов-паразитов и обращениях. Чехов посредством этих слов показывает бедность и алогичность речи героя, он создал образ лицемерного, вульгарного и хитрого помещика.

1) Использование слов-паразитов и их перевод

Чубуков часто использует такие слова-паразиты как «вот именно (正是)», «и прочее (等等)», «и тому подобное (等等)». Эти слова-паразиты не имеют практической ценности, используются для сохранения плавности речи и коммуникативной взаимосвязи.

Например, в первой сцене Ломов приехал к Чубукову просить руки его дочери, чем очень его обрадовал. Он сказал:

Чубуков. Голубушка моя... Я так рад **и прочее. Вот именно и тому подобное** (обнимает и целует). Давно желал. Это было моим всегдашним желанием.

Перевод Цао Цзинхуа:

丘布珂夫。(打断他的话)我的好宝贝.....我真高兴.....这件事情真叫我高兴。(拥抱他, 吻他)我早就有这个意思。这是我的宿愿。

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 132]

Перевод Жу Луна:

楚布科夫。(打断他的话)我的好人.....我真高兴.....是嘛, 这真叫我高兴。(拥抱他, 吻他)我早就希望这样。这是我的宿愿。

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 408]

В данной фразе Чубуков использовал три слова-паразита: и прочее, вот именно, и тому подобное; они отражают возбуждённое состояние Степана Степановича, речь его становится сумбурной, он не знает, как лучше свои эмоции выразить словами.

Цао Цзинхуа сократил данную фразу, Жу Лун «и прочее» и перевёл как «是嘛 (дословно «да?»)», а «вот именно, и тому подобное» одним предложением «这真叫我高兴 (дословно «это меня радует»)». Кроме того, оба переводчика словосочетание «всегдашнее желание» перевели как «宿愿» (дословно «давнишнее стремление»), и фраза утратила свой разговорный колорит.

В четвёртой сцене Ломов и Чубуков спорят о праве собственности на Воловьё Лужки, Чубуков торопливо напоминает Ломову:

Чубуков. Вы забываете, что **именно** крестьяне не платили вашей бабушке **и тому подобное**, потому что Лужки тогда ещё были спорными **и прочее**.

Перевод Цао Цзинхуа:

丘布珂夫。您忘记了那些农人没有给您祖母付租, 因为那时这草地还有纠纷呢.....

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 138]

Перевод Жу Луна:

楚布科夫. 您忘了, 那些农民没给您的祖母租钱, **就是因为**当时这块草地有争论, **如此这般**.....

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 415]

Здесь Чубуков использовал три слова-паразита, которые отражают его торопливость, Цао Цзинхуа не перевёл их, Жу Лун «именно» перевёл как «就是 (дословно «правильно»)), «и прочее» как «如此这般 (дословно «именно так»)), но не перевёл «и тому подобное». Мы полагаем, что перевод Жу Луна не соответствует оригиналу, так как при использовании «就是» и «如此这般» теряется разговорность речи Чубукова. Предлагаем данную фразу перевести следующим образом: 楚布科夫. 您是忘记了, 这个嘛, 农民们的确没有付钱给您的祖母, 那个嘛, 因为当时, 草地是有**争议什么的**. (Дословно: «Чубуков. Вы забыли, **так**, крестьяне не заплатили деньги вашей бабушке, **сяк**, тогда Лужки были спорными **что ли**»...)

В общем, сокращение слов-паразитов в переводе Цао Цзинхуа, а также частичный перевод Жу Луна лишают текст ритма языка оригинала, меняют характер Чубукова, читатель ошибочно предполагает, что он культурный человек. Проблема передачи слов-паразитов является трудностью перевода, без них не достигается эффект комичности, не возможно полностью раскрыть характер персонажа.

2) Использование обращений и их перевод

Обращения обладают сильной эмоциональной окраской, отражают социальные характеристики говорящего. Чубуков в своей речи использует много слов-паразитов, кроме того, он также использует большое количество обращений. Эти обращения включают в себя ласкательные обращения и презрительные клички, выражают как уважение, расположение, так и презрение. У Чубукова присутствуют следующие обращения: мамочка <俗, 旧> (老兄, 大姐), мамуся <俗, 谑> (老兄, 大姐), голубушка (亲爱的), ангел мой (亲爱的), драгоценный (亲爱的), цыпочка (可爱的), милаша (宝贝儿), любимец (亲爱的), милостивый государь (主人), красавец (美男子) и т.д. Они выражают в разных контекстах сложные чувства и настроение, они отражают характер Чубукова: лицемерность, склочность, мелочность.

Например, в первой сцене на вопрос Ломова «А вы как изволите поживать?», Чубуков отвечает:

Чубуков. Живём помаленьку, **ангел мой**, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнейше прошу... Вот именно, нехорошо со-

седей забывать, **мамочка** моя. **Голубушка**, но что же вы это так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, **драгоценный** мой?

Перевод Цао Цзинхуа:

丘布珂夫. 托福, 托福, 还好! 请坐, **亲爱的**..... 把邻居都忘了, 真不好啊, **我的老兄**. **亲爱的**, 可是您干嘛这样讲究? 穿着燕尾服, 带着白手套。难道您要上哪里去吗, **我的亲爱的**?

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 131]

Перевод Жу Луна:

楚布科夫. 托您的福, 过得还可以, 如此这般, **我亲爱的**. 请坐..... 是嘛, 忘掉邻居是不好的, **老兄**. 不过, **亲爱的**, 您干什么穿戴得这么讲究? 穿着燕尾服, 戴着手套, 诸如此类。莫非您要到哪儿去吗, **亲爱的朋友**?

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 407]

Здесь используются четыре обращения: ангел, мамочка, голубушка, драгоценный. Оба переводчика единодушны в переводе, кроме слова «мамочка», которое перевели как «老兄», остальные три обращения «ангел, голубушка, драгоценный» перевели как «亲爱的, 我亲爱的, 亲爱的朋友». Эта небрежность ослабила стилистическую окраску, читатель не почувствует всё лицемерие Чубукова, наоборот, подумает, что он человек дружелюбный. Мы предлагаем данную фразу перевести следующим образом:

楚布科夫. 过得还好, **我的天使**, 托您的福, 这个, 请坐, 快请坐呀... 那个, 把邻居忘了可不好啊, 我的老兄. 亲爱的, 您怎么穿着这么正式? 燕尾服, 白手套什么的。您这是要出门吧, **我的贵客**? (Дословно: «Чубуков. Живём помаленьку, **мой ангел**, вашими молитвами и так. Садитесь, покорнейше прошу... И сядь, нехорошо соседей забывать, **братец** мой. **Дорогой**, но что же вы это так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, **мой драгоценный гость**?

Правила этикета и традиции Китая и России имеют различия, в них «конденсируются солидное историческое наследие, они содержат богатые социальные элементы, которые воплощаются в культурной памяти двух народов» [周民权 / Чжоу Миньцюань, 2013, с. 47]. При переводе данных обращений нужно учитывать различия китайской и русской национальной культуры и психологии, точную реконструкцию их смысла, потому что каждая система обращения привязана к определённой культурно-исторической среде. Попытки механического переноса этих обращений в иную среду далеко не всегда оказывались успешными.

2.3.2. Особенности речи Ломова и её перевод

Ломов получил хорошее образование, внешне он кажется культурным и воспитанным человеком, на самом деле он лицемерен, эгоистичен, мнителен, стремится только к наживе. В разговоре Иван Васильевич осторожен и осмотрителен, напускает на себя важный вид, часто использует вежливую и почтительную форму обращения, время от времени говорит сложными предложениями, речь Ломова противопоставляется речи Чубукова с его многословностью, вульгарностью и частым использованием коротких предложений.

1) Вежливая форма обращения и её перевод на китайский язык

Ломов в разговоре, споре и перебранке с Чубуковым и Натальей Степановной никогда не забывает использовать вежливую и почтительную форму обращения. Он часто употребляет такие обращения, как: уважаемый (尊敬的), видите ли (您要知道), имею честь обращаться (荣幸地向您.....), вы изволите (您请.....), прошу (请您.....), вы (您) и т.д.

Например, в третьей сцене, Ломов встречается с Натальей Степановной, он стремится объяснить цель своего прихода, но испытывает волнение:

Ломов. Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решился **просить вас** выслушать меня... Конечно, **вы удивитесь** и даже **рассердитесь**, но я... (В сторону.) Ужасно холодно!

Перевод Цао Цзинхуа:

洛莫夫. 您瞧, 敬爱的娜坦丽亚. 史捷潘诺夫娜..... 是这么一回事..... 我请您听我说..... 当然您一定奇怪, 甚至您要生气, 不过我..... (旁白) 我真冷得要命!

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 134]

Перевод Жу Луна:

洛莫夫. 您要知道, 尊敬的娜达丽雅. 斯捷潘诺芙娜..... 事情是这样的, 我决意**要求您**听我讲一讲..... 当然, 您会惊讶, 甚至会生气, 不过我..... (旁白) 冷得不得了!

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 410]

Чтобы оставить хорошее впечатление, Ломов использует вежливую и почтительную форму обращения, но так и не может объяснить цель своего прихода, чем вызывает улыбку у читателя. Несмотря на то, что оба переводчика точно перевели речь Ломова, но мы можем понять, его интонация неодинакова: в переводе Цао

Цзинхуа его интонация почтительна и осторожна, у Жу Луна самоуверенна и решительна. Согласно контексту, мы считаем, что перевод Цао Цзинхуа ближе к оригиналу.

2) Сложные предложения и их перевод

Обычно в пьесах используются короткие и лаконичные фразы, часто используются короткие предложения, но при изображении характера Ломова Чехов преднамеренно заставляет его говорить сложными конструкциями.

Например, в третьей сцене Ломов, разговаривая с Натальей Степановной, рассказывает об истории отношений обоих семейств, чем пытается вызвать симпатию у своей собеседницы:

Ломов. Моя покойная тётушка и её супруг, от **которых** я, как вы изволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых всегда находились в самых дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях...

Перевод Цао Цзинхуа:

洛莫夫. 您知道, 我承继了他们遗产的我那先伯母和她的丈夫, 他们老两口从来非常敬重您的父亲和您去世的母亲。洛莫夫的家族和丘布珂夫的家族, 从来都是极和睦的, 甚至可以说是亲至。

[曹靖华 / Цао Цзинхуа, 1960, с. 135]

Перевод Жу Луна:

洛莫夫. 我那去世的姑姑和她的丈夫, 您知道, 也就是由我继承他们土地的那两位老人家, 素来就深深地尊敬您的父亲和您的去世的母亲。洛莫夫一家和楚布科夫一家素来保持着最和睦的关系, 甚至可以说是亲如一家。

[汝龙 / Жу Лун, 1997, с. 411]

Ломов делает акцент на тесных связях двух семей, даже их земли и леса находятся в непосредственной близости, намекает, что Наталья Степановна после их свадьбы будет очень счастлива. В его словах есть определённая логика, он подбирает уместные слова, что отражает его высокий культурный уровень. В то же время он намеренно кичится своей эрудицией. Но он никак не думал, что эти слова станут причиной спора, и это заставит его позабыть об их семейной дружбе и о главной цели.

В оригинале используется слово «которых», оба переводчика применили разные приёмы перевода, результат получился разный. Цао Цзинхуа стержневое слово поставил перед придаточным

определяющим, предложение получилось длинным, трудночитаемым, с ярким книжным оттенком, китайский читатель может в полной мере ощутить стиль иностранной литературы; Жу Лун предложение придаточного определительного носит постпозитивный характер, предложения короткие, легко читаемые, очень современные, их может понять даже молодой читатель.

3. Заключение

Проведя сопоставительный анализ двух переводов пьесы А.П. Чехова «Предложение», осуществлённый Цао Цзинхуа в 60-х годах и Жу Луном в 90-х, мы обнаружили, что вследствие разности эпох, применения отличных стратегий перевода, дифференциация их стилей огромна. Тем не менее, переводчики в равной мере руководствовались основными принципами перевода пьес, смогли сохранить разговорность, популярность и сценическую образность. Выше перечисленные переводы пьесы «Предложение» дают нам урок: только при наличии непрерывного поиска отличительных средств, закономерностей и методов перевода, непрерывного обобщения теории перевода, а также точного перевода выразительных приёмов, придерживаясь индивидуального языка персонажей, переводчик сможет осуществить реконструкцию произведения. Сегодня мы перечитываем произведение А.П. Чехова, каждый раз ощущаем его ширину, глубину, мудрость и гуманизм.

Список литературы

- 董晓, 从《樱桃园》看契诃夫戏剧的喜剧性本质 [J]. 《外国文学评论》, 2009 年第 1 期, 86—95 页.
- Дун Сяо. Природа комического в произведениях Чехова на примере пьесы «Вишнёвый сад» // Критика иностранной литературы. 2009. № 1. С. 86—95.
- 董晓, 契诃夫戏剧两大体裁之关系 [J]. 《俄罗斯文艺》, 2010 年第 4 期, 13—16 页.
- Дун Сяо. Связь двух стилей в пьесах Чехова // Русская литература и искусство. 2010. № 4. С. 13—16.
- 蔡淑华, 《语言研究的多元视角》[M]. 长春: 吉林人民出版社, 2011.
- Цай Шухуа. Исследование языка в мультиперспективе. Чанчунь: Народное издательство провинции Цилинь. 2011.
- 朱栋霖, 《曹禺: 心灵的艺术》[M]. 北京: 北京大学出版社, 2010.
- Чжу Дунлинь. Цао Юй: духовное искусство. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та. 2010.
- 王向峰, 喜剧性及其生成因素 [J]. 《辽宁大学学报》, 2005 年第 6 期, 37—42 页.
- Ван Сяньфэн. Комическое и факторы его появления // Вестник Ляонинского университета. 2005. № 6. С. 37—42.

严前海, 契诃夫剧作中的喜剧风格 [J]. 《俄罗斯文艺》, 2003 年第 6 期, 24—27 页.

Янь Цяньхай. Жанр комедии в произведениях Чехова // Русская литература и искусство. 2003. № 6. С. 24—27.

刘军, 小品文本中喜剧性的构成方式 [J]. 《电影文学》, 2007 年第 4 期 (下), 44—45 页.

Лю Цзюнь. Способы построения комического в малых произведениях // Кинолитература. 2007. № 4. С. 43—45.

赵红, 修辞与文学翻译略论 [J]. 《中国俄语教学》, 2011 年第 1 期, 7—12 页.

Чжао Хун. Коротко о стилистическом и литературном переводе // Преподавание русского в Китае. 2011. № 1. С. 7—12.

曹靖华, 丽尼, 满涛, 王金陵译, 《契诃夫戏剧集》[M]. 北京: 人民文学出版社, 1960.

Пьесы Чехова / Пер. Цао Цзинхуа, Ли Ни, Мань Тао, Ван Линьлин. Пекин: Изд-во народной литературы. 1960.

汝龙译, 《契诃夫文集》[M]. 上海: 上海译文出版社, 1997.

Жу Лун. Произведения Чехова. Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 1997.

董健、马俊山, 《戏剧艺术十五讲》[M]. 北京: 北京大学出版社, 2006.

Дун Цзянь. Пятнадцать лекций о культуре комического / Дун Цзянь, Ма Цзюньшань. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006.

任晓霏, 《登场的译者—英若诚戏剧翻译系统研究》[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2008.

Жэнь Сяофэй. Перформанс переводчика — системное исследование переводов пьес Ин Жочэна. Пекин: Изд-во Академии общественных наук Китая, 2008.

周民权, 汉俄称呼言语行为的社会性别语用对比分析 [J]. 《中国俄语教学》, 2013 年第 4 期, 42—47 页.

Чжоу Миньцюань. Сопоставительный анализ гендерной прагматики в русских и китайских речевых актах на примере именований // Преподавание русского в Китае. 2013. № 4. С. 42—47.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

В.М. Алпатов,

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор
Института языкознания Российской академии наук;
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДАХ С ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Развитая система форм вежливости (кэйго) и значительное число звукоподражаний — хорошо известные особенности японского языка. Попытки буквального перевода кэйго не бывают успешными. Предпочтительнее использование этикетных форм других языков, даже если их семантика не совпадает с семантикой их японских эквивалентов. Многие японские звукоподражательные слова вообще не имеют эквивалентов в других языках. Предпочтительнее опускать их при переводе с японского и добавлять при переводах на японский.

Ключевые слова: перевод, формы вежливости (кэйго), японский язык, русский язык, звукоподражательные слова.

Vladimir M. Alpatov,

Dr. Sc. (Philology), Director of the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

NOTES ON TRANSLATION FROM AND INTO JAPANESE

A well-developed system of polite forms (keigo) and a significant number of onomatopoeic words are peculiar to the Japanese language. Attempts of literal translation of keigo are unsuccessful. The use of etiquette forms of other languages is preferable even if their semantics does not coincide with the semantics of their Japanese equivalents. Many onomatopoeic Japanese words do not have any equivalents in other languages at all. It is preferable to omit them when translating from Japanese and, on the contrary, to add them when translating into Japanese.

Key words: translation, polite forms (keigo), Japanese, Russian, onomatopoeic words.

В данной статье речь пойдет о двух проблемах, связанных с переводами с японского языка на языки иного строя, связанные с иной культурой, и на японский язык с этих языков.

1. Перевод форм вежливости

В появившемся в 1965 г. русском переводе повести Абэ Кобо «Четвёртый ледниковый период» (переводчик — З. Рахим, оригинал издан в 1958—1959 гг.) можно заметить некоторую странность. Повествование идёт от первого лица, главный герой — заведующий лабораторией вычислительной техники, интеллигентный человек. Тем не менее, он с точки зрения норм обращения, принятых и в СССР того времени, и в современной России, слишком часто использует местоимение *ты* и связанные с ним грамматические формы. Он последовательно использует его в разговорах на разные темы по отношению не только к жене, но и ко всем сотрудникам своей лаборатории, а также к нанятым им по ходу сюжета сыщикам. Постоянны фразы типа: *Веди себя прилично! Попробуй поискать, нет ли другой секции. Лучше расскажи, как там у вас. А я тебе ещё раз повторяю. И ты хочешь подвергнуться эксперименту специально, чтобы испытать это?*

Все собеседники, с которыми герой повести в русском переводе говорит на *ты*, моложе его и ниже по социальному положению; они обращаются к нему с помощью местоимения *вы*. То есть из двух видов русского *ты* здесь присутствует так называемое начальственное (а не фамильярное) *ты*, которое в тех западных языках, где есть соответствующие местоимения, в наше время по нормам этикета избегается (поэтому военных переводчиков в СССР учили не употреблять такие местоимения при допросе пленных, чтобы не создавать впечатления фамильярности). В СССР и России «начальственное *ты*» (его признак — употребление *ты* только одним из собеседников) распространено достаточно широко, но его использование сейчас выглядит (и уже выглядело во время появления перевода) как признак недостаточной интеллигентности говорящего. Однако герой повести ничем таким не отличается. В чём дело?

Оказывается, что переводчик слишком буквально передал особенности так называемых японских форм вежливости (*кэйго*). Этот термин в русском языке устоялся, хотя точнее было бы назвать их формами этикета [Храковский, Володин, 1986, с. 224—225]. Этикет по отношению к собеседнику и к лицам, о которых идёт речь, в японском языке строго соблюдается и широко отражён в языке. Имеются две грамматические категории и большое количество лексических единиц, включая личные местоимения.

Нас сейчас интересует одна из этих категорий — так называемый адрессив, передающий этикетные отношения говорящего к собеседнику (собеседникам). Помимо местоимений 2-го лица (которых несколько, но все они передают не слишком большое уважение

к собеседнику, к уважаемым лицам обращаются в 3-м лице), в японском языке эти отношения передаются той или иной формой глагольной части речи (глагола, предикативного прилагательного или связки), прежде всего, в позиции сказуемого. Различаются формы, передающие уважительность, то есть отношение к высшим или равным по положению, но чужим, и простые формы, передающие отношение к низшим или близким людям. В частности, в собственно глаголе, уважительность передаётся специальным суффиксом¹. Формы с этим суффиксом противопоставлены простым формам без суффикса². Аналогичные противопоставления есть и в предикативных прилагательных и связках (подробнее см. [Алпатов, 2009, с. 20–37]).

Казалось бы, противопоставление оказывается похожим на русское противопоставление обращения: «на *ты*» и обращения «на *Вы*». Так и посчитал данный переводчик, переведя обращения с использованием суффикса *-(i)mas-* и их эквивалентов с помощью местоимения *Вы*, а простые формы с помощью местоимения *ты*. Но по-русски, даже если признать сходство семантики, иной оказывается прагматика. Начальственное обращение с помощью местоимения единственного числа приобрело дополнительный оттенок недостаточной образованности говорящего, но этого нет в Японии (по крайней мере, не было в 50-е гг. XX в.). Сейчас использование форм с *-(i)mas-* по отношению к подчинённым стало встречаться чаще.

Другой, на мой взгляд, более удачный пример представляет перевод на японский язык пьесы М. Горького «Васса Железнова» (второй вариант), опубликованный в журнале «Тэаторо» («Театр»), 1967, № 8. Автором перевода был Хидзиката Кэйта³, известный критик левого направления и переводчик русской литературы. О данном переводе я уже писал [Алпатов, 2009, с. 24–25].

Героиня пьесы — богатая и влиятельная, но необразованная женщина, владеющая паровой компанией. Среди действующих лиц фигурируют, с одной стороны, управляющий компанией, её подчинённый, имеющий высшее образование, с другой стороны, брат Вассы, живущий в её доме на правах приживальщика. В оригинале Васса говорит с управляющим на *Вы*, а с братом на *ты*, что по-русски выглядит естественным. Но в переводе разговор с управляющим идёт без уважительности; предложение: *Вот вам бы на это обратить внимание, статеечку в газеты заказать* переведено как: *Soko ga me no tsukedokoro da yo, shimbun ni kiji o kakaseru no sa.*

¹ Мы не обсуждаем сейчас сложный вопрос о морфемном членении в японском глаголе; границы данного суффикса могут проводиться и по-другому.

² При другой интерпретации, с нулевым суффиксом.

³ В соответствии с традицией передачи японских имён и фамилий сначала пишется фамилия, потом имя.

Использованы: простая форма глагола и соответствующая связка *da*. А к брату этикет соблюдается: вслед за репликой Вассы: *Кто это тебе не указ?* следует фраза: *Вижу, что тут и с Натальей*, переведённая: *Nataaria to issho na no wa wakattemasu yo*.

В русском этикете, отражённом в пьесе, немолодой подчинённый, принадлежащий к «чистой публике» (к тому же намного более образованный, чем хозяйка), должен именоваться на *Вы*. Но в Японии признак подчинённости перевешивает. А в отношениях брата и сестры оказываются значимыми сразу гендер и возраст. В пьесе из указания на возраст в списке действующих лиц видно, что брат старше сестры, но далее это специально не подчёркивается, а по социальному положению сестра выше брата. А в японском языке обычно не говорят просто *брат* или *сестра*: чаще употребляют четыре слова со значением ‘старший брат’, ‘младший брат’, ‘старшая сестра’, ‘младшая сестра’. И *ani* ‘старший брат’ будет всегда высшим.

Ещё пример: две дочери Вассы по-разному обращаются к матери: ср.: *Я хочу с тобой побыть* и *Это вы домашний суд устраиваете?* Социальное положение дочерей одинаково, разница в возрасте невелика (два года), но они по-разному относятся к матери: одна (использующая местоимение *ты*) любит мать, другая — нет. В японском переводе такое различие, по-видимому, никак не отражается; во всяком случае, этикетные формы глагола одинаковы.

Можно видеть, что, во-первых, разные признаки, влияющие на выбор формы, могут в языках играть разную роль: в японском языке социальное положение оказывается решающим фактором в отношении хозяйки и подчинённого, но не близких родственников, где иная иерархия. Во-вторых, в японском языке правила этикета более стандартизованы, а по-русски многое зависит от индивидуальных отношений. Кем бы ни был старший брат, младшая сестра в Японии должна соблюдать этикет в отношении с ним, что в России никогда не было обязательным.

Японские правила языкового этикета в прошлом, особенно в XVII—XIX вв., были очень строгими и стандартизованными; потом степень строгости стала уменьшаться, но даже сейчас она выше, чем в последние столетия в России. У нас употребление местоимений 2-го лица иногда оказывается очень изысканным. В одном из рассказов К.М. Станюковича морской офицер, командир корабля обращается к прибывшему для инспекции адмиралу (в прошлом его товарищу по Морскому корпусу): *Ты, Ваше превосходительство*. Как это передать по-японски?

Но везде языковой этикет меняется. Действие пьесы М. Горького происходит в начале XX в., а её переводчик ориентировался

на японские правила того же времени. С тех пор изменения произошли и в русском языке: обращение дочери к матери на *Вы* уже выглядит необычным. Ещё больше изменений в японском языке: сейчас обращение с помощью простых форм глагола и связки с неуважительным значением владельца компании к её управляющему уже не так обязательно, как это было сто лет назад.

Но вывод остаётся: при переводе с японского языка не стоит буквально передавать различия форм вежливости, надо исходить из прагматики русского языка. То же, разумеется, относится и к переводу с русского языка на японский.

2. Перевод звукоподражаний

По-видимому, во всех языках есть звукоподражательная лексика. В некоторых (может быть, и также во всех) языках также есть слой так называемой звукосимволической лексики, передающей не слуховые, а зрительные или осязательные ощущения человека. Пример слова первого типа для японского языка: *goso-goso* ‘шелест, шуршание, производимые твёрдыми, но лёгкими предметами при соприкосновении’, примеры слов второго типа — *pika-pika* ‘ощущение от сверкания молнии или блеска предмета’, *fusa-fusa* ‘ощущение от пушистой шерсти’, *bari-bari* ‘ощущение энергичной работы’. Ситуация в русском и западных языках заставляет относить эти слова к самой дальней периферии языка. Всё иначе в японском языке, где чаще всего эти слова образуются либо способом редупликации, либо прибавлением показателя *to*. Бывают и особые маркеры иного рода: фонема *p* встречается лишь либо в новых заимствованиях (прежде всего, из английского языка), либо в звукоподражаниях и символической лексике.

Приведу два примера. Наш известный учёный А.А. Холодович в книге «Синтаксис японского военного языка» (1937) пишет, что в военной документации 1930-х гг. такие слова, хотя встречались не очень часто, но могли употребляться для характеристики действий газов или же при передаче звучания разрывов тех или иных снарядов. Приводятся примеры *пати-пати* «звук химического снаряда во время падения», *пуппуу* «звук химического снаряда во время полёта» [Холодович, 1937, с. 106]. В русском языке аналоги во все эпохи были невозможны сразу по двум причинам. С одной стороны, звукоподражания недопустимы в столь серьёзных текстах. С другой стороны, в этом языке обычно нет чётко установленного соответствия между звуком и обозначающим его словом, часто трудно объяснить, чем сходные звукоподражания или звукосимволические слова различаются по значению.

Другой пример принадлежит японисту Н.А. Сыромятникову. В одном из японско-русских словарей, составленных в Японии, для передачи стандартного японского изображения храпа давался русский эквивалент *пхи-пуа*, который вряд ли знаком носителям русского языка. Но слово взято из рассказа А.П. Чехова, где так передаётся храп персонажа: явный окказионализм. Отсюда оно попало в словарь. Пример любопытен в двух отношениях. Во-первых, в чужом языке трудно отличать обычные слова от окказионализмов (хотя для своего языка мы легко их определяем, как в этом случае). Во-вторых, для многих обычных звуков, в том числе для храпа, мы не имеем стандартных средств выражения, а в японском языке они имеются.

Во многих языках, включая русский, подобные слова относятся к эмоциональной лексике. Специфика японского языка здесь скорее как раз в противоположном: эти слова могут употребляться даже там, где речь не идёт о передаче эмоций. Примером могут служить вышеупомянутые военные тексты.

Как переводить с японского на другие языки подобные слова? Скорее всего, придётся ответить: никак. Причины могут быть двоякими. Использовать или придумать какое-то звукоподражание для передачи храпа или звука химического снаряда во время полета ещё возможно в художественном тексте, но не в медицинском или военном: не тот стиль. А на вопрос о том, как в русском языке передаются действия газов, мы не можем дать положительный ответ, как и на вопрос о переводе обозначений разных видов головной боли, различаемых по-японски. Постоянные споры о том, существует ли безэквивалентная лексика, могут быть решены при обращении к этому слою лексики японского языка.

Но как быть с переводами на японский язык? Любопытна статья [Shimozaki, 2007], где сопоставлялись переводы на него «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери (если у нас с 1950-х гг. много лет переиздавался единственный перевод Н. Галь, то в Японии их за полвека с 1953 г. издано не менее пяти). Из них лучшим автор статьи признал тот, в котором в нужных местах использовалась такая лексика, отсутствующая в оригинале. Например, там, где речь шла об удаве, заглатывавшем добычу без жевания, переводчик добавил, разумеется, отсутствующее в оригинале слово символическим значением *perori to* [Shimozaki, 2007, p. 43–44] (в «Большом русско-японском словаре» *perori to* + *taberu* ‘есть’ переведено как *уплетать, уминать* [БЯРС т. 1, с. 760]). Так что добавление специфической для японского языка лексики делает перевод более естественным (как и её убавление при переводе с японского). Конечно,

надо учитывать, что рекомендации, разумные для перевода сказки без какого-либо национального колорита, могут не быть приемлемы, скажем, при переводе этнографической литературы.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. 3-е изд. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2009. 145 с.
- Alpatov, V.M.* Kategorii vezjlivosti v sovremennom japonskom jazyke. 3-e izd. M.: URSS: LIBROKOM, 2009. 145 p. (in Russian).
- Холодович А.А.* Синтаксис японского военного языка. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.
- Holodovich, A.A.* Sintaksis japonskogo voennogo jazyka. M.: Izdatelskoye tovarishchestvo inostrannyh rabochih v SSSR, 1937 (in Russian).
- Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.
- Hrakovskij, V.S., Volodin, A.P.* Semantika i tipologija imperativa. Russkiy Imperativ. L.: Nauka, 1986. 272 p. (in Russian).
- Shimozaki, Minoru.* "Hoshi no oojisama" hoohyoogen barieeshon // Gengo. 2007. N 4.

Л.В. Борисова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Э.В. Чуева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: 570065@mail.ru

**КЛАСТЕР «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (РУССКО-ЧУВАШСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)**

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа языковых единиц, репрезентирующих кластер «неживая природа» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Значительное место в исследовании занимает анализ устойчивых сравнений, метафор и традиционных народных символов, используемых в фольклоре. Лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира этноса, и предпринятое исследование вносит определённый вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского народов, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: кластер, коннотация, концепт, культурный код, лингвокультурология, менталитет, сопоставительная семантика, языковая картина мира.

Lyudmila V. Borisova,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor of Russian Language and Russian Literature at Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Elvira V. Chuyeva,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor of Russian Language and Russian Literature at Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: 570065@mail.ru

**THE CLUSTER “INANIMATE NATURE”
IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD:
RUSSIAN AND CHUVASH PARALLELES**

This article offers a comparative semantic analysis of the cluster “inanimate nature” in the Russian and Chuvash language pictures of the world. The author analyze both the direct and figurative meanings of Russian and Chuvash words and set expressions, free combinations of words of a selected thematic group, polysemy, metaphors, symbols, connotation of Russian and Chuvash words, phraseology and settled similes in the Russian and Chuvash languages. Considerable attention is paid to analyzing the Russian and Chu-

vash folklores. Russian and Chuvash words of selected thematic groups are part of the language picture of the world of the Russian and the Chuvash ethnic groups. The analysis makes an important contribution to the reconstruction of the integrated language picture of the world as well as helps to find some peculiarities of national perception.

Key words: cluster, connotation, concept, cultural code, linguistic and cultural studies, mentality, comparative semantics, language picture of the world.

В современной лингвистике продолжает оставаться актуальным разрабатываемое в данной работе направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации. Настоящая работа, выполненная в рамках прагматически ориентированной антропоцентрической парадигмы современного языкознания, посвящена комплексному сопоставительному исследованию национально-культурных особенностей репрезентации кластера «неживая природа» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Чувашский язык, практически не изученный в аспекте языковой картины мира, представляет значительный научный интерес в том плане, что является представителем болгарской ветви тюркской группы языков, по убеждению большинства авторитетных специалистов-языковедов, наиболее близким древнетюркскому языку.

В русской языковой картине мира весьма значимой является оппозиция *небо — земля*. Сравните: *Небо и земля* “о ком-, чем-либо, очень сильно различающемся, совершенно не сходном между собой”. В выражении *Земля — мать, небо — отец* сохранились архаические представления о небе и земле как супружеской паре. С землёй в традиционном русском народном сознании связаны также представления о реальности в противоположность мечтам, иллюзиям, фантазиям (*Вернуть кого-либо на грешную землю; Упасть (Сойти) с неба на землю*). *Небо* в традиционном русском мировосприятии — это обитель Всевышнего Бога и Его окружения (*Царствие Небесное*), а *земля* — место жизни и деятельности людей. Согласно религиозным воззрениям, Бог — это абсолютное добро, а в душе человека на протяжении всей его жизни борются добро и зло. Исходя из религиозных представлений о том, что Бог абсолютно чужд греху, а человек, напротив, весьма ему подвержен, первый член концептуальной оппозиции *небо — земля* характеризуется в русской языковой картине мира положительной коннотацией, а второй — отрицательной. Прилагательное *небесный* в русском языке выражает переносное значение “прекрасный/возвышенный/непорочный”. Прилагательное *земной* выражает переносное значение “обыденный, грубый, проникнутый материальными интересами, чуждый возвышенных духовных стремлений”. Сравните: *Это просто небесное существо с ангельским характером; Его интересы слишком*

приземлены. Относительно коннотативной составляющей концептуальной оппозиции *небо — земля* следует отметить, что в определённом контексте второй член оппозиции может характеризоваться положительной коннотацией, а первый — отрицательной. Сравните: *Низвести с неба на землю; Тут нет ничего высокого, неземного.* Однако в большинстве случаев именно первому члену концептуальной оппозиции *небо — земля* сопутствует в традиционном русском мировосприятии положительная коннотация, а второму — отрицательная. На наш взгляд, именно данная оппозиция и её коннотативная составляющая лежат в основе исключительно значимого для традиционного русского сознания противопоставления *высокий — низкий*, в котором первый член оценивается положительно, а второй — отрицательно (*высокий* — приближенный к *небу*, *низкий* — приближенный к *земле*). Сравните: 1) *высокая культура; быть на высоте положения; верх совершенства*; 2) *низкое качество; низкий человек; низость.*

В картине мира чувашского народа отсутствует противопоставление *высокий — низкий*, идентичное тому, что имеет место в русской языковой картине мира. С понятием высоты в чувашском мировосприятии ассоциируются надменность, высокомерие, свойственные, как правило, людям влиятельным или считающим себя влиятельными, а с понятием низа — поражение, следствием которого является подчиненное, зависимое положение. Сравните: *Сӹлтен пӑх* “1) смотреть сверху; 2) смотреть свысока, пренебрежительно”; *Айне пул* “1) оказаться внизу; 2) быть побеждённым”. В картине мира чувашского народа **небо** также воспринимается как обитель Верховного Бога, добрых божеств и духов, а **земля** представляется местом обитания духов *ийе* (хозяев природных и культурных объектов), растений, животных и человека. Традиционное чувашское народное сознание признаёт зависимость человека и от Неба (т.е. Верховного Бога), и от Земли, также почитаемой как божество. Сравните: *Пӗлӗтпе ӗр куҫӗнчен пӑхмасӑр пурӑнма ӗук* “(погов.) Нелзя прожить жизнь, не будучи зависимым от Неба и Земли” [ЧХП-ВС, 2007, с. 84].

Весьма значимой для традиционного русского мировосприятия является оппозиция **свет — тьма**. Согласно традиционному мировоззрению русского народа, светоносной, солнечной природой обладает Бог, а тьму воплощают дьявол и нечистая сила. **Свет** — электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир — в народной традиции считается воплощением миропорядка (рус. *белый свет*, чув. *сут тӗнче* “мир (букв.: светлый мир)”). В русской языковой картине мира свет является символом истины, разума, просвещения (*Пролить свет на*

что-либо; Свет знания), символом радости, счастья (*Только и свету в окне “о чьей-либо единственной радости, утешении”*). О дорогом, любимом существе говорят «*свет очей / свет жизни*». Со светом в традиционном русском мировосприятии связаны следующие ассоциации: 1) внешнее обнаружение чего-либо (*Какая-то бесконечная мука светилась в её добрых глазах*); 2) радость, счастье (*Она светилась радостью*); 3) ясный ум (*У него светлая голова*); 4) спокойное, безмятежное, умиротворенное внутреннее состояние (*На душе так светло*); 5) высокие моральные качества (*Удивительно светел был этот человек*).

В традиционном чувашском народном сознании свет (чув. *сұтӑ*) вызывает следующие ассоциации: 1) просвещение, образование (*халӑха сұтта кӑлар* “просвещать народные массы”); 2) радость, счастье (*Сӳрен лаша — сул сұти, савнӑ арӑм — чун сұти* (посл.) “Гнедой конь — отрада в пути, любимая жена — отрада души”). С очень ярким, сильным светом, обозначаемым в русском языке словами «**блеск**», «**сияние**» в традиционном русском языковом сознании связаны следующие ассоциации: 1) пышность, великолепие (*Блестящий бал*); 2) прекрасный внешний вид, изысканные манеры (*Блестящие манеры*); 3) яркое проявление каких-либо достоинств, способностей (*Блестящие способности*). Блеск и сияние в традиционном чувашском языковом сознании вызывают следующие ассоциации: 1) внешнее проявление радости, счастья (*ачасен пичӗсем савӑнӑшна сисесӗ* “лица детей сияют радостью”); 2) нарядный, эффектный внешний вид (*сиссе сӳре* (букв.: ходить, сияя); “1) ходить с радостным лицом; 2) щеголять, франтить”). Второй ассоциации сопутствует отрицательная коннотация. Сравните: *Йӑлтӑр йӑлтӑртатнипе пурнӑс иртмест* “Блестя и сияя, жизнь не проживёшь”. Полному отсутствию света, **тьме (мраку)**, в русской культурной традиции сопутствуют следующие ассоциации: 1) отсутствие ясности (*Он что-то темнит*); 2) невежественность (*Деревенская темнота*); 3) безотрадность, безнадежность (*Мрачное лицо*); 4) зло, вред (*Тёмные дела*); 5) непорядочность, низость (*Бандиты, воры и прочий тёмный люд*). В чувашской языковой картине мира с тьмой, темнотой связаны схожие ассоциации: 1) отсутствие ясности (*тӗксӗм мӗлкесем* “(букв.: тёмные) неясные тени”); 2) невежественность (*тӗттӗм халӑх* “(букв.: тёмный народ) необразованный, невежественный народ”); 3) отдалённый населенный пункт (*тӗттӗм ял* “(букв.: тёмная деревня) глухая деревня”); 4) пасмурная погода (*тӗксӗм кун* “(букв.: тусклый день) пасмурный день”); 5) уныние, скука (*тӗксӗм сӑн-пир* “(букв.: тусклое лицо) невесёлый вид”).

Таким образом, и в русской, и в чувашской картинах мира со светом ассоциируются, с одной стороны, радость и счастье, с дру-

гой — просвещение, образование, ум, а с тьмой — горе, уныние и невежественность. В картинах мира обоих народов свет характеризуется исключительно положительной коннотацией, а тьма — отрицательной. Не совсем совпадает в традиционном народном сознании русских и чувашей отношение к блеску и сиянию: в русской картине мира — положительная коннотация (хотя русская пословица предупреждает: *Не все то золото, что блестит*), а в чувашской картине мира блеск и сияние преимущественно вызывают недоверие и подозрение.

Солнце, луна и звезды — это небесные тела, излучающие свет, светила. **Солнце** в традиционном русском мировосприятии — источник жизни, тепла, света (*Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить*). В традиционном русском мировосприятии с Солнцем ассоциируются радость и счастье (*Взойдёт солнышко и на нашем подворье*). В русской языковой картине мира с Солнцем связаны также следующие ассоциации: 1) человек, который прославился в какой-либо области искусства, науки, в области какой-либо важной деятельности (*Пушкин — солнце русской поэзии*); 2) человек, являющийся предметом поклонения, любви (— *Солнышко мое!*). В русском фольклоре широко представлена параллель *солнце // мать* (*Возле солнышка тепло, возле матушки добро*). В русском устном народном творчестве солнце часто упоминается в паре с луной (*Солнце — князь земли, луна — княжна*). **Луна** устойчиво ассоциируется в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставляется Солнцу как божеству дневного света, тепла, жизни. Согласно традиционному мировоззрению русского народа, души умерших людей отправляются на месяц. Считалось, что во время смены месяца, он освещает загробный мир. Лунный свет в русской культурной традиции считался опасным и вредным, особенно для беременных женщин и новорожденных». Согласно языковому стереотипу, луна «светит, а не греет». Сравните русскую поговорку: *Грело б ясно солнце, а месяц — как знает*. Лунный свет в традиционном русском мировосприятии почитается ниже солнечного света, но выше света звёзд (*Как месяц ни светит, а всё не солнышко; Светил бы месяц, а звёзды нипочем*). В традиционной русской культуре месяц обладает мужской символикой, в русском устном народном поэтическом творчестве с месяцем сравниваются жених, женатый мужчина, хозяин дома. Сравните: *Светит месяц за зарёю, / Сидит Иван с женою* [ОП, 1989, с. 74].

Чуваши **Хёвел «Солнце»** и **Уййх «Луну»** традиционно относили к божествам высшего ранга, которые входят в число высокопочитаемых добрых божеств. Сравните чувашские пословицы и поговорки: *Хёвел Турри тёнче тытат* «Божество Солнце держит мир»;

Ёненсен Уйӑх Турӑ та савса пӑхнӑ “Если ты веруешь, то и Богиня Луна смотрит на тебя с любовью”. Чуваши всегда молились, обращаясь лицом на восток, и клялись обычно Солнцем, Луной и Землёй. В спорных вопросах чуваши призывали Солнце стать судьёй, при этом обязательно смотрели прямо на него. Считалось, что говорящий неправду непременно потерпит кару от этого божества. К Луне также часто обращались как к строгому судье при клятвах. Божиться с использованием слов Уйӑх “Луна” и Хёвел “Солнце” — самая крепкая клятва, с точки зрения чувашей. В традиционной чувашской культуре, как и во многих других, **Солнце** — источник света, причём в чувашской языковой картине мира подчёркивается Божественное происхождение солнечного света. Чувашская поговорка гласит: *Хёвел ҫутти — Турӑ вутти* “Солнечный свет — огонь Бога”. В традиционной чувашской культуре Солнце почитается как источник и основа жизни (*Хёвел чунӗ чун парать* “(погов.) Дух Солнца одаряет жизнью”). Солнце — общепризнанный источник тепла (*Хёвел пӗччен пулин те ҫут тӗнчене ӑшӑтать* “(посл.) Солнце одно, а согревает весь белый свет”). С солнечным теплом в чувашской языковой картине мира сравниваются материнская любовь (*Анне ӑшши хёвел пек* “(погов.) Материнское тепло подобно солнечному”), любовь родственников (*Тӑван ӑшши — хёвел ӑшши* “(погов.) Тепло родственников — тепло Солнца”), ласковая, приветливая речь (*Ашӑ хёвел пӑхнӑ пек калаҫать* “Его (Её) речь светла и тепла, как солнце”). Солнце в традиционной чувашской культуре — символ чистоты (*Хёр ача хёвел пек таса пултӑр* “(посл.) Да будет девочка (девушка) чиста, как Солнце”). Солнце в картине мира чувашского народа является также источником радости и вдохновения (*Хёвеле курсан кайӑк та юрлат* “(погов.) При виде Солнца и птица поёт”), красоты (*Ҫӗре хёвел илемлет, ҫынна — ӗҫ* “(посл.) Землю украшает Солнце, а человека — труд”), а также источником счастья (*Телей хёвелне пӗрле ҫӑрет тет* “(посл.) Счастье ходит рука об руку с Солнцем”). С Солнцем, солнечным светом сравниваются в чувашском фольклоре сильная любовь, горячо любимый человек (*Эпӗ сана юратни / Сарӑ хёвел ҫути пек. / Эсӗ мана юратни / Пӗчӗк ҫӑлтӑр ҫути пек* “(нар. песня) Моя любовь к тебе / Подобна свету жаркого Солнца. / Твоя любовь ко мне / Подобна свету маленькой звезды” [ЧХС-3, 1978, с. 125]).

Согласно традиционному чувашскому мировоззрению, **Уйӑх «Луна»** — божество, к которому, как и к любому божеству, следует относиться весьма почтительно. В чувашском устном народном творчестве подчёркивается, что лунный свет уступает солнечному (*Уйӑх хёвеле ҫитес ҫук* “(погов.) Луне не быть вровень с Солнцем”), но очень ценен для ночных путников (*Уйӑх ҫутти ҫул уҫать* “(по-

гов.) Лунный свет открывает путь”). Если солнце — источник и основа жизни, то луна как ночное светило более связана со смертью. Сравните чувашскую поговорку: *Хёвел Турри чун парать, уйӑх Турри чун илет* “Божество Солнце дарует душу (жизнь), Божество Луна забирает душу”. Чувашские паремии подчёркивают, что Солнце дарит и свет, и тепло, а Луна дарит свет, но не дарит тепла (*Уйӑхан та ҫути пур та, ӑшши ҫук* “(посл.) Свет есть и от Луны, но от неё нет тепла”). Параллель *луна // холод* широко представлена в чувашском устном народном творчестве (*Уйӑх пек сивӗ ан пул, хёвел пек ӑшӑ пул* “(традиц. благопожелание) Не будь холоден (холодна), как Луна, а будь тёпл (тепла), как Солнце”). С лунным светом в чувашском языковом сознании ассоциируются такие человеческие качества, как твердость, непоколебимость (*Уйӑх чунӗ пек хытӑ пул* “(традиц. благопож.) Да будет твоя душа тверда, как душа Луны”), а также немногословность, умение держать язык за зубами (*Уйӑх курать те чӗнмест (шарламасть)* “(погов.) Луна видит, но молчит”). Луна в традиционной чувашской народной культуре обладает женской символикой, правда, коннотация её характеризуется амбивалентностью. Положительная коннотация наблюдается, когда луна выступает как символ красоты (*Эпӗлменӗн вун ҫич аӑм, / Вун ҫиччӗш те уйӑх пек* “(ист. предание) У Эптельменя семнадцать жен, / Все семнадцать (прекрасны), как Луна” [ЧТ-ЧХК, 2003, с. 96]). Отрицательная коннотация концепта «луна» проявляется в следующих параллелях: 1) луна // мачеха (*Хёвел — тӑван анне, уйӑх — амаҫури анне* “(посл.) Солнце — родная матушка, Луна — мачеха”); 2) луна // любовница (*Инке-аӑм ӑшши — уйӑх ӑшши* “(посл.) От любовницы тепла столько же, как от Луны”).

Со **звездой / звёздами** в русской языковой картине мира связаны следующие ассоциативные представления: 1) судьба; счастье (*Верить в свою звезду; Родиться под счастливой звездой*); 2) человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности (*Звезда эстрады*). И в русской, и в чувашской языковых картинах мира со звездами традиционно сравниваются глаза (*Звездисты очи; Чӗрем ыратнинчен йӗре-йӗре, / Ик ҫӑлтӑр пек куҫама пӗтертӗм* “(нар. песня) Пролив много слез из-за душевной боли, / Я испортила свои глаза, подобные звёздам” [ЧХС-3, 1978, с. 126]). В русском устном народном творчестве звезды выступают также в составе следующих ассоциативных параллелей: 1) *звезды // дети: Не светел месяц да со звездами — / Поликарпушка Савельич с сыновьями. / Не утренняя заря да со звездами — / То Аннушка Ивановна с дочерьми!* [ОП, 1989, с. 491]; 2) *звезда // любимая девушка: Много звёздочек на небе — / Полночной звезды нет. / Много девушек на свете — / Да одной милее нет* [Частушки, 1990, с. 42]. И в русской, и в чувашской

языковых картинах мира концепт «звезда» характеризуется положительной коннотацией. По представлениям древних чувашей, *сӳлтӳр* «звезда» — это небесный двойник человека. «*Кашни сӳнӳн хӳйӳн сӳлтӳр* (У каждого человека своя звезда)», — говорят чувашки. Согласно чувашскому мировоззрению, в честь новорожденного божество *Пӳлӳх* зажигает на небе новую звезду, эта звезда гаснет (или падает) одновременно со смертью этого человека. При рождении несчастливца человека появляется слабо мерцающая звезда. Сравните поговорку *Телейлӳ сын сӳлтӳрӳ ялкӳшса сунать* “Звезда счастливого человека светит очень ярко”. Пожелание другому человеку падения на его голову звезды (его персональной) — очень страшное проклятие, с точки зрения чувашей. Когда чувашки видят на небе падающую звезду, они торопятся произнести: «*Манӳн сӳлтӳр тӳпере* (Моя звезда — на небе)!». В чувашской языковой картине мира звезда, так же, как и луна, является традиционным символом красоты (*Пичӳ-кусӳ сӳлтӳр нек...* “(трад. сравнение) Её лицо и глаза подобны звёздам...”).

Свечение верхних слоев атмосферы, наблюдаемое в приполярных областях и вызываемое действием потоков частиц, вторгающихся в атмосферу из космоса, в русском языке называется **северным сиянием**. Никаких переносных значений это название в русском языке не выражает. В чувашском языке это природное явление имеет два названия: *кӳвак хуппи усӳлни* и *хӳвал усӳлни*. В древних чувашских религиозных воззрениях природное явление *кӳвак хуппи усӳлни* трактуется следующим образом: время от времени Верховный Бог *Турӳ* раскрывает небесные ворота (*кӳвак хуппи усӳлни*) и обзорекает землю. По поверьям, тогда можно обратиться с просьбой непосредственно к Верховному Богу. Название *хӳвал усӳлни* в «Чувашско-русском словаре» даётся с пометой “устаревшее”, но оно выражает переносное значение “доброе предзнаменование” [ЧРС, 1982, с. 540], которое наглядно демонстрирует традиционное отношение чувашского народа к этому природному явлению.

В русской культуре очень добрым предзнаменованием считается **радуга**. Традиционное отношение русского народа к этому природному явлению наглядно демонстрирует переносное значение, выражаемое прилагательным «радужный»: “приятный, радостный, сулящий счастье”. Сравните: *Видеть в радужном свете; Радужное настроение духа*. К тому же, согласно М. Фасмеру, название «радуга» одного корня со словами «радость», «рад», «радоваться» [Фасмер, 2004, т. 3, с. 431]. В чувашском языке радуга называется *асамат кӳперӳ* (*кӳперпи*). Второе слово названия выражает значение “мост”, а первое, возможно, имеет отношение к чувашскому слову *асам* “волшебство”. Отношение чувашей к этому природному явлению

проявляется в одной из народных песен: *Ав асамат кёперри, мён пур ун пек чиперри!* “Вот радуга, нет ничего в мире прекраснее её!” [Ашмарин, 1994, т. 1–2, с. 43].

С **горой** в русском языковом сознании ассоциируется обилие чего-либо (*Пир горой; Встать горой; Гора с плеч свалилась*). Связь со значимой для русской языковой картины мира оппозицией *верх — низ* (*высокий — низкий*) прослеживается в следующих фразеологизмах: *В гору идти* “достигать благополучия, приобретать вес, значение, получать повышение по службе и т.п.”; *Под гору катиться* “лишаться житейского благополучия, терять вес, значение”. В чувашской языковой картине мира гора (чув. *ту*) воспринимается как символ величия и могущества. Сравните чувашскую пословицу: *Ѕукран пура тухакан тупа тан, пуртан жука юлакан сёрне тан* “Сумевший обогатиться бедняк стал вровень с горой (стал равен горе), разорившийся богач стал вровень с землей (стал равен земле)”. Представляется, что в данном случае задействована значимая для чувашского языкового сознания концептуальная оппозиция *верх — низ*, где *верх* представлен образом горы, а *низ* — образом земли, причем *верх* символизирует победу, а *низ* — поражение, следствием которого является подчиненное, зависимое положение. В чувашской языковой картине гора символизирует также своеобразную границу между малой Родиной и далекой чужбиной (*Турă сырни ту урлă та тупăнатъ* “(посл.) Суженый отыщется и за горой” [ЧХП-ВС, 2007, с. 108]). В русской языковой картине мира аналогичным символом является *море* (*За море* “на чужбину”; *Заморский* “иностранный, чужеземный”).

Камень в русской языковой картине мира является основой для возникновения следующих ассоциаций: 1) препятствия, трудности (*В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам*. К. Маркс); 2) временная неподвижность как физическое состояние человека (*Она сидела окаменелая*); 3) безучастность (*Стоять с каменным видом*); 4) безжалостность (*У него каменное сердце*); 5) гнетущее чувство, вызванное сознанием своей вины или сознанием невозможности изменить что-либо (*Камень на душе*). Входящий в состав концепта «камень» компонент “зло” проявляется в следующих устойчивых сочетаниях: *Закидать камнями; Держать камень за пазухой*. Положительная коннотация сопутствует ассоциативной параллели *камень // надёжность* (*Как за каменной стеной*).

В процессе исследования произведений чувашского устного народного творчества были встречены поговорки, в которых утверждается, что и камень (чув.: *чул*) имеет душу (*Чул та чулă, сьин*

пек ўсет, сын пек пёлет, тет “Говорят, что и камень обладает душой, растёт, как человек, обладает знаниями, как человек” [ЧХП-ВС, 2007, с. 202]). Камень в традиционной чувашской культуре — это и постоянный намогильный памятник некрещёных чувашей, представлявший собой антропоморфный столб, на могиле мужчины — из камня с плоским верхом, женщины — из камня с округлым верхом. Сравните чувашские пословицы и поговорки, где лексема *чул* “камень” выступает в значении “намогильный камень”: *Чул сыруне ят ўксен, хайтлас сук вилёмрен* “Если твоё имя появится в письме по камню, из лап смерти тебе уже не вырваться”. В чувашской языковой картине мира с камнем в первую очередь ассоциируются крепость и высокая прочность, правда, в произведениях чувашского устного народного творчества этот концепт репрезентируется преимущественно в случаях, когда надо передать пределы этих самых крепости и прочности. Сравните: *Чйтсан-чйтсан чул та сурйлать* “(посл.) Камень долго терпит, да и то трескается”. Такие свойства камня, как крепость и прочность, переносясь в антропоморфную сферу, связываются в чувашском народном сознании с твёрдостью человеческого характера, с душевной стойкостью (*Ой, кинём Марине, / Пирён пата пырсассайн, / Чус пек яка сўрес пать, / Чул пек сирён пулас пать, / Пирён апия юрас пать* “(свад. песня) Ой, наша невестка Марина! / Когда приедешь к нам (жить), / Тебе придётся стать гладкой, как тёс, / Твёрдой, как камень, / Тебе необходимо будет стать угодной нашей матушке” [ЧХС-4, 1979, с. 207]). В чувашском языковом сознании камень лежит также в основе следующих ассоциаций: 1) беспокойство, опасения (*Каҫхи чул — кайкяр синчи чул* “(посл.) Ночной путь — камень на груди”); 2) горе, беда (*Хурлӑх чулӑ пуҫа усаӑ* “(погов.) Камень горя склоняет голову”); 3) зло, вред (*Чулпа перекене сӑкӑрпа тавӑр* “Кидающему в тебя камни отплати хлебом”); 4) безжалостность (*Сын муллансан чунӑ чулланать* “(посл.) Когда человек разбогатеет, его душа превратится в камень”).

Интерес представляют и переносные значения, выражаемые словами, являющимися названиями различных **металлов** (*золото, серебро, железо, олово, свинец* и др.). Наиболее ценным и популярным из драгоценных металлов является золото. **Золото** в традиционном русском языковом сознании вызывает следующие ассоциации: 1) ценность (*Цениться на вес золота; Золотой фонд мировой литературы*); 2) человек, отличающийся большими достоинствами (*Золотые руки; Золотое сердце*). В русской лингвокультуре слово «золото» часто употребляется в обращении к дорогому, любимому человеку. В традиционном мировосприятии чувашского народа с золотом (чув. *ылтӑн*) связаны две основные ассоциации: золотые

монеты (деньги) и нечто ценное, ценность (*Пиллӑх илсен пин ылтӑн* “(посл.) Благословение ценно так же, как тысяча золотых монет”). Относительно первой ассоциации представляется необходимым отметить, что отношение к золоту характеризуется амбивалентностью (положительная коннотация: *Хурӑн шывӗ шерпет пек, хамӑр тӑван ылтӑн пек* “(нар. песня) Берёзовый сок подобен медовой сыте, а наши родственники подобны золоту” [ЧХС-3, 1978, с. 96]; отрицательная коннотация: *Ылтӑн хысӗнче усал пытанса пурӑнать* “(посл.) За золотом скрывается злой дух”).

С **серебром** в традиционной русской культуре может сравниваться всё, что напоминает этот металл цветом и блеском (*серебро росы, серебряная борода, серебряный голос*). В традиционной чувашской лингвокультуре слова *ылтӑн* “золото” и *кӗмӗл* “серебро” часто вместе используются в составе сравнений, причем удостоиться сравнения с золотом и серебром — это, как правило, очень почётно, эти сравнения всегда характеризуются положительной коннотацией. В традиционной чувашской культуре золото характеризуется мужской символикой, а серебро — женской. Интересуясь полом новорожденного, чувашки обычно спрашивают: *Ылтӑн тупнӑ-и, кӗмӗл-и?* “Обрели золото (т.е. мальчика) или серебро (т.е. девочку)?”. В чувашских народных песнях *ылтӑн сӗрӗ* “золотое кольцо” символизирует отца, старшего брата, мужа, любимого, а *кӗмӗл сӗрӗ* “серебряное кольцо” символизирует представительниц прекрасного пола (*Кӗмӗл сӗрӗ варлийӗм пур, / Кӑлтӑр куска тухинчӗ, / Ман пӑрнене кӗринчӗ* “(лир. песня) Моя любимая — серебряное колечко, / Хоть бы оно (кольцо) выкатилось / И оказалось на моём пальце” [Ашмарин, 1999, т. 7–8, с. 121]).

Иногда с девушкой могло ассоциироваться и **медное** кольцо (чув.: *пӑхӑр сӗрӗ, йӗс сӗрӗ*), но ценность меди значительно уступала ценности золота и серебра, что подчёркивается и в произведениях чувашского устного народного творчества (*Пӑхӑр сӗрӗ — шӑрса кус, / Ун начарне кам пӗлмест?* “(нар. песня) Медный перстень с глазком-бусинкой, / Кому не известно о его ничтожестве?” [Ашмарин, 2000, т. 17, с. 345]). Более ценилась желтая медь, **латунь** (чув.: *йӗс*). Сравните: *Йӗс шӑнкӑрав пек сассӑмӑм / Янра юлтӑр урама* “(нар. песня) Мой голос, звонкий, как латунный колокольчик, / Пусть звучит на улице” [ЧХС-4, 1979, с. 100]. Отметим также фразеологизм *йӗс пыр* “разборчивый, привередливый в еде (букв.: латунная глотка)”. В произведениях русского устного народного творчества упоминаний о меди или медных изделиях мы не встретили, переносных значений слова «медь», «медный» в русском языке не выражают. Отрицательной коннотацией характеризуется

сочетание *медный грош* (*гроша медного не стоит* “ничего не стоит, никуда не годится”).

Самыми презируемыми в традиционной чувашской культуре считались кольца из олова. Сравните строки из чувашских народных песен: *Кёмёл сёрё хёрсемне / Кёленче айшёнче усрарймёр... / Эпир тепре киличчен / Алла тӑхӑнса ан сӑрёр, / Тӑхлан сёрё ан тӑвӑр* “Сестрёнку моего мужа — серебряное колечко — / Мы холили и лелеяли (букв.: хранили в стеклянном сосуде)... / До нашего следующего приезда / Не носите его (постоянно), / Не превращайте в кольцо оловянное” [ЧХС-4, 1979, с. 92]. **Олово** (чув. *тӑхлан*) в традиционной чувашской культуре не считалось ценным металлом, отношение к нему близко к презрительному, коннотация, соответственно, отрицательная. Отношение к олову в русской языковой картине мира, на наш взгляд, нельзя назвать презрительным, но оно, безусловно, неодобрительное. Сравните переносное значение прилагательного *оловянный* “тусклый, ничего не выражающий (о взгляде)”.

Со **свинцом** в русской языковой картине мира традиционно ассоциируются неприятные физические и душевные состояния, страдания (*Голова (руки, ноги) как свинцом налита (налиты); Лечь свинцом на душу; Свинцовая тоска*). Мрачный, гнетущий взгляд называют *свинцовым взглядом*. Схожие ассоциации в русском языковом сознании вызывает **чугун** — сплав железа с углеродом, применяемый для переработки в сталь или для изготовления литых изделий (*Чугунные пальцы, чугунная тоска*). В произведениях чувашского устного народного творчества упоминаний о свинце (чув.: *хура тӑхлан*) или изделиях из него мы не встретили, переносных значений это слово в чувашском языке не выражает. Не выражает в чувашском языке переносных значений и являющееся русским заимствованием слово *чукун* «чугун».

Со **ртутью** (чув.: *чёркёмёл*) в традиционном чувашском языковом сознании ассоциируются изменчивость, переменчивость, непостоянство (*Хёр кӑмӑлӗ — чёркёмёл* “(погов.) Характер (настроение) девушки подобен (подобно) ртути”). В русском языковом сознании со ртутью может ассоциироваться очень подвижный ребёнок.

С **железом** в русском языковом сознании традиционно ассоциируются физическая сила, крепость и сила духа, непоколебимый, непреклонный характер (*Железное здоровье; Железная дисциплина*). Аналогичные ассоциации вызывает и **сталь** — металл, представляющий собой сплав железа с углеродом и другими элементами (*Стальные мускулы; Стальная воля*). Помимо этого, со сталью в русском языковом сознании ассоциируются уверенный, твердый голос и жёсткий, холодный, недружелюбный взгляд (*Стальной голос, сталь-*

ной взгляд). В традиционном чувашском языковом сознании с железом (чув.: *тимёр*) связаны следующие ассоциации: 1) твёрдость (*Типсе тимёрленнĕ пĕрса пĕрчисем* “затвердевшие горошины”); 2) крепость, прочность, которые, правда, не беспредельны (*Тимлё сын тимёр татнĕ* “(посл.) Настойчивому человеку оказалось под силу разорвать железо”; *Тўssen-тўssen тимёр те татĕлать* “(погов.) И железо терпит-терпит, да разрушается”); 3) безжалостность; скупость (*Унĕн чунĕ тимёрленнĕ* “он ожесточился”; *Тимёр пĕрса* “скряга, скупец (букв.: железный горох)”). Со сталью (чув.: *хурçă*) в чувашской языковой картине мира ассоциируются острословие, остроумие, изобретательность в нахождении ярких, выразительных речевых оборотов (*Çак тăванĕсемпе калаçмашкăн / Чĕлхе-çăварĕм хурçă пулинчĕ* “(нар. песня) Для того чтобы достойно пообщаться со своими родственниками, / Да станет мой язык стальным (сталью)” [ЧХС-4, 1979, с. 148]). Эта ассоциативная параллель характеризует положительной коннотацией.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение механизма языковой категоризации мира, проводящееся на основе сопоставительного семантического исследования двух и более национальных языков, позволяет выявить своеобразие восприятия и познания мира разными народами и характер его отражения в этнокультурных особенностях семантики языкового знака. Семантическое пространство каждого языка детерминировано наличием универсальных и этноспецифических концептуальных структур, формирующих облик национальной культуры и выступающих в роли этнокультурного идентификатора. Сходства и совпадения в области культурной коннотации в анализируемых языках свидетельствуют о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, обусловленной в том числе и экстралингвистическими факторами, в частности, длительным мирным проживанием на территории одного государства. Явления расхождения и лакуарности, обнаруженные в процессе исследования, обусловлены несхожестью экстралингвистических факторов (менталитета, истории, культуры, религиозных верований), что подтверждает определённую долю независимости в развитии каждой из сопоставляемых культур.

Список литературы

- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. Т. 1–2. 1994. 584 с.; Т. 7–8. 1999. 696 с.; Т. 17. 2000. 440 с.
- Ashmarin, N.I.* Slovar' chuvashskogo jazyka: V 17 t. [Dictionary Chuvash language. 17 vols]. (in Russian). Cheboksary, Russica, 1994–2000. Т. 1–2. 584 s.; Т. 7–8. 696 s.; Т. 17. 440 s.

- ОП — Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: Современник, 1989. 735 с.
- Obryadovaja poezija [Ritual poetry]. М.: Sovremennik, 1989. 735 p. (in Russian).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель. Т. 3. 2004. 863 с.
- Fasmer, M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: V 4 t. [Russian etymological dictionary. 4 vols]. М.: Astrel'. Т. 3. 2004. 863 p. (in Russian).
- Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.
- Chastushki [Limericks]. М.: Sovetskaja Rossija, 1990. 656 s. (in Russian).
- ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary]. М.: Russkij jazyk, 1982. 712 s. (in Chuvash).
- ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2003. 164 с.
- Chavash tenchi. Chavash halah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings]. Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003, 164 s. (in Chuvash).
- ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978. 512 с. 3 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: V 6 t. Т. 3: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs].
- Shubashkar: Chavash kenege izdatel'stvi, 1978. 512 s. (in Chuvash).
- ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1979. 480 с. 4 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: V 6 t. Т. 4: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs]. Shubashkar: Chavash i kenege zdatel'stvi, 1979. 480 s. (in Chuvash).
- ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 493 с.
- Chavash khalah pultarulakhe. Vattisen samakhesem [Chuvash folklore. Proverbs]. Shubashkar: Chavash kenege izdatel'stvi, 2007. 493 s. (in Chuvash).

Н. Иванова,

доктор филологии, профессор кафедры славянских языков Университета им. А. Златарова, Бургас, Болгария; e-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

ОБ ОЦЕНОЧНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СФЕРЕ КОНЦЕПТА (на примере концепта «успех» в русском и болгарском языках)

В статье анализируется вербальная сфера концепта «успех» в болгарском и русском языках, которая содержит экспрессивные оценки и мнения носителей языков об успехе как о социокультурном феномене. Показаны ценностные измерения, культурная и историческая обусловленность концепта. На примере концепта «успех» освещается, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика и лингвокультурология исследуют сознание человека, его концептосферу и способность единиц мышления к сохранению культурно значимой информации.

Ключевые слова: культурный концепт, оценочные слова, русский язык, болгарский язык.

Nelya Ivanova,

PhD, Professor at the Slavonic Languages Department, Assen Zlatarov University, Bourgas, Bulgaria; e-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

ESTIMATIONS IN THE VERBAL SCOPE OF A CONCEPT: A CASE STUDY OF THE CONCEPT “SUCCESS” IN RUSSIAN AND BULGARIAN

This article reveals the special verbal sphere of the concept “success” in Bulgarian and Russian which contents emotional and expressive words of native speakers’ estimations and opinions about success as a sociocultural phenomenon. Value aspects as well as cultural and historical conditionality of the concept are presented. It is shown how cognitive linguistics, ethno linguistics and cultural linguistics explore the human consciousness, its sphere of concepts and the ability of mental units to preserve valuable cultural information.

Key words: cultural concept, expressive nominations, Russian, Bulgarian.

Вопросы о том, как человек воспринимает и наделяет смыслом окружающую действительность и как «реализует» в языке опыт своего познания, имеют важное значение в современной лингвистике. Сегодня самые перспективные направления в развитии лингвистики — когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология — исследуют язык как средство доступа к сознанию человека, к его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления и сохранения культурно значимой информации.

Стремясь преодолеть «расплывчивость и многозначность» термина «концепт», болгарский лингвист В. Аврамова [Аврамова, 2007, с. 227] вводит в научное обращение новый термин (аккумуляема), понимая аккумуляему как «максимально абстрактную, но конкретно кодированную в языковом сознании единицу ментального уровня, исторически детерминированную, структурированную общечеловеческими и национально-специфическими представлениями, вербализованными в словах или словосочетаниях, сосредоточивших накопленную человечеством и лингвокультурной общностью культурную информацию» [там же, с. 116].

Именно такой сложной сущностью обладает успех — социокультурный феномен, представления, мнения, знания о котором складывались в течение веков, вызывая желание людей оценивать его как потребность, благо и ценность для человека и общества, формируя таким образом его ценностное измерение в культуре. В наши дни вследствие значительных сдвигов в общественном устройстве наших стран и утверждения *успеха* в качестве приоритета современного человека появилось стремление весьма интенсивно обсуждать «новую культуру успеха» [Ключников, 2002, с. 83], а также говорить о «позитивном успехе», которым измеряется счастье и удовлетворенность жизнью [см.: Тилкиджиев, 2006]. Болгарский социолог Н. Тилкиджиев комментирует взаимную связь этих абстрактных понятий и выявляет большую роль оценочной деятельности людей в определении: «Несмотря на кажущееся «интуитивно-утилитаристское» отношение к счастью, представления о нём, оценки достигнутых степеней «счастливой жизни» являются собирательным и концентрированным образом достигнутого успеха (...), счастье помогает проникнуть вглубь, в механизмы формирования и воспроизводства массовых оценок и настроений. Доминирующий пессимизм является оценкой большинства болгар» [там же, с. 122].

Современные концепции рассматривают личность как «мощную константу успеха», а *успех* как «гармонию между личностью и средой» [Розенберг, 2001, с. 7]. Это утверждение русского философа Н. Розенберг, считающей, что «успешная личность» создаёт «семантику культурной среды, которая является истинным отражением самого человека» [там же]. Сочетание прилагательного *успешный* с одушевлёнными существительными, называющими лиц в самом генерализованном представлении (*человек, личность*), в наших языках является сравнительно новым образованием, маркирующим сдвиги в социокультурных приоритетах общества. Многие исследователи (напр., И.Б. Левонтина, В. Новиков) считают узуализацию этого словосочетания в русском языке результатом влияния

английского языка и западной культуры. В. Новиков в «Словаре модных слов» пишет: «Эпитет *успешный* недавно съездил за границу и вернулся оттуда солидным, пополнившимся в смысловом отношении. Вспомним, каким он был ‘до того’: *‘сопровождающийся успехом’*, *‘удачный’* — так и только так говорилось о нём в толковых словарях. *Успешным* можно было назвать какое-нибудь дело, мероприятие, но не человека. Для характеристики личности использовалось прилагательное *преуспевающий*, имевшее, кстати, лёгкий оттенок неодобрительности: недаром в словаре Ожегова в качестве примера его употребления приведено сочетание *преуспевающий делец*. Но вот наш *успешный* встретился за рубежом со своим английским коллегой по имени *successful*, который живёт гораздо богаче, свободно сочетаясь и с названиями дел, и с наименованиями людей» [Новиков, 2011, с. 218–219].

Отношение к успеху, его содержанию, способу достижения и формам проявления к его носителям традиционно обособляет культурные модели поведения и коммуникации. Американская культура традиционно постулирует культ успеха, превращая его в национальную философию, в результате чего успех в американской культуре обладает особым статусом. А. Андриенко характеризует успех следующим образом: «Успех ценен в индивидуальном плане как достижение отдельно взятой личности; жизненный успех отождествляется с материальным богатством; успех гарантирован при воспитании «успешного характера», главными чертами которого являются трудолюбие и усердие; удача и везение не приводят к социальному признанию, успехом может считаться только просчитанная, достигнутая собственными рациональными усилиями вершина; индивидуальный успех или неудача есть результат исключительно личных качеств человека, и поэтому несостоявшейся личности остаётся винить только саму себя (*self-made man — self-unmade man*)» [Андриенко, 2009; цит. по: Иванова, Андриенко, 2014, с. 8–9].

Американская мечта в корне противоположна европейским представлениям о житейской свободе, независимости и успехе. В своей книге «Европейская мечта» (2005 г.) Дж. Рифкин, известный современный социолог и политолог, объясняет, что в отличие от американцев, для которых свобода и независимость являются следствием накопленного богатства (американец свободен, когда рассчитывает только на себя и превращается в подобие острова: с богатством приходит неприступность, а с ней — независимость), для европейцев свобода коренится не в подобной независимости, а в приобщении. Чем больше общностей, к которым человек имеет доступ, тем больше возможностей выбора, чтобы вести полноценную жизнь (с взаимосвязями приходит приобщение, а с ним — не-

зависимость человека). Европейская мечта, согласно Дж. Рифкину, основывается на сохранении культурной идентичности и жизни в мультиэтническом мире, в то время как американская «связывает успех с отбрасыванием происхождения и связей с конкретной культурой» [Рифкин, 2005, с. 14].

В связи с вхождением Болгарии в Европейский союз (2007) и в силу исторической и культурной принадлежности болгар к европейскому сообществу в последние годы появилось много статей болгарских публицистов, а также научных исследований, в которых тему успеха можно косвенно обособить из размышлений о болгарских ценностях. В этом дискурсе часто употребляются автостереотипные фразы «*болгарский синдром*», «*болгарский парадокс*», «*болгарская мечта*» [Д. Градев, Тр. Митев и др.; М. Семов, Е. Дайнов, М. Гарванова и др., цит. по: Иванова, 2012, с. 99]. В этих исследованиях нередко отмечается тот факт, что «болгарская ценностная система... находится между двумя абсолютно противоречащими друг другу системами» [Русинова, 2007]. Нынешняя её открытость и адаптивность не исключают обращения болгарского общества к традиционным ценностям, пришедшим из эпохи Возрождения, которые берут своё начало из «святой православной традиции», из уважения к своим корням, истории, быту, традициям и культуре, сохранившим болгар как народ» [там же].

В болгарской культурной антропологии тема успеха и достижений анализируется с позиции болгарского индивидуализма: «Независимо от превратностей, от непрерывных изменений моделей нашего общества, болгарин остается верен своему характеру. Отчуждённость от общества является одной из основных черт его характера» [Семов, 2009]. Индивидуализм болгар и его корни в народопсихологии анализируются социологом Ив. Хаджийским, проникновенным знатоком болгарской душевности. В его книгах «Быт и душевность болгарского народа» и «Оптимистическая теория о нашем народе» [Хаджийски, 1973, с. 35] можно найти мысли автора о преуспевающем болгарине в период после Освобождения: «Болгария тогда была страной неограниченных возможностей. Любая карьера делалась исключительно собственными силами благодаря личным качествам. Богатства создавались, а не наследовались, и каждый человек занимал то общественное положение, которое сам себе создавал. Это была эпоха болгарских викингов, людей без предыстории, которые рассчитывали только на себя, на свою собственную смелость, прозорливость и изобретательность» [там же]. Индивидуализм болгарского характера Ив. Хаджийски связывает с талантом и трудолюбием, которые в сочетании с добро-

детелями взаимопомощи, честности и трудом представляют собой идеал успеха, по Ив. Хаджийскому.

Подтверждением точности этого наблюдения является недавно вышедшая книга болгарских журналистов А. Георгиева, Г. Стайкова и Е. Спахийского *«Модель успеха 22, или как достичь успеха в Болгарии»* [Георгиев и др., 2012], которая содержит интервью с 22 известными и успешными людьми Болгарии. Доминанту в рассказах этих состоятельных и влиятельных людей можно выделить в их желании служить обществу и улучшить климат в обществе, в важности соблюдения этики в отношениях, а также в необходимости иметь сильный характер, устойчивость и трудолюбие, и только после этого — рассчитывать на шанс и удачу» [там же]. Краткое резюме о своеобразии сложившихся представлений об успехе в болгарской культурно-исторической традиции было бы неполным без того, чтобы не отметить склонность болгар рассуждать об успехе через его отрицание, а точнее, через неприятие успеха других людей, что не только находит выражение в языке (в поговорках), но и получило специальные терминологические обозначения в выражениях *«болгарский парадокс»*, *«болгарский синдром»* [Семов, 2009], *«болгарская болезнь»* [Хаджийски, 1973, с. 35; Иванова, 2012, с. 100–104].

Русская философия никогда не проповедовала культ личного успеха как самоцель. В русской культуре, указывает А. Андриенко, в сказочном хронотопе, герой, как правило, ленив до парадоксальности, однако его сказочное избранничество (Емеля, Иван-Царевич) само находит своего носителя: для этого ему важнее не систематически стремиться к успеху, а положиться на судьбу [Иваницкий, 1996]. В качестве особенностей представлений об успехе в русской культурно-исторической традиции А. Андриенко выделяет следующие: успех ценен не в личностном, а в общенациональном смысле; успех связан с религиозными этическими представлениями; отрицание успеха в светском смысле; русский человек верит в зависимость успеха от удачного стечения обстоятельств (что проявляется в образах народных сказок); успех связан со славой и служением отечеству [Андриенко, 2009, цит. по: Иванова, 2014, с. 8].

Таким образом, понимание сущности успеха связано с историческими, культурными, общественными измерениями, которые аккумулируют определённые знания, представления, стереотипы поведения людей, носителей данного языка и культуры. Вместе с этим в языке достоверно отражается отношение людей к успеху, формируется определённая традиция воспринимать и оценивать успех и все явления, которые сопутствуют ему (об оценочных предикатах см.: [Димитрова, 2009, с. 52]). Получение такой информации путём исследования речевой практики носителей соответствующих язы-

ков, как мы полагаем, будет полезно для гармоничного общения в условиях межкультурной коммуникации.

Аксиологический подход к исследованию *успеха* тем более целесообразен, как представляется, и когда речь идет о сопоставлении родственных языков ввиду общих языковых корней, но стоящей за ними различной исторической и общественной динамики за ними, что характерно, например, для болгарского и русского языков (см. об этом: [Аврамова, 2007]).

Составители «Славянского ассоциативного словаря» (САС) под редакцией Н.В. Уфимцевой и др. (2004), содержащего данные четырёх славянских языков: русского, белорусского, болгарского и украинского, приводят любопытную информацию о словах, формирующих ядро языкового сознания представителей славянских народов. Как и следовало ожидать, совпадений очень много. Так, например, первые 10 слов, составляющих ядро языкового сознания русских и болгар, следующие: для болг. *живот (жизнь), човек, любов, приятел, много, сила, щастие, жена, радост, добро, дете, обич*; для русск.: *жизнь, человек, любовь, радость, дом, хорошо, друг, нет, счастье, есть, свет, плохо* [САС, 2004, с. 25].

Совпадающими в четырёх списках (для русских, болгар, белорусов, украинцев) являются слова: *жизнь, человек, любовь, радость, друг, счастье, добро, смерть, деньги, большой*, т.е. регистрируется 60%-е совпадение (нетрудно заметить, что все перечисленные слова концептуально связаны с *успехом*). Для белорусов, украинцев и русских совпадений ещё больше (80%) *жизнь, человек, дом, любовь, радость, хорошо, друг, счастье* [САС, 2004].

Составители САС обращают также внимание на аксиологичность языкового сознания славян, которую они представляют в процентном измерении на основе сравнения оценочных реакций (приписывания признака) на стимул «человек» в общем количестве всех остальных оценочных реакций: для белорусов — 22,4%; для болгар — 24,2%, для русских — 29,5%; для украинцев — 37,4% [там же].

Данные САС позволяют также увидеть результат исторической динамики в формировании смысла концепта *успех*; для обоих родственных славянских языков — болгарского и русского — это развитие протекало в различных направлениях вследствие разделения общего лексического гнезда старославянского слова ‘спЕти’ [Виноградов]. Данным фактом объясняются различия в некоторых фрагментах языковых картин носителей болгарского и русского языков в связи с наблюдаемым концептом (см. об этом: [Иванова, 2012, с. 148–150]).

Специфика оценочной сферы концепта *успех* состоит в выявлении имплицитной (позитивной) оценки, которая содержится

в самом прототипическом понятии успеха, так как успех — это положительный результат, благоприятный *исход*, удачное *завершение чего-л.* (победа в поединке, хорошие результаты в школе), в болг.: сполучливо *постигане на цел*, сполука *в начинание, в постигането на цел* (МАС (4); БТСРЯ; БТР). В словарных определениях *успех* представлен эксплицитно как *позитивное явление* (преимущественно в атрибутивных словосочетаниях) и имплицитно (в семантике номинативных компонентов в словосочетаниях): напр., в болгарском словарном определении: сполука (*успех, благополучие, добро*), в русском: удача (*счастье, везение, счастливый исход, успех*), победа (*успех, достижение*), одобрение (*признать уместным, добрым*), признание (*не отрекать добро, ценить талант и заслуги, оказывать почет*), повысить (*сделать больше, выше, увеличить силу или степень чего-либо*).

Успех получает больше всего критериев для оценки и множество самых разнообразных параметрических характеристик в реальной речевой практике. Наблюдения над современной публицистикой и медийным дискурсом показывают, что успех имеет количество, качество, форму, внешний вид, масштаб, уровень, степень, процентный состав, цену, вкус, виды и др., *сам успех «превращается»* в критерий, показатель, тест, ориентир:

«Как изглежда успехът — има ли цвят, има ли мирис? Няма цвят, няма мирис» [Георгиев и др., 2012, с. 183]; «Успехът на един живот се мери с това, дали човек е счастлив, не е нужно непременно да променя света» [там же, с. 15]; «Парите мерило ли са за успеха» [там же, с. 96, 144]; «Что является критерием успеха? У этой проблемы две стороны — внешняя и внутренняя» [Рубинштейн, 1973, с. 36]; «Единой планки успеха нет и быть не может. Происходит это от того, что масштаб успеха — понятие очень относительное. Настоящий успех абсолютен для любой системы координат, а не только для личной» [Трунин].

Данные «Словаря русской идиоматики» (СРФ, 2011) содержат 47 атрибутивных словосочетаний с лексемой «успех». Хотя их диапазон в семантическом плане достаточно широк, тем не менее, все они объединяются семьей ‘выдающийся’, ‘выходящий за рамки обычного’: *большой, колоссальный, крупный, громадный, исключительный, поразительный, удивительный, беспримерный, невиданный, потрясающий, ошеломляющий, сногшибательный, впечатляющий, небывалый, фантастический, феноменальный, чрезвычайный* успех.

При этом в русском медийном дискурсе, по свидетельству А. Андриенко, наиболее употребительной является пара антонимов истинный (подлинный, настоящий) и ложный успех. Для русского человека, пишет она, становится принципиальным разли-

чать успех «настоящий» и «ложный», ведь именно настоящий успех обладает ценностью: «Успех мнимый и подлинный, различать эти понятия очень важно... Подлинный успех всегда предполагает наличие внутренней удовлетворенности, идущей из глубины человеческого существа, веру в себя и в свои возможности» [Ключников, 2002, с. 15, цит. по: Андриенко, 2009].

А. Андриенко также указывает, что ценностная составляющая концепта успех в русской лингвокультуре отличается полярностью семантических признаков. Это можно объяснить исторически сложившимся скорее отрицательным отношением к исследуемому концепту в русской культуре [Андриенко, 2009, цит. по: Иванова, Андриенко, 2014, с. 12]. Тем не менее, отмечает А. Андриенко, несмотря на употребление прилагательных с отрицательной оценкой в сочетании с ключевой лексемой *успех* (дурной, пустой, незначительный, незаслуженный), следует отметить, что данный концепт в русском медийном дискурсе в широком смысле, несомненно, содержит положительную семантику, рассматривается как ценность, благополучие и предмет стремлений, что проявляется на уровне предложений: «Истинная успешность — это, во-первых, сплав более-менее благоприятных внешних обстоятельств, внешних условий; во-вторых, более-менее благоприятное внутреннее состояние» [Ключников, 2002, с. 189, цит. по: Андриенко, 2009].

Примечательным фактом отражения феномена успеха на страницах и русской, и болгарской современной прессы является персонификация его сущности. Об успехе люди говорят как о человеке. Но это человек исключительной породы — у него гиперболизированы до крайности все черты, все характеристики. Успех имеет размеры (крошечный, маленький, малък, голям, огромен), внешний вид (красив, пылен, полный), рост (нисък, висок), характер (жесток, скром, верен, лъжлив, скромный, серьезный, верный), ментальный статус (безумный, бешеный, сумасшедший), материальный статус (мизерен, благополучный).

Самое большое число определений зафиксировано в сфере функциональной природы успеха — его воздействия на окружающих: на их зрение (явен, неявен, видим, виден, бляскав, искрящ; блестящий, блистательный, невиданный, на их слух (мълчалив, шумен, оглушителен, оглушительный, громкий), на равновесие воспринимающего (болг. зашеметяващ, потресаващ, головокружительный, сногшибательный, ошеломляющий, потрясающий), на целостность, с угрозой для жизни окружающих (смазващ, размазващ): «Бляскав и смазващ успех на нашите волейболисти»; «Смазващ успех на новия албум на групата...» (из СМИ).

Успех является важным социокультурным явлением. В стремлении определить его значение для своей жизни и деятельности люди оценивают его сущность, проявления, воздействие. Вербальная оценочная сфера концепта «успех» содержит много и разнообразных определений успеха, в них отражаются его ценностные измерения, культурная и историческая обусловленность.

Список литературы

- Аврамова В.* Лингвокультурология. Шумен: Еп. К. Преславски, 2007. 243 с.
Avratova, V. Lingvokul'torologija. Shumen: Ep. K. Preslavski, 2007. 243 p.
Андрюенко А. Концепт «успех» в американской и русской культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 29 с.
Andrienko, A. Concept "uspeh" v amerikanskoi i ruskskoi kul'ture: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 29 p.
Виноградов В. История слов. Режим доступа: <http://www.etymolog.ruslang.ru/vinogr>.
Vinogradov, V. Istorija slov. [URL]: <http://www.etymolog.ruslang.ru/vinogr>.
Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. Моделът на успеха 22 или Как да успяваш в България. Училище за успех. София: Libra AG, 2012. 217 с.
Georgiev, A., Staikov, G., Spahiiski, E. Modelut na uspeha 22 ili Kak da uspiavash v Bulgaria. Uchilishte za uspeh. Sofia: Libra AG, 2012. 217 p.
Димитрова Ст. Лингвистична прагматика. София: Велес, 2009. 239 с.
Dimitrova, St. Lingvistichna pragmatika. Sofia: Veles, 2009. 239 p.
Иваницкий В.Г. Архетипы успеха в русских народных сказках // Этика успеха. 1996. № 8. С. 18–21.
Ivanitskii, V.G. Arhetipy uspeha v russkih narodnyh skazkah // Etika uspeha. 1996. № 8. P. 18–21.
Иванова Н. Ценностните аспекти на разбирането. Концептът «успех» в българската, руската и британската речева практика. Бургас: Либра Скорп, 2012. 199 с.
Ivanova, N. Cennostnite aspekti na razbiraneto. Conceptut «uspeh» v bulgarskata, ruskata i britanskata recheva praktika. Bourgas: Libra Scorp, 2012. 199 p.
Иванова Н., Андрюенко А. Концепт «успех» в ценностном и языковом измерениях в болгарской, русской, британской и американской лингвокультурах // Съпоставително езикознание. 2014. № 1. С. 5–20.
Ivanova, N., Andrienko, A. Concept «uspeh» v cennostnom i jazykovom izmerenijah v bolgarskoi, russkoi, britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turah // Supostavitelno ezikoznanie. 2014. № 1. P. 5–20.
Ключников С.Ю. Фактор успеха. Новая психология саморазвития. М.: Беловодье, 2002. 480 с.
Kljuchnikov, S.Y. Faktor uspeha. Novaja psihologija samorazvitija. M.: Belovodje, 2002. 480 p.
Ключников С.Ю. Философия успеха: гносеологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 145 с.
Kljuchnikov, S.Y. Filosofija uspeha: gnoseologicheskii analiz: Dis. ... kand. filos. nauk. M., 2003. 145 p.

- Левонтина И.Б.* Шум словаря // Зная. М., 2006. № 8. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12.html>
- Levontina, I.B.* Shum slovarja // Znamja. М., 2006. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12.html>
- Новиков В.* Словарь модных слов. М.: АСТ-пресс, 2011. 192 с.
- Novikov, V.* Slovar' modnyh slov. М.: АСТ-press, 2011. 192 p.
- Рифкин Дж.* Европейската мечта. София: Прозорец, 2005. 438 с.
- Rifkin, J.* Evropeiskata mechta. Sofia: Prozorets, 2005. 438 p.
- Розенберг Н.В.* Архитектоника успеха в культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2001. 25 с.
- Rozenberg, N.V.* Arhitektonika uspeha v kul'ture: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tambov, 2001. 25 p.
- Рубинштейн С.* Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. 251 с.
- Rubinshtein, S.* Problemy obshtei psihologii. М.: Nauka, 1973. 251 s.
- Русинова Д.* Ценностната система на българите в контекста на американската и европейската мечта. 2007. Режим доступа: <http://www.bg-history.info.943.html>
- Rusinova, D.* Cennostnata sisitema na bulgarite v konteksta na amerikanskata i evropeiskata mechta. 2007. URL: <http://www.bg-history.info.943.html>
- Семов М.* Българска народопсихология. Т. 1. София: Св. Кл. Охридски, 2009. 828 с.
- Semov, M.* Bulgarskata narodopsihololija. Т. 1. Sofia: Sv. Kl. Ohridski, 2009. 828 p.
- Тилкиджиев Н.* Качество на живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция // Отвд дисциплинарните (само) ограничения: Сборник в чест на проф. Елена Михайловска. София: Св. Климент Охридски, 2006. С. 122–144.
- Tilkidjiev, N.* Kachestvo na jivot i shtastie: evropeiski renesans na edna traditsija // Otvud disciplinarnite (samo) ogranichenija: Sbornik v chest na Elena Mihailovska. Sofia: Sv. Kl. Ohridski, 2006. P. 122–144.
- Трунин Р.* От мечты до успеха. Режим доступа: <http://www.koob.ru/trunin>
- Trunin, R.* Ot mechty do uspeha. URL: <http://www.koob.ru/trunin>
- Хаджийски И.* Оптимистична теория за нашия народ. Бит и душевност на нашия народ. Съчинения: В 2 т. София: Български писател, 1973.
- Nadjijiski, I.* Optimistichna teorija za nashija narod. Bit i dushevnost na nashija narod. Suchinenija: V 2 t. Sofia: Bulgarski pisatel, 1973.

Словари

- БТР — Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 2002.
- BTR — Bulgarski tulkoven rechnik. Sofia: Nauka i izkustvo, 2002.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- BTSRJA — Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo jazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998.
- МАС — Академический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.

- MAS — Akademicheskii slovar' russkogo jazyka: V 4 t. / Pod red. A.P. Evgen'evoi. M.: Russkii jazyk, 1984.
- CAC — Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов; РАН, Институт языкознания и др. М., 2004.
- SAS — Slavjanskii asociativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrain-skii / N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova, Y.N. Karaulov, E.F. Tarasov; RAN, Institut jazykoznanija. M., 2004.
- СРФ — Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М.: Academic, 2011.
- SRF — Slovar' russkoi idiomatiki. Sochetanija slov so znacheniem vysokoi stepeni. Academic 2011. M.: 2011.

И.А. Хромова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета (ИвГУ);
e-mail: khromova54@mail.ru

Г.В. Токарева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и французского языков Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина (ИГЭУ); e-mail: galina.tokareva@gmail.com

**ЧЕХОВСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ В СОВРЕМЕННОМ
КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ: ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ**

Предмет исследования в статье — сценическая рецепция чеховских пьес в начале XXI в. в КНР, проблема адекватного восприятия инокультурного текста с учётом ментального дискурса. Стремление китайских режиссёров раскрыть психологию русского человека через призму восточного мировосприятия в спектаклях «Три сестры» и «Вишнёвый сад».

Ключевые слова: диалог, культура, Чехов, пьесы, рецепция, Китай, ментальность, интерпретация, мировосприятие.

Irina A. Khromova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Literature and Cultural Studies, Ivanovo State University, Russia;
e-mail: khromova54@mail.ru

Galina V. Tokareva,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian and French languages, Ivanovo State Power University, Russia;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com

**ANTON CHEKHOV'S DRAMATURGY IN MODERN
CHINESE THEATRE: PERCEPTION ISSUES**

The article explores theatrical reception of Anton Chekhov's plays in China at the beginning of the 21st century, as well as the issue of adequate perception of foreign texts while taking into account mental discourse. Chinese stage directors attempt to reveal the Russian people's psyche through the prism of the Oriental world view when adapting for stage Anton Chekhov's "Three Sisters" and "The Cherry Orchard".

Key words: dialogue, culture, Anton Chekhov, plays, perception, China, director, mentality, interpretation, world view.

А.П. Чехов занимает особое место в русской и мировой культуре, его творчество в XX в. признано явлением общечеловеческого значения. Интерес к его наследию огромен. В последние десятилетия

в условиях возросшего интереса к межкультурной коммуникации особенно актуальным становится исследование рецепции чеховского творчества в разных культурах. В этой связи наследие писателя привлекает внимание как российских, так и зарубежных учёных и театральных деятелей, которые предлагают новую интерпретацию чеховской драматургии в контекстах своих литературных и театральных систем.

Развитие любой национальной литературы предполагает органическое сочетание национальной самобытности с освоением и переосмыслением достижений мировой культуры. Таким образом, в рамках межкультурной коммуникации разные культуры обмениваются своими художественными ценностями. В этом случае рецепция произведения в инациональной среде предстает как взаимодействие отдающей и принимающей культур, поэтому важно проследить механизм этого взаимодействия.

Обращение к проблеме восприятия драматургии Чехова в других странах является перспективным направлением исследования: оно позволяет более объёмно и глубоко рассмотреть драматургию Чехова в аспекте соотношения национального и всечеловеческого. М.М. Бахтин отмечал: «...чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин, 1979, с. 334]. Это высказывание учёного, на наш взгляд, позволяет объяснить причину заметного усиления внимания в последнее время к проблемам рецептивной эстетики. В данной статье речь пойдёт о проблеме восприятия драматургии А.П. Чехова в современном Китае.

Особенностями китайской культуры новейшего времени является одновременное развитие традиций национальной культуры и становление литературы современного типа. Появление русской литературы в переводах на китайский язык в XX в. стало важным звеном в процессе модернизации культуры Китая, перехода её от средневековья к современности, от чисто национальной к мировой. Большое значение в становлении драматургии Нового Китая имело творчество А.П. Чехова, постановка его пьес в КНР. Стало афоризмом высказывание известного китайского режиссёра, что китайский театр немыслим без Чехова и Шекспира.

Чехов был первым из русских писателей, с кем переводчики и издатели Китая захотели познакомить своих читателей ещё в начале XX в. Известный китайский историк и писатель Го Можо писал: «Главнейшая причина популярности Чехова заключается, вероятно, в том, что форма и стиль его произведений близки и понятны восточному читателю. В литературе восточный народ любит что-то лирическое, любит что-то глубокое и богатое содержанием, но не страдающее тяжеловесностью: любит вкус, который похож... на вкус

зелёного чая, к лёгкой сладости которого примешивается некоторая терпкость <...>. Всё должно иметь внутреннюю скрытую красоту, а не внешнюю пышность. Восточный народ любит скромные тона, любит меланхолию, а не гоняется за величием, которая пугает своей гнетущей силой»¹.

Назовём лишь некоторые русскоязычные исследования, освещающие проблему рецепции чеховских пьес в Китае. История переводов произведений Чехова на китайский язык, роль его творчества в формировании современной литературы Китая нашли отражение в монографии М.Е. Шнейдера «Русская классика в Китае» (1977), в научном обзоре Е.А. Серебрякова «А.П. Чехов в Китае» (2005), в статье Шен Хайтао и Л.Д. Раднаевой «Драматургия А.П.Чехова в Китае XX века: этапы восприятия» (2012). Среди китайских исследований следует выделить статьи Ван Пу «Чехов и «тенденция дедраматизации» китайской драмы» (1989), Ху Син Лян «Влияние драматургии Чехова в Китае» (1993), монографию Чжоу Цзинбо «Современная китайская драма» (2002). На наш взгляд, особый интерес заслуживает высказывание Ван Пу о том, что главное влияние, оказанное Чеховым на китайских драматургов, заключается в «дедраматизации» традиционных китайских драм <...>, что заложило замечательную и необходимую основу для возникновения китайской современной драматургии восьмидесятых годов [Ван Пу, 1989, с. 114].

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все особенности сценической рецепции чеховских пьес в современном Китае. В первую очередь нас будет интересовать проблема адекватного восприятия инокультурного текста. На восприятие фактов иноязычной культуры оказывают влияние национально-специфические различия между родной и чужой культурами. Именно эти различия создают определённые трудности в процессе восприятия иноязычного текста, что может привести к его неадекватной интерпретации. Истолкование иноязычного текста возможно также только в соотношении с другими текстами и культурным контекстом. В процессе интерпретации реципиент строит свою проекцию текста, привносит в художественный текст свои представления о жизни и жизненных ценностях. Вот почему становится возможным существование нескольких различных интерпретаций. По справедливому наблюдению В.Е. Хализева, «художественная интерпретация допускает и даже предполагает «вольность» прочтения литературы, порой заметные от неё отклонения, недопустимые в литературоведческих истолкованиях» [Хализев, 1987, с. 128].

¹ Цит. по: А.П. Чехов. Энциклопедия. М., Просвещение, 2011. С. 623.

Сделаем небольшой экскурс в историю изучения и постановок пьес А.П. Чехова в КНР. Впервые имя Чехова в Китае упоминается в 1916 г. В 1921 г. уже вышли в свет переводы трёх пьес Чехова. История постановок чеховских произведений в Китае начинается с 1930 г. В этом году в шанхайской опере режиссёр Чжу Жан Чэнь поставил чеховскую пьесу «Дядя Ваня». В 1950-е гг. благодаря «братской дружбе» между Китаем и Россией перевод и изучение русской литературы в Китае достигли небывалых масштабов. Во время культурной революции в Китае (1966—1976) все произведения иностранной литературы, в том числе и русской, считались запрещёнными. С 1978 г. Китай объявил «политику открытости», и изучение русской литературы вновь обрело официальный статус. Появились новые журналы, в которых публиковались произведения русских писателей, исследования по русской литературе. По последним данным, в течение прошлого столетия в распространении произведений Чехова в Китае приняли участие более 70 переводчиков, не было ни одного издательства, которое не печатало бы чеховские произведения. С 1980 г. началось издание 16-томного Полного собрания сочинений А.П. Чехова на китайском языке.

С 90-х гг. XX в. в КНР проявляется особый интерес к чеховской драматургии. Вследствие деидеологизации духовной атмосферы в стране наблюдается небывалый плюрализм в интерпретации чеховских текстов. В 2004 г. издательство «Вэньминь» выпустило «Избранные произведения Чехова» в переводах Лу Синя, Чжоу Цзоджэня, Гао Мана, Тун Даомина. Книга снабжена справочными материалами и рецензиями на чеховские произведения, опубликованными в Китае начиная с XIX в.

В современном Китае драматические произведения Чехова активно переводят, издают, ставят на сцене. При этом неизбежно возникает вопрос о выявлении их инвариантной основы и пределов подвижности смысловых границ в театральных интерпретациях. В этом случае на первый план выходит проблема ментальности в сценическом истолковании чеховских пьес китайскими режиссёрами и актёрами; соотношения национального и инационального компонентов. Ещё К.С. Станиславский отмечал: «Интерпретация драмы и характер её сценического воплощения всегда и неизбежным образом являются в известной мере субъективными и окрашиваются как личными, так и национальными особенностями режиссёра и актёра» [Станиславский, 1953, с. 486—487]. Это высказывание всемирно известного театрального режиссёра сохранило свою актуальность и сегодня.

Россия и Китай — две огромные цивилизации, которые существенно отличаются своими социально-историческими и культур-

ными традициями. При этом нельзя забывать, что в формировании социально-психологического, культурного облика китайцев большую роль играла иероглифическая система письма. Китайский язык за 5 тыс. лет создал существенные различия между Китаем и всем остальным миром. Иероглифы в некотором смысле защищают Китай от вторжения чужой культуры и навязывания чужеродных традиций. Иностранные слова, записанные при помощи иероглифов, приобретают новое содержание. Поэтому возникают определённые трудности при переводе и художественной интерпретации чеховских пьес в Китае. Здесь невозможно простое, механическое соединение двух разных традиций. Свидетельством тому может служить постановка в 2006 г. режиссёром В.В. Тепляковым дипломного спектакля «Иванов» в Центральном институте театрального искусства в Пекине. Режиссёр стремился внести в спектакль национальные китайские элементы: на сцене появились, например, красное полотно, паланкин (традиционное средство передвижения в Китае), чтобы привлечь китайских зрителей. По мнению критики, эта попытка сотрудничества российского режиссёра с китайскими актёрами, выпускниками института не была удачной: большинство зрителей не смогли понять пьесу. Главная причина заключалась, по-видимому, в том, что у студентов не сложилось правильного представления о сути ролей в пьесе, что можно достичь только в результате глубокого прочтения и понимания драматургии Чехова. Кроме того, китайским зрителям было сложно понять главную идею пьесы через изображение обычной, повседневной жизни². В этом случае сказалось различие русской и китайской ментальности. Китайец, как правило, отдаёт предпочтение несложным рациональным интеллектуальным построениям как наиболее доступным для понимания жизни и осуществления деятельности. Он редко руководствуется абстрактными принципами, его логика отличается высокой предметностью, показателем чего является, например, такая китайская пословица: «Когда телега подкатит к горе — дорога найдётся». В постановке пьесы «Иванов» в Центральном институте театрального искусства в Пекине китайские зрители не смогли уловить её социально-психологический подтекст, поэтому спектакль был не понят зрителями.

Особую роль в распространении и популяризации пьес А.П. Чехова в Китае сыграл открывшийся в июне 2004 г. в Пекине Международный театральный сезон, приуроченный к 100-летней годов-

² «Китай и Россия вместе поставили классическую пьесу «Иванов» на сцене Центрального института театрального искусства» // <http://ent.sina.com.cn/r/m/2006-11-13/19001326164.html/> (здесь и далее перевод с китайского Сюй Лили — выпускницы филологического факультета ИвГУ).

щине со дня смерти А.П. Чехова. Организаторами культурного мероприятия выступили Китайский государственный драматический театр, Китайское объединение по внешним культурным связям при Министерстве культуры КНР и драматическая студия «Линь Чжаохуа». В течение сентября театральные коллективы из Китая, России, Израиля, Канады представили зрителям Пекина постановки различных пьес Чехова. На сцене Китайского государственного драматического театра были поставлены спектакли «Платонов» и «Вишнёвый сад».

Пьеса «Безотцовщина» («Платонов») была незнакома китайским зрителям. Режиссёр спектакля Ван Сяоин так писал о ней: «Герои пьесы переживают, испытывают тоску из-за неопределённости судьбы. Они хотят найти выход, но не знают, что надо делать <...>. Такой мотив созвучен современному человеку, который живёт в быстром, изменяющемся мире. Главное в современном человеке — нравственная неустойчивость и одновременно потребность осознать свое назначение. <...> Наша эпоха очень далеко отстоит от того времени, когда писал Чехов, однако наши чувства и эмоции, напротив, очень близки тем, которые испытывают герои «Платонова». Может быть, новое прочтение Чехова поможет нам лучше узнать самих себя»³.

Заметим, что театральный фестиваль в Пекине получил название «Вечный Чехов» (или другой перевод: «Чехов навсегда»), которое отражало сосредоточенность его организаторов и участников на философском, общечеловеческом и общекультурном содержании произведений русского писателя. Во время театрального фестиваля китайские зрители смогли посмотреть также две версии «Вишнёвого сада», поставленные А. Бородиным и Линь Чжаохуа. Спектакль Московского театра юного зрителя был успешным, вызвал настоящую овацию. Режиссёр А. Бородин исследовал в своей постановке, как протекают и развиваются отношения между людьми, обитающими в пространстве красоты, выставленной на торги. На вопрос, почему китайцы с таким интересом отнеслись к Чехову, режиссёр ответил: «Я понял, что, как ни странно, Чехов для них не является каким-то далеким иностранным автором. Мне кажется, что между китайцами и русскими очень много общих точек, есть какое-то объединяющее нас чувство»⁴.

Об этом же писал известный чеховед Б. Зингерман: «В театральных героях Чехова воплощены лучшие свойства европейской ин-

³ Пьеса «Платонов» открывает фестиваль «Вечный Чехов» // <http://drama.anhuinews.com/system/2004/08/19/00071339.shtml> (перевод с китайского).

⁴ Последняя пьеса Чехова «Вишнёвый сад» показана в Пекине // http://news.xinhuanet.com/newscenter/2004-09/20/content_1995586.htm (перевод с китайского).

теллигенции, в то же время им присущи черты, достаточно чуждые европейскому характеру [Зингерман, 2001, с. 185]. Главное, что характеризует героев Чехова, — духовные искания и «созерцание смысла жизни», а это, безусловно, близко мироощущению восточного человека.

19 сентября 2004 года в пекинском театре был аншлаг: зрителей привлёк спектакль «Вишнёвый сад» на китайском языке. Постановщик пьесы Линь Чжаохуа предложил соотечественникам своё прочтение чеховского произведения, стремясь вписать элементы современности в классическое театральное произведение. Спектакли, поставленные Линь Чжаохуа, в Китае называют экспериментальными и авангардистскими. Сам режиссёр считает иначе: «Мое творчество не относится к авангардизму, порывающему с существующими нормами и традициями. Авангардистская драма — это творческая работа, отличающаяся своей оригинальностью и самобытностью. В своей работе я всегда придерживаюсь принципа «золотой середины». С самого начала моей карьеры режиссёра я не оставляю традиционную театральную драму, потому что у меня не хватает смелости предложить взамен какую-то действительно настоящую идею»⁵.

Пьеса «Вишнёвый сад», поставленная Линь Чжаохуа, имела успех, её играли 10 раз подряд вплоть до закрытия фестиваля. О концепции спектакля режиссёр писал позднее в «Беседах об интерпретации драмы Чехова»: «...Чехов в пьесе говорит о будущем всего человечества и в то же время ностальгирует по старой жизни. В «Вишнёвом саде» лирика всегда идёт немного позади: автор показывает читателю возможные потери человеческой культуры и нравственности, о которых нужно постоянно заботиться, приумножая их <...>. По-человечески хорошие и добрые мысли Чехова, проявленные в пьесе «Вишнёвый сад», действительно могут остановить быстрый и полный крах морали, Чехов никогда не отказывался от неумолимого стремления к вечной, истинной красоте <...> «Вишнёвый сад» вызывает в сознании людей именно то бесстрастное лицо нового времени со смешанными, сложными, а зачастую двуликими образами и чувствами. Запутавшись в прагматизме, материализме и развитии нравственного учения, читатель невольно находит в пьесе именно «свой» вишнёвый сад, который тотчас же становится для него настоящим символом человеческого духа — такой огромный, такой зелёный и по-настоящему живой. Автор через этот образ вишнёвого сада словно обращается напря-

⁵ http://culture.ifeng.com/popular/vanguard/200906/0604_4103_1188077.shtml (перевод с китайского).

мую к нам, современным людям, рациональным, эмоциональным и совестливым, побуждая нас серьёзно задуматься об истинных нравственных ценностях...»⁶.

Таким образом, решающим фактором верного восприятия и понимания чеховской пьесы «Вишнёвый сад» в спектакле был фактор времени. В современном литературоведении давно уже утвердилось мнение о том, что мотив времени — один из главных в чеховском творчестве: «Драматические персонажи Чехова живут в нескольких временных измерениях: стиснутые повседневностью, их душа чутко внемлет мгновенным впечатлениям бытия и распахнута вечности» [Зингерман, 1979, с. 117].

В июне 2009 г. Линь Чжаохуа показал свой спектакль «Вишнёвый сад» в Шанхайском драматическом театре на открытии сезона современной драмы. В этот раз в спектакле принял участие известный актёр Чжан И. Знаменитый режиссёр Гу Чжанвэй писал о художественном оформлении спектакля: «Сцена была оформлена оригинально. Актёры стояли под проволочным ограждением на высоте четырёх метров от земли при поддержке железного каркаса. Проволочное ограждение было покрыто жёлтой материей, чтобы показать пустынную атмосферу. В последнем действии, когда вишнёвый сад продан, все герои уже собрали вещи, на несколько секунд вдруг все замолкают и останавливаются, в этом неподвижном безмолвии усиливается свет, и сцена напоминает скульптурную картину»⁷.

Во время беседы со студентами Шанхайского театрального университета Линь Чжаохуа высказал своё мнение о сегодняшнем китайском театре: «В Китае нет традиции «разговорной драмы», мы не можем назвать ни одного оригинального классического драматического произведения. Китайская драма заимствована из Европы». Режиссёр с сожалением отметил: «Мы, подражая зарубежному театру, оставляем ценное сокровище — китайскую традиционную драму — без внимания»⁸.

Попытки синтеза традиционного китайского и европейского театра были сделаны уже в XX веке. Как отмечают исследователи, под влиянием Чехова и других авторов в это время «...в Китае складывается современная драматургия, разговорная драма хуацзюй.

⁶ Линь Чжаохуа. «Вишнёвый сад». Беседа об интерпретации драмы Чехова 1994–2010 (перевод с китайского).

⁷ Чжан И и Цзян Вэньли вместе показали известную чеховскую пьесу «Вишнёвый сад» // <http://Yule.sohu.com/20090429/n263687057.shtml> (перевод с китайского).

⁸ Се Чжэни. Режиссёр о «Вишнёвом саде»: «Чехов служит моему мышлению на сцене...» // http://culture.ifeng.com/popular/vanguard/200906/0604_4103_1188077.shtml (перевод с китайского).

Драматурги отходили от легендарных культурно-исторических сюжетов, учились у Чехова умению показывать повседневную жизнь, к тому же исполненную драматизма и лиризма» [Шен Хайтао, 2012, с. 284].

В 2008 году в Университете музыкальной драмы в сотрудничестве пяти факультетов университета (факультета режиссуры, актёрского, музыкального, сценографического, драматического факультетов) была переведена и показана пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад» в форме китайской оперы. Это была вторая попытка экспериментальной трактовки классики после постановки романа Виктора Гюго «Отверженные».

Режиссёр Жань Чжанцянъ рассказал о своём замысле в интервью, опубликованном в газете Института музыкальной драмы (2008). Жань Чжанцянъ считал, что опера «Вишнёвый сад» должна быть близкой к мышлению Чехова, поэтому было необходимо выявить динамику духовной жизни и поведения различных слоёв старого общества в переходный период.

В новой китайской опере «Вишнёвый сад» было изменено время действия: события происходят в конце правления династии Цин, в период образования Китайской Республики. В спектакле раскрывался конфликт между захудалым дворянством, зарождающейся буржуазией и прогрессивным мыслителем. Изображение среды имело яркий национальный колорит, в постановке достигалось единство стиля с китайской оперой. Оригинальные русские имена героев были заменены китайскими, чтобы их было легче произносить при исполнении оперы.

В этом спектакле есть танец мацзяна, который основан на распространённом развлечении китайцев — маджонге. Исполнение маджонга ритмизируется, формируется как особый танец, который становится важным элементом музыкальной драмы. Китайские традиционные танцы и местные диалекты способствовали успешности этого спектакля.

Проблема сохранения традиционной национальной драмы и развития новой драмы является актуальной для современного театра Китая. Восточная традиционная драма принадлежит к музыкальной драме, и это во многом отличает её от западной «разговорной драмы»: «Традиционная китайская драма относится, скорее, к музыкальным, нежели разговорным видам искусства. Хотя это и не опера в западном представлении, её развитие всегда шло в русле эволюции национальной музыки. Составными элементами китайской драмы в равной степени являются танец, диалог, пение и инструментальная музыка. Язык китайского театра представляет собой сочетание стихов и прозы, литературного и разговорного

стиля, причём за каждым компонентом закреплена определенная функция. Содержание пьес, порой весьма запутанное, составляют, как правило, темы и сюжеты, заимствованные из легенд и исторических хроник. Изображение происходящего далеко от реализма: декорации, за исключением задника, отсутствуют, реквизит сведён к минимуму, время и место действия трактуются произвольно. Истоки китайской драмы лежат в ритуальном танце и выступлениях придворных шутов»⁹. Самым распространённым и самым влиятельным театральным жанром в Китае является пекинская музыкальная драма (пекинская опера).

Китайская музыкальная драма имеет длительную историю, долгое время она занимала главное место на театральной сцене. В конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. в Китае насчитывалось 367 видов местных опер. Сегодня их 267, причём с некоторыми видами оперы выступает только один коллектив. Иными словами, 100 видов местной оперы уже прекратили своё существование, а многие находятся на грани исчезновения. Китайская традиционная музыкальная драма в настоящее время требует перестройки, обновления. Об этом писал известный режиссёр кукольного театра С.В. Образцов: «Стремление китайских драматургов и актёров применить европейскую форму драматического спектакля на китайской сцене естественно и закономерно возникло в результате двух побудительных причин, взаимодополнявших друг друга. Во-первых, «разговорная драма» давала возможность по-новому ставить и разрешать многие современные проблемы и ближе показывать людей сегодняшнего дня, а во-вторых, позволяла расширить репертуар китайских театров за счёт всего того, что создано мировой драматургией» [Образцов, 1957, с. 310]. С.В. Образцов в книге «Театр китайского народа» всесторонне оценил искусство китайского традиционного театра, включая народность сюжета, актёрское мастерство и сценическое искусство. Он хорошо понимал, что китайский театр отличается от европейского театра своими особыми средствами сценического воплощения, поэтому китайский и европейский театры не должны подменять друг друга.

В начале XXI в. в связи с расширением и углублением политики реформ и открытости, экономическим строительством, быстро развивающимся товарным хозяйством беспрецедентно расширяются китайско-иностранные экономические, технологические и культурные обмены: «Культура, в том числе и театр, претерпевают структурные изменения. Кроме этого, в социальной психологии, образе

⁹ Энциклопедия Кольера. Китайская драма // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5042/КИТАЙСКАЯ

жизни, образе мышления людей происходят огромные сдвиги. Эстетические и психологические потребности культурной жизни народа также претерпевают глубокие изменения»¹⁰.

Китайские режиссёры стремятся найти новый способ распространения чеховских пьес в Китае, не разрушив традиционную драму. Это оказалось сложной задачей: одновременно соответствовать требованиям современной мировой драматургии и вкусам китайских зрителей. В будущем, считают китайские театральные деятели, потребуется ещё много усилий для решения этой проблемы.

В 2010 г. в Китае торжественно отметили 150-летнюю годовщину со дня рождения А.П. Чехова. В Пекине, Шанхае, Чунцине, Кантоне, Ухане и других городах состоялись конференции и были организованы выставки, посвящённые жизни и творчеству Чехова. Многие газеты и журналы опубликовали статьи о чеховском наследии. В разных уголках страны демонстрировались советские фильмы — экранизации чеховских произведений.

В мае в Центральном театральном институте была поставлена пьеса А.П. Чехова «Три сестры». Студенты актёрского факультета исполнили этот классический спектакль в экспериментальной трактовке вице-президента института Лю Либина. Таким образом, зрители, видевшие популярный спектакль Линь Чжаохуа «Три сестры. — В ожидании Годо» в 1998 г., ещё раз могли оценить универсальность чеховского произведения. Любопытно, что, для того чтобы как можно больше жителей Китая смогли посмотреть этот спектакль, цену билетов снизили до 20 юаней.

В данной постановке начинающим актёрам удалось уловить главную специфику поэтики и атмосферы пьесы Чехова. По мнению критики, спектакль выдержан в стиле «психологического реализма»: каждый герой, каждая реплика и художественная деталь пронизаны глубоким пониманием и чувствованием жизни, её сущности, за каждой бытовой деталью ощущается бытие. А.П. Чехов стремился не только к новизне, но и к наибольшему приближению каждой сцены к формам самой жизни. Как художник-реалист, он старался воспроизвести какие-то новые стороны действительности. В этом и состоит основное мастерство Чехова, и актёрам удалось это уловить и передать. Погружаясь в мир постановки, мы чувствуем, как невербальное вербализуется и рождаются новые герои, которые ищут ответы на вечные вопросы¹¹.

¹⁰ Тянь Бэньсяна. Драма в новом периоде // http://www.xiju.net/view_con.asp?id=108 (перевод с китайского).

¹¹ См: Чжан Чжан Цзяньхуа. Антон Чехов в Китае // <http://www.china-voyage.com/2010/06/chexov-v-kitae/>

Режиссёр Лю Либин, создавший этот спектакль, писал: «А.П. Чехов является удивительным русским писателем, который знает и понимает психологию русского человека и жизни. Поэтому при постановке пьесы «Три сестры» необходимо было раскрыть специфику русского характера и качественные особенности русской души. Чехов говорит о том, что в каждом человеке всегда существуют глубокие духовные противоречия, а их преодоление, проживание и есть истинное бытие. В этом и состоит главная задача пьесы «Три сестры»¹². Лю Либин тонко уловил суть русской души, её противоречивые метания между добром и злом, тот «русский максимализм», который противоположен принципу «золотой середины» китайской ментальности.

В 2010 г. к 150-летию со дня рождения Чехова профессор Центрального драматического института Цзян Тао поставил пьесу «Три сестры» в театре Даина, предложив своё прочтение этой классической пьесы. Музыку для спектакля написал известный китайский композитор Самбо. Эта постановка имела большой успех уже после первого спектакля. Заметим, что «Три сестры» были первой постановкой «Группы художественного действия», основу которой составили выпускники факультета режиссуры института. Каждый актёр во время исполнения пьесы пытался «прожить» свою роль, внести в неё новые смыслы и обертоны. В результате получилась оригинальная интерпретация пьесы А.П. Чехова, в основе которой лежит диалог культур. Особенность этой интерпретации заключалась в удивительно тонком переплетении психологических особенностей русской души и китайского мирозерцания. Ключом к пониманию режиссёром драмы чеховских героев являлся знаменитый монолог одной из сестер, Ольги, в финале пьесы: «Пройдёт время, и мы уйдём навеки...».

Мы рассмотрели лишь некоторые особенности восприятия и сценической интерпретации пьес А.П. Чехова в современном Китае. Следует отметить стремление китайских режиссёров раскрыть психологию русского человека, интеллигента через призму восточной философии, восточного мирозерцания. Лучшие чеховские спектакли, поставленные в КНР в последние годы, свидетельствуют о том, что пьесы русского драматурга обогащаются энергетикой восточного созерцания, духовного спокойствия и величия духа, сохраняя при этом глубину и силу русской души.

Современный Китай сегодня переживает период бурного расцвета во всех сферах жизни, в том числе — театральной. Всё более актуальной становится проблема развития современной нацио-

¹² <http://ent.sina.com.cn/j/2010-08-29/18413068280.shtml> (перевод с китайского).

нальной драмы. Китайские режиссёры стремятся сохранить традиционный театр и одновременно обогатить его достижениями мировой драматургии, прежде всего, чеховской. Как считает Шен Хайтао, «важно то, что на основе чеховской драматургии была создана китайская «чеховская» модель театра, отличающаяся современными идеями и особым стилем» [Шен Хайтао, 2012, с. 281].

Китайские переводчики и исследователи в своем выборе всегда следовали таким принципам, как «духовность» и «классичность». Современные китайские театральные деятели придерживаются этих же принципов при постановке пьес А.П. Чехова, бережно относясь к тексту оригиналов, при этом предлагая новые интерпретации его драматургии.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 422 с.
Bahtin, M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 422 p. (in Russian).
- Ван Пу.* Чехов и «тенденция дедраматизации» китайской драмы // Вайго вэньсюе пинлунь. 1989. № 4. С. 111–114.
Van Pu. Chehov i «tendencija dedramatizacii» kitajskoj dramy [Chekhov and «the tendency of Chinese drama dedramatization»] // Vajgo vjen'sjue pinlun'. 1989. № 4. P. 111–114 (in Russian).
- Зингерман Б.И.* Очерки истории драмы XX века. М.: Наука, 1979. 392 с.
Zingerman, B.I. Oчерki istorii dramy XX veka [Essays on the history of the 20th century drama]. M.: Nauka, 1979. 392 p. (in Russian).
- Зингерман Б.* Театр Чехова и его мировое значение. М.: Наука, 2001. 521 с.
Zingerman, B. Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie [The Chekhov theatre and its global significance]. M.: Nauka, 2001. 521 p. (in Russian).
- Образцов С.* Театр китайского народа. М.: Искусство, 1957. 380 с.
Obrazcov, S. Teatr kitajskogo naroda [Theatre of the Chinese people]. M.: Iskusstvo, 1957. 380 p. (in Russian).
- Станиславский К.С.* Статьи, речи, беседы, письма. М.: Искусство, 1953. 520 с.
Stanislavskij, K.S. Stat'i, rechi, besedy, pis'ma [Articles, speeches, interviews, letters]. M.: Iskusstvo, 1953. 520 s. (in Russian).
- Хализов В.* Интерпретация // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
Halizev, V. Interpretacija [Interpretation] // Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar' / Pod obshh. red. V.M. Kozhevnikova, P.A. Nikolaeva. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1987. 751 s. (in Russian).
- Чжан Чжан Цзяньхуа.* Антон Чехов в Китае [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://www.china-voyage.com/2010/06/chexov-v-kitae/>
Chzhan Chzhan Czjan'hua. Anton Chehov v Kitae [Anton Chekhov in China] [Jelektronnyj resurs]. 2010. Rezhim dostupa: <http://www.china-voyage.com/2010/06/chexov-v-kitae/> (in Russian).

Шен Хайтао. Драматургия А.П. Чехова в Китае XX века: этапы восприятия / Шен Хайтао, Л.Д. Раднаева. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/dramaturgiya-a-p-chehova-v-kitae-hh-veka-etapy-vozpriyatiya.

Shen Hajtao. Dramaturgija A.P. Chehova v Kitae XX veka: jetapy vozprijatija [A.P. Chekhov's dramaturgy in China of the XX th century: stages of perception] / Shen Hajtao, L.D. Radnaeva. 2012. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: cyberleninka.ru/article/n/dramaturgiya-a-p-chehova-v-kitae-hh-veka-etapy-vozpriyatiya (in Russian).

А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и научн. ред. В.Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011. 695 с.

A.P. Chehov. Jenciklopedija [A.P. Chekhov. Encyclopedia] / Sost. i nauchn. red. V.B. Kataev. M.: Prosveshhenie, 2011. 695 p. (in Russian).

Н.Н. Шестакова Ди Франко,

преподаватель русского языка филологического факультета
Римского государственного университета «Ла Сапьенца»;
e-mail: natalia.chestakova@uniroma1.it

ЯЗЫК ПРАВА И ПЕРЕВОД

Право создаёт язык, и своеобразие языка права заключается в его глубинной диалектической сущности, граничащей с парадоксом. В нём взаимодействуют такие противоречивые категории, как универсальное и специальное, абстрактное и конкретное, однозначное и полисемичное, архаичное и новейшее, деонтическая модальность и объективная реальность, эмоциональная нейтральность и созидательный пафос, ясность и невнятность. Поэтому в преподавании юридического перевода нельзя ограничиваться изучением специальной терминологии, а применять системный, целостный подход к разрешению частных проблемных аспектов, неизбежно сопровождающих процесс переложения с одного языка на другой. Непременным условием успешного перевода как для преподавателей, так и для студентов представляется основательное знание юридических наук, по крайней мере, на уровне бакалавриата.

Ключевые слова: право, системный подход к переводу правовых документов, законодательство, грамматика и терминология права, юридический язык.

Natalia N. Shestakova Di Franco,

Lecturer at the Faculty of Arts and Philosophy, the University of Rome
“La Sapienza,” Italy; e-mail: natalia.chestakova@uniroma1.it

LEGAL LANGUAGE AND TRANSLATION

The law is created by language and the originality of legal language consists in its deep dialectic essence adjoining a paradox. Such contradictory categories as universal and special, abstract and concrete, unambiguous and polysemantic, archaic and modern, deontic modality and objective reality, emotional neutrality and creative pathos, clarity and indistinctness interact within the language. Therefore, it is impossible to limit teaching legal translation to studying special terminology alone. It is necessary to apply a systemic and comprehensible approach to solving particular problems that are inevitable in the process of translation from one language into another. A sine qua non for any successful legal translation is profound knowledge of jurisprudence, at least at the level of a bachelor's degree.

Key words: law, systemic approach, legislation, grammar and terminology of legal language.

В данной статье автор предлагает вниманию коллег результаты своих наблюдений над особенностями языка права и перевода правовых документов, исходя из непосредственного опыта, как юридического перевода, так и его преподавания².

1. Особенности языка права

Общепризнанное своеобразие и вытекающая из него сложность языка права для понимания вообще и для перевода в частности, обусловлена, на мой взгляд, его глубинной противоречивостью, а следовательно, и противоречивыми отношениями с другими специальными языками, которые отличает прагматизм, достоверность, информативность, логичность, точность и ясность. Отсюда и известная трудность при классификации его в рамках этой категории: так, известный итальянский переводчик и исследователь при отделении языкознания Триестинского университета Стефано Онделли, пытаясь найти наиболее точное определение языку права прибегает к метафоре — «меркуриева неуловимость» — отсылая нас тем самым к тайнам средневековой алхимии [Ondelli, 2007, p. 22].

Со времени появления в печати статьи «Грамматика права» (1811) известного немецкого правоведа Фридриха Карла фон Са-

¹ Il diritto è fatto di lingua. Ondelli S. *La lingua del diritto. Proposta di classificazione di una varietà dell'italiano*, Aracne editrice. Roma, 2007. P. 64–68.

² Соображения по поводу языка права и особенностях перевода юридических текстов родились во время моего участия в осуществлении весьма амбициозного проекта, который заключался в переводе и двуязычном издании нового Гражданского кодекса Российской Федерации. Руководителями этого проекта были доктора юридических наук: профессор частного права факультета политологии Римского университета «Ла Сапьенца» Джузеппе Патти и профессор аграрного права Университета Тусквии г. Витербо Мария Пия Раджоньери. С 2005 по 2007 г. был сделан черновой перевод всех принятых на тот момент частей Гражданского кодекса, за чем должен был последовать сопоставительный анализ текста, как на правовом, так и на языковом уровнях при сотрудничестве юристов и лингвистов и его обобщение. Было задумано также составление и издание итальянско-русского и русско-итальянского юридического словаря по гражданскому праву, чтобы заполнить зияющую лакуну в Италии в этой области, поскольку существует и по сей день только два юридических словаря: русско-итальянский под редакцией Томазо Наполитано, 1981 г. и итальянско-русский С.С. Прокоповича (20 000 терминов), изданный в 2007 г., которые не в состоянии удовлетворить потребности, возникающие как при юридическом переводе, так в процессе его преподавания. В 2002/03 учебном году автор провела курс юридического перевода в рамках программы Высших курсов иностранных языков «Перевод как межкультурное сотрудничество», осуществлённой на факультете гуманитарных наук Римского государственного университета «Ла Сапьенца».

вины, представителя исторической школы права³, эта тема в течение двух веков постоянно вызывала живейший интерес у самых видных учёных — юристов, философов и лингвистов — во всём мире. Наиболее интересные из них были собраны в Италии известными итальянскими исследователями в этой области Паоло Ди Лучиа и Уго Скарпелли и изданы отдельным томом в 1994 г. на итальянском языке под названием «Язык права»⁴; они (а также некоторые другие процитированные здесь работы) и послужили пищей к размышлению и материалом для формулировки приведенных ниже примеров диалектической сущности языка права:

— *специальная юридическая терминология versus универсальность языка права*

/нет областей в жизни правового общества, которые были бы недоступны правовой регламентации, что влечёт за собой теснейшую близость обычного языка и языка права: это сообщающиеся сосуды, которые постоянно взаимодействуют и взаимно обогащаются⁵; о феномене «юридизации» обычного языка пространно писал в своих трудах в области основанной им самим юрислингвистики сибирский профессор Голев [Голев, 2003]; теснейшая связь с другими специальными языками/;

— *однозначность versus многозначность*

/полисемия органически присуща языку права так же, как и другим естественным языкам, что обуславливает необходимость толкования юристом текста даже самой простой правовой нормы, многозначной по своей природе в целом и в частности/;

— *ясность, точность и внятность (которых требует от языка закона и общество, следуя просветительской традиции)*

versus

неопределённость, неясность и невнятность языка закона

/что вытекает из природной многозначности языка права и является залогом жизнеспособности права и его отдельных актов; закон — это компромисс между различными, часто диаметрально противоположными позициями политических сил; единый текст закона предназначен для применения к неисчислимому количеству конкретных частных случаев; принятый однажды закон при-

³ Savigny, von F.C. “Grammatica del diritto” in: Linguaggio del diritto, a cura di Uberto Scarpelli e Paolo Di Lucia, LED — Edizioni Universitarie di Lettere Economia Diritto. Milano, 1994. P. 55–59.

⁴ Ibid.

⁵ Carcaterra, G. “Norme costitutive”. Ibid. P. 219–233.

зван оставаться в силе на неопределённый период времени в будущем со всеми неизбежными переменами в жизни общества (*Lex prospicit, non respicit* — Закон смотрит вперёд, а не назад), отсюда желательное «косноязычие законодателя»⁶; язык закона не является ни полным, ни строгим, ни упорядоченным, вплоть до существования в нём явных антиномий, которые законодатель не намерен разрешать⁷;

— *архаический язык права, унаследованный от предыдущих эпох (напр., обилие латинизмов в языке итальянского права)*

versus

слова и терминология современности

(напр., появление новейших информационных технологий и необходимость упорядочения их в рамках права об интеллектуальной собственности);

— *объективная достоверность описательных частей закона*

versus

деонтическая модальность как основная модальность языка права

/основная цель языка права заключается не в описании реально существующей действительности, а в предписании, в стремлении к созданию действительности высшего порядка — к созданию общества добра и справедливости (*ius est ars boni et aequi*) согласно благородным принципам совершенного человеческого общежития; это — «животворящее слово»⁸; подобная убеждённость восходит к древним верованиям в сверхъестественные способности слова-заклинания⁹, что сыграло важнейшую роль в процессе становления права (напр., легисакционный процесс в древнем римском праве), а также в создании и изучении лингвистами XX в. категории перформативных¹⁰, конститутивных или экзекутивных¹¹ высказываний/;

— *эмоциональная нейтральность*

versus

пафос и поэтика языка права

⁶ Gavazzi, G. “Legislazione e linguaggio perfetto”. Ibid. P. 311.

⁷ Bobbio, N. “Scienza del diritto e analisi del linguaggio”. Ibid. P. 95–113.

⁸ Orestano, R. “La parola creatrice”. Ibid. P. 197–207.

⁹ Olivecrona, K. “Linguaggio giuridico e realtà”. Ibid. P. 147–187.

¹⁰ Austin J.L. (1962) How to do Things with Words, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.; Searle, J.R. (1989) ‘How Performatives work’, Linguistics and Philosophy, passim.

¹¹ Benveniste, E. “La filosofia analitica e il linguaggio” in Il Linguaggio del diritto. Ibid. P. 187–197.

/в стремлении создать идеальное общество справедливости, как было сказано выше, право воздействует на сознание человека, обращаясь не только к его разуму, но и к чувствам, используя разнообразные риторические и даже поэтические приёмы¹².

Так, при выражении уже упомянутой деонтической модальности язык права использует исключительно изъявительное наклонение, которое обладает большей силой убеждения, поскольку представляет идеальное общество людей как бы уже воплощённым в действительность/;

— *абстрактные теоретические конструкции (понятие юридической сделки в немецком частном праве; такие искусственные и произвольные приёмы, как правовая фикция и др.)*

versus

конкретные бесчисленные и самые разнообразные случаи, применяться к которым должны законы и т.д.

2. Практические аспекты юридического перевода (русский и итальянский языки)

Согласно общепринятому мнению, законодательство каждого народа представляет собой своеобразное, часто уникальное культурное явление, отражающее не только правовые, но и исторические, и географические особенности общества. Настолько же своеобразны и языки права разных стран, так что некоторые юристы даже высказывают мнение о принципиальной непереводаемости правовых документов¹³.

Тем не менее, в последнее время потребность в юридическом переводе постоянно возрастает и, на наш взгляд, существуют объективные предпосылки успешного юридического перевода с русского на итальянский и наоборот, которые в основном заключаются в следующем:

- общность государственной власти, а именно, правовое государство;
- общность правовой системы, а именно, романо-германская правовая семья;
- сходное использование языковых средств, а именно, преимущественно высокого стиля, что соответствует сходному отношению к праву:

¹² О поэзии права писал ученик Савиньи Якуб Гримм в 1816 г. (Von der Poesie im Recht); изучением символизма юридических ритуалов занимались и Савиньи, и Гримм в Германии в свете романтической юриспруденции и Жюль Мишле во Франции. См.: *Marini, G.* Il parallelo tra diritto e linguaggio nella giurisprudenza romantica, in сборнике *Il Linguaggio del diritto*. Ibid. P. 13.

¹³ *Sacco, R.* “La traduzione giuridica”. Ibid. P. 475–491.

— верховенство закона признано во всех аспектах общественной жизни;

— сходным является и стремление законодателя — по требованию гражданского общества — к ясности, точности и объективности.

Тем не менее, будущий переводчик должен научиться преодолевать препятствия самого разнообразного языкового характера, меняя переводческую стратегию и тактику, в основе которых лежат, ставшие каноническими, следующие переводческие приёмы: **замена, перестановка, добавления и опущения.**

2.1. Лексико-терминологические аспекты

В практике юридического перевода¹⁴ неизбежно сталкиваешься с некоторыми из приведённых ниже трудностей:

— **неоднозначность терминов.**

Так, к примеру, полисемия русского слова *заключение* требует при переложении на итальянский язык употребления разных терминов в зависимости от контекста:

<i>заключение</i> мира	<i>conclusione della pace</i>
<i>заключение</i> договора	<i>stipulazione del contratto</i>
<i>заключение</i> брака	<i>contrazione del matrimonio</i>
<i>заключение</i> под стражу	<i>carcerazione,</i> <i>messa in stato di fermo</i>
<i>предварительное заключение</i>	<i>detenzione preventiva</i> <i>custodia cautelare</i>
<i>пожизненное тюремное заключение</i>	<i>reclusione a vita, ergastolo</i>
<i>заключение</i> эксперта	<i>parere di esperto, perizia</i>
<i>заключение</i> прокурора	<i>conclusioni, richieste del</i> <i>procuratore</i>

— **термины, неразрывно связанные с определённой юридической культурой** (напр., *земство*, *Земский собор*, *Дума*, *мир* (крестьянская община), *Генеральная прокуратура* и др. в русском обиходе, или — в итальянском — *delitto d'onore*, так называемое «убийство чести»),

¹⁴ В основу представленных примеров положен язык текстов законодательных актов (законы, регламенты, международные и наднациональные нормы, договоры и т.д.), переводом и преподаванием перевода которых автор непосредственно занимался; две другие категории юридических текстов — практика применения законов (процессуальные акты, жалобы, судебные решения и т.д.); доктринальное толкование права (учебники, монографии, акты научных симпозиумов, статьи в научных изданиях, очерки, комментарии и т.д.) не принимались во внимание. В тематическом плане вышеназванные тексты относятся к сферам публичного (конституционное право), гражданского и международного публичного и частного права.

известное по фильму Пьетро Джерми «Развод по-итальянски» и отменённое в Италии только в 1981 г.;

— **значимое наличие обычных слов**, часто принимающих иное значение в языке права; так, подвергаются ресемантизации такие слова, как *закон, человек, вещь, владение, несостоятельный, беженец, образование (муниципальное) и т.д.*; в итальянском юридическом языке слово *citazione*, *цитата*, приобретает значения: *вызов в суд и порок*;

— **наличие терминов, относящихся к другим специальным языкам** (терминология научных отраслей: *финансов и экономики, медицины и информатики и т.д.*);

— **употребление специальных терминов** в обычном языке, как в прямом, так и в переносном значении (*алиби, наказание, амнистия*);

— **архаический язык** (в частности, латинизмы в итальянском языке) и т.д.

2.1.1. Язык русских юридических текстов изобилует абстрактными, часто книжными или архаичными терминами (*отпращивание от должности destituzione, обременение gravame, изъятие espropriazione, попечительство patronato, истребовать esigere, воспрепятствовать impedire, сопряжение vincolo, отобрание confisca* и т.д.). С 90-х гг. прошлого века, в связи с известными эпохальными переменами, имел место любопытный феномен, давно уже ставший предметом исследования лексикографов: в русский язык права вернулись из дореволюционного прошлого многочисленные термины одновременно с возвращением в современную жизнь и соответствующих им реалий. Так, обрели второе дыхание такие слова и понятия, как частная собственность со всеми сопутствующими ей терминами, напр.: *право собственности diritto di proprietà, вещные права diritti reali, acquisto del diritto di possesso, владение, пользование и распоряжение собственностью il possesso, l'uso e la disposizione della proprietà, приобретательная давность usucapione, обременение сервитутом зданий и сооружений gravame di servitù di edifici e fabbricati, выкуп земельного участка riscatto di un fondo, изъятие собственности confisca della proprietà, судебный пристав ufficiale giudiziario, продажа с аукциона vendita all'asta; акционерное общество società per azioni, товарищество собственников жилья condominio, солидарные обязательства obbligazioni in solido, залог cauzione, поручительство fideiussione, ипотека ipoteca, сделка negozio и т.д.*

Как справедливо отмечает в интересной и своевременной монографии «Русский язык в движении» профессор русского языка Римского университета «Рим III» Клаудиа Ласорса, в русском языке экономики и, прежде всего, в финансовой и банковской терминологии — издавна, а тем более сегодня — преобладают итальянизмы:

*инфляция, индексация, картель, индоссант, индоссат, индоссамент, аксепт, аксептант, тратта, авизо, инкассо и т.д.*¹⁵

2.1.2. Как уже упоминалось, в итальянском языке права часто наблюдается излишнее, граничащее со злоупотреблением, использование латинских слов и выражений, что вызывает справедливые нарекания со стороны гражданского общества. Вот лишь малая доля бесчисленных, дошедших до наших дней свидетельств юридической традиции, которая берёт своё начало в римском праве:

<i>ab origine</i>	<i>с самого начала</i>
<i>ad hoc</i>	<i>специально</i>
<i>ad diem</i>	<i>до дня</i>
<i>ad interim</i>	<i>временно исполняющий обязанности</i>
<i>ad libitum</i>	<i>по желанию</i>
<i>ad personam</i>	<i>лично</i>
<i>a prima facie</i>	<i>на первый взгляд</i>
<i>brevi manu</i>	<i>скоро, безотлагательно</i>
<i>conditio sine qua non</i>	<i>необходимое условие</i>
<i>corpus delicti</i>	<i>состав преступления</i>
<i>ergo</i>	<i>следовательно</i>
<i>ex aequo</i>	<i>наравне</i>
<i>fumus persecutionis</i>	<i>подозрение в преследовании</i>
<i>ibidem</i>	<i>там же</i>
<i>idem</i>	<i>то же</i>
<i>inter nos</i>	<i>между нами говоря</i>
<i>ius sanguinis</i>	<i>юс сангвинис, право получения гражданства лицам, только лицам, имеющим расовые, языковые и этнокультурные черты титульной нации</i>
<i>ius soli</i>	<i>юс соли, право получения гражданства, родившимся на территории данного государства</i>
<i>qui pro quo</i>	<i>путаница</i>
<i>stricto</i>	<i>sensu в узком смысле</i>
<i>status quo</i>	<i>существующее положение вещей</i>
<i>una tantum</i>	<i>одновременная мера</i>

2.2. Морфосинтаксические аспекты

Нисколько не умаляя значения специальной юридической терминологии, нельзя сводить к её изучению весь процесс обучения переводу: напротив, необходимо сопоставлять языки права двух стран во всей их целостности и своеобразии. Нельзя упускать из

¹⁵ Lasorsa Siedina, C., Benigni, V. Il russo in movimento. Un'indagine socio-linguistica, Bulzoni Editore Roma, 2002, P. 109–110.

виду ни на миг то, что все лексико-терминологические и морфосинтаксические элементы обоих языков являются органической частью единого целого.

2.2.1. Общеизвестно, что требование предельной точности ведёт к преобладанию **имени** над глаголом в обоих языках и обуславливает именную характер предложений, составляющих правовые акты. Причём **имя существительное** предстаёт, прежде всего, как абстрактное, отглагольное и сложное, что естественно вытекает из объективности и безличности юридических текстов.

Весьма многочисленные сложные существительные — наследие старинной переводческой традиции, сложившейся при перевождении греческих текстов со времени принятия христианства на Руси и оказавшей решающее влияние на формирование книжного языка вообще и языка права в частности. Чаще всего их передача на итальянский язык требует употребления разнообразных сочетаний — прилагательно-именных или глагольно-именных — в соответствии со значением того или иного термина:

правосознание	<i>coscienza giuridica</i>
правопреемство	<i>successione nei diritti</i>
правопорядок	<i>ordinamento giuridico</i>
правоспособность	<i>capacità giuridica</i>
дееспособность	<i>capacità di agire</i>
правомерность	<i>liceità</i>

Характерно и соединение имён существительных в длинные цепочки однородных членов при обилии сложных отымённых предлогов (*в связи с, в соответствии с, с целью, согласно и др.*). Весьма часто они употребляются и в составном именном сказуемом. Вот характерный пример из Главы I Гражданского кодекса РФ: «Статья 1. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты». При переводе на итальянский язык представляется возможным сохранить почти без изменений подобное построение предложения: *La legislazione civile è basata sul riconoscimento della parità dei partecipanti ai rapporti da essa regolamentati, l'inviolabilità della proprietà, la libertà contrattuale, l'inammissibilità di intromissione negli affari privati, la necessità di un esercizio incontrastato dei diritti civili, la garanzia del ripristino dei diritti violati e della loro difesa in sede di giustizia.*

2.2.2. Вызовет несомненный интерес у иностранных учащихся специфическое управление, которое иногда наблюдается в правовых документах, составленных на русском языке. Вот некоторые любопытные примеры:

– явка **с повинной** — *presentazione spontanea*

– передача дела **от органа** дознания, а не **из органа** дознания, *trasmettere una pratica dall'organo istuttorio*, поскольку лицо, производящее дознание, грамматически отождествляется с органом, производящим дознание. В юридических документах действуют не конкретные люди, а абстрактные лица как обобщённые носители определённых полномочий, исполнители определённых функций, представители государства, как напр., судья, следователь, прокурор и т.д.;

– глагол **осудить**, *condannare* с обычным управлением **кого за что?**, *condannare qcd a qc*, изменяет управление на **к чему?** — при осуждении **к лишению свободы**, *alla condanna alla privazione della libertà*;

– приговор **к чему?** — *condanna a qc*, напр., приговор к лишению свободы, *condanna alla privazione della libertà*.

Можно привлечь внимание студентов и к специфическому употреблению однородных членов: слова неоднородные, понятия несопоставимые и разные члены предложения могут соединяться в том случае, если они выполняют уточняющую функцию: «Те же деяния, совершенные **неоднократно** или **лицом**, ранее совершившим преступление... » (*Gli stessi atti compiuti ripetutamente oppure da una persona che ha già commesso precedentemente un reato...*).

2.2.3. В том, что касается **глагола**, он употребляется в основных грамматических значениях: лицо (3-е), время (настоящее), модальность (изъявительное наклонение), залог (пассивный); в безличных и неопределенно-личных формах; часто употребляется в ослабленном лексическом значении; в неопределённой форме причастия и деепричастия.

Деепричастный оборот встречается реже, чем причастный, чаще всего выполняет вводящую функцию и употребляется в начале абзаца, соответствуя теме и мотивируя принимаемое решение: что в итальянском языке чаще всего соответствует **причастию прошедшего времени (participio passato)**:

заслушав мнение

sentito il ministro, il parere

исходя из

fatto salvo / fermo restando

принимая во внимание

considerato

рассмотрев

visto

руководствуясь ст. УК РФ

in conformità del Codice Penale della FR

учитывая

tenuto conto

2.2.4. Интересно заметить, что предписывающая, деонтическая тональность юридических текстов озвучивается будущим временем изъявительного наклонения, которое употребляется в функции императива. В рекомендациях по составлению правовых актов в Италии предлагается исключить почти полностью употребление глагола в повелительном наклонении, заменяя его так называемым **futuro iussivo** [Ondelli, 2007, p. 79]: I candidati si presenteranno alle ore... *Участники конкурса приходят к... часам;*

Le imprese interessate faranno pervenire la propria offerta... *Заинтересованные в тендере компании представляют свои предложения...*

Il dichiarante vorrà indicare... *Составитель заявления указывает...,*
и т.п.

2.2.5. Отличительными чертами *синтаксиса*, также служащего цели достижения объективности, являются следующие:

– сложносочинённые и сложноподчинённые предложения со многими придаточными чрезвычайной длины; это приводит к тому, что в русском языке права превалирует ипотаксис с использованием целого ряда сложных союзов;

– активный и пассивный залого, в соотношении которых наблюдается явный крен в сторону последнего;

– обилие вводных слов и предложений;

– отрицание и двойное отрицание и т.д.:

– безличные и неопределённо-личные предложения;

– прямой порядок слов с последовательной сменой тем и рем;

– осложнение причастными и деепричастными оборотами.

При этом отдаётся предпочтение следующим местоимениям и союзам:

относительные:

который, что *che, cui, il quale;*

временные:

когда *quando, mentre, come, prima, appena, finché, che dopo che, prima che, ogni volta che, fino a che, fin quando, da che, intanto che, ora che*

причинные:

поскольку *perché, siccome, poiché, giacché;*

цели:

для того, чтобы *affinché, in modo che, al fine di, allo scopo di*

уступительные:	
хотя	<i>malgrado, nonostante, benché, seppure, sebbene;</i>
условные:	
если	<i>se, qualora, ove, laddove, ammesso che, supposto che, a condizione che purché, nel caso che e a patto che / di</i>

и т.д.

Безличные и пассивные предложения, как уже упоминалось, являются неотъемлемой частью языка, которым написан и Гражданский кодекс РФ, и Гражданский кодекс Италии. Вот некоторые примеры:

Стороны не вправе требовать возвращения того, что **было исполнено ими** по обязательству... *Le parti non hanno diritto di esigere la restituzione di quello che è stato da esse adempiuto in conformità dell' obbligazione.*

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, обязанность продавца **считается исполненной** в момент...

Se non altrimenti previsto dal contratto di compravendita, l'obbligazione del venditore è considerata adempiuta nel momento...

Договор аренды предприятия **заключается** в письменной форме путём составления одного документа, подписанного сторонами...

Il contratto di affitto di un'azienda viene stipulato in forma scritta tramite stesura di un unico documento firmato dalle parti...

2.2.6. И наконец, заслуживает внимания даже пунктуация правовых актов (со школьной скамьи известно речение *казнить нельзя помиловать*¹⁶, смысл которого при помощи только одной-единственной запятой можно кардинально изменить) поскольку постановка знаков препинания в обоих языках различна: русский придерживается правил логико-синтаксической, восходящей к немецкому образцу, системы, итальянский, как и другие романские языки, — просодико-фонетической.

2.2.7. Нельзя обойти вниманием и точную передачу многочисленных сокращённых буквенно-цифровых обозначений: *следует строго*

¹⁶ В итальянской традиции подобному явлению соответствует следующее латинское выражение: *Porta patens esto. Nulli claudatur honesto*, восходящее к XVI в. Фра' Мартино, аббат монастыря в тосканском местечке Азелло, приказал высечь над входом в обитель эти слова: *Всем честным людям — врата настежь!* Но из-за неправильно поставленной точки, смысл стал совершенно противоположным: *Porta patens esto nulli. Claudatur honesto. Всем честным людям — врата на замок!* За что фра' Мартино поплатился саном настоятеля: *uno pro puncto caruit Martinus Asello.*

разграничивать и соблюдать правила, принятые в каждом из языков. Это распространяется также на использование прописных и строчных букв, дефисов и тире, кавычек, точек и запятых и т.д.

2.2.8. Краткость, компактность изложения требует экономного использования языковых средств, напр., аббревиатур в обоих языках, однако, этот приём используется отнюдь не одинаково и не симметрично. К примеру:

УК	Codice penale
ГК	Codice Civile
ГПК	Codice di procedura civile
УПК	Codice di procedura penale
ФЗ	Legge Federale
D.P.R.	Указ Президента Республики
Corte cost.	Конституционный суд
Disp.att. (Disposizioni attuative)	нормы, регулирующие порядок применения закона
ст. —	art. (ед. ч.) / artt. (мн. ч.)

Недопустимо небрежное отношение к подобного рода условностям при переводе с иностранных языков на русский и бездумное внедрение чужеродных элементов в ткань русскоязычного текста. И речь идёт не только о соблюдении всех без исключения правил русского языка, о грамотном во всех отношениях и безукоризненном переводе, но и необходимости «оградить русский язык и его носителей от чуждого и губительного для основополагающих особенностей их восприятия, внутриязыковой логики, глубинных закономерностей языкового мышления» на основе разумного консерватизма, как утверждает М.А. Орёл на страницах журнала «Мосты»¹⁷.

2.2.9. И наконец, в том случае, если возникают проблемы перевода в связи с отсутствием их в одном из языков как в диахроническом, так и синхроническом аспекте, необходимо обратиться к приёмам транслитерации, калькирования, описательного перевода или создания неологизмов, как видно из приведённых ниже примеров передачи подобных терминов с русского на итальянский:

Крепостное право	servitù della gleba (дословно «земельное рабство»)
правоохранительные органы	“organi per la tutela del diritto”
Советы	Soviet/consigli
советский	sovietico; dei Soviet

¹⁷ Орёл М.А. Нанофилология, или Бывают ли мелочи в переводе // Мосты. 2011. № 4 (32). Р. 42.

указ	ukaz, editto
постановление, декрет	delibera, decreto, sentenza della Corte Costituzionale
и, наоборот, с итальянского на русский:	
vendetta barbaricina	«Кодекс вендетты» на Сардинии (по названию местности Барбаджа, <i>Barbagia</i>)
decreto legge	«декрет-закон»
decreto legislativo	«законодательный декрет»
D.P.R. — decreto del Presidente della Repubblica	постановление президента Итальянской Республики.

3. Заключительные замечания

В данной работе автор ставил перед собой цель, прежде всего, поделиться с коллегами восхищённым интересом к языку права: в нём воплотилось стремление народов создать как можно более справедливое общество силой слова. Отнюдь не претендуя на исчерпывающее изложение особенностей юридического языка и трудностей, возникающих при переводе правовых актов, он выражает надежду, что это исследование в практическом разрезе станет полезным тем, кто переводит, и тем, кто учит переводить.

Список литературы

- Алексеев С.С.* [и др.]. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. С.А.Степанова. М.: ТК Велби: Екатеринбург: Институт частного права, 2006. 1072 с.
- Alekseev, S.S.* [i dr.]. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj), [The comment to the Civil code of the Russian Federation (itemized)] / Pod red. S.A. Stepanova. M.: TK Vélbi: Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2006. 1072 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2001. 281 с.
- Alekseeva, I.S.* Professional'nyj trening perevodchika. Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej, [Professional training of the translator. The manual on interpretation and translation for translators and teachers]. SPb., 2001. 281 p. (in Russian).
- Голев Н.Д.* Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики // Голев Н.Д. Право и лингвистика. Мат-лы науч.-практ. конф. Симферополь; Ялта, 2003. 127 с.
- Golev, N.D.* Vzaimodejstvie estestvennogo i juridicheskogo jazyka kak bazovaja problema jurislignvistiki [Interaction of natural and legal language as basic

- problem of a yurislivistika] // Golev N.D. Pravo i lingvistika. Mat-ly nauch.-prakt. konf. Simferopol'; Jalta, 2003. 127 p. (in Russian).
- Austin J.L.* How to do Things with Words, Harvard University Press. Cambridge Massachusetts, 1962. 22 p.
- Casertano, L.* Il linguaggio giuridico russo // Pozzo, B., Timoteo, M., Europa e linguaggi giuridici, Giuffrè. Milano, 2008.
- De Mauro, T.* Oscura lex sed lex? Riflettendo sul linguaggio giuridico // Beccaria, G.L., Marelllo, C., La parola al testo. Scritti per Bice Garavelli Mortara, Edizioni dell'Orso. Milano, 2002.
- Di Lucia, P., Scarpelli, U.* Il linguaggio del diritto. Milano, LED Zanichelli, 1994. 500 p.
- Iudica G., Zatti P.* Linguaggio e regole del diritto privato. 2002. CEDAM, Padova. 680 p.
- Ondelli, S.* La lingua del diritto. Roma, Aracne Editore, 2007. 138 p.
- Searle, J.R.* How Performatives work // Linguistics and Philosophy. 1989. 12. P. 535–558.

Журналы

- «Мосты», журнал переводчиков. М.: ООО Р. Валент, 2011. № 4. 80 с.
- «Mosty» [Bridges], zhurnal perevodchikov. M., ООО R. Valent, 2011. № 4. 80 p. (in Russian).

Словари

- Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, М., 2002. 704 с.
- Bol'shoj juridicheskij slovar' [Big legal dictionary] / Pod red. A.Ja. Suhareva, V.E. Krutskih. M., 2002. 704 p. (in Russian).
- Караулов Ю.Н.* Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа, 1997. 721 с.
- Karaulov, Ju.N.* Russkij jazyk. Jenciklopedija. [The Russian Language. Encyclopedia]. M.: Drofa, 1997. 721 p. (in Russian).
- Прокопович С.С.* Итальянско-русский юридический словарь. Dizionario italiano-russo del linguaggio giuridico, М.: Руссо, 2007, 384 с.
- Prokopovich, S.S.* Ital'jansko-russkij juridicheskij slovar'. M.: Russo, 2007. 384 p. (in Russian).
- Napolitano, T.* Vocabolario giuridico russo-italiano. Milano Dr. A. Giuffrè Editore. 1981. 186 p.

РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ, ОБЗОРЫ

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ПЕРЕВОДУ В СЕРИИ «HIERONYMUS»: Ф.Д. БУНЯТОВА. «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Учебное пособие «Международное право. Частное право», подготовленное кандидатом юридических наук преподавателем Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова Ф.Д. Бунятовой, предназначено для обучения студентов как языковых, так и юридических факультетов вузов, которые обучаются по направлениям «лингвистика», «перевод и переводоведение», «юриспруденция», «правоведение», изучающих английский язык в качестве как первого, так и второго иностранного языка.

Пособие носит исключительно практический характер и потому особенно полезно будет тем студентам, которые планируют стать профессиональными переводчиками в юридической сфере либо будущим юристам, чья профессиональная деятельность будет связана с работой за рубежом, либо с иностранными коллегами/клиентами.

Ввиду преимущественно практического характера, в настоящем пособии в максимальном сжатом виде подаются теоретические основы предмета — в виде систематизации терминологии, основной упор делается на терминологию и отработку навыков её использования в русском и английском языках.

Среди несомненно сильных сторон пособия следует выделить его структуру. Пособие делится на два раздела: «Международное право» и «Частное право», каждый из которых делится на 5 глав. Так, в первом разделе имеются следующие главы:

1. Понятие международного публичного права.
2. Юрисдикция государства.
3. Международные организации.
4. Разрешение международных споров.
5. Международное право в области прав человека.

Второй раздел состоит из следующих глав:

1. Договорное право.
2. Перевозка товаров.
3. Купля-продажа товаров.
4. Вещное право.
5. Право, регулирующее деятельность юридических лиц.

Таким образом, учебное пособие охватывает основные сферы юридической деятельности.

Каждая глава или unit, как это принято называть в учебниках по английскому языку, также имеет чёткую структуру, способствующую всестороннему усвоению материала. В начале каждой главы идёт лексический минимум, представленный английскими словами и словосочетаниями, и их эквиваленты в русском языке. Поскольку юридические тексты клишированы и шаблонны, подобная подача материала оказывается эффективной. В лексическом минимуме представлена как собственно юридическая терминология, так и словосочетания, содержащие термины, а также названия международных организаций и соответствующие акронимы. Следует также отметить, что лексика снабжена ссылками на источники, откуда она заимствована, особенно это касается деятельности международных организаций.

Во втором пункте главы автор пособия предлагает учащимся дать определения терминов, реалий на русском языке. Таким образом, проверяется, насколько студент усвоил теоретический материал.

Третий пункт главы — упражнение на английском языке, целью которого является нахождение соответствия между терминами и его определения. Определения даны в хаотичном порядке, и их нужно соотнести с терминами по смыслу.

Упражнение четвёртого пункта главы нам кажется особенно важным с точки зрения теории и практики перевода: в нём предлагается отыскать эквиваленты терминам, словосочетаниям и иным фрагментам текста в данных текстах и их переводах. Такой вид задания, несомненно, способствует лучшему усвоению материала и достижению поставленных целей.

Пункт № 5 представляет собой задание по переводу фрагментов юридических текстов на английский язык, а в следующем, шестом пункте — перевод фрагментов английских юридических текстов на русский язык.

Наконец, завершающее задание каждой главы — студентам предлагается написать свои фразы, используя заданные словосочетания и термины.

Таким образом, каждая глава оказывается удачно структурированной, что повышает шансы на быстрое усвоение материала курса и проявлять к данной области постоянный интерес. Следовательно, структура данного учебного пособия отвечает дидактическим и методическим требованиям преподавания учебной дисциплины.

Учитывая сжатость подачи материала, пособие может быть использовано как для обучения студентов дневной формы, так и для

обучающихся по программам дополнительного или второго высшего образования.

На наш взгляд, учебному пособию не хватает в столь же сжатом виде теоретических основ по каждой главе, с тем, чтобы студент мог в доступной форме проконсультироваться с материалом в случае непонимания или ошибок. Однако мы можем предположить, что настоящее учебное пособие в будущем станет приложением к разрабатываемому теоретическому учебному пособию по практике юридического перевода, где будет излагаться более подробно материал на вышеназванные темы. Также хотелось бы увидеть развитие данного учебного пособия, в котором бы освещались неохваченные в данном вопросе сферы юридической деятельности, например, уголовное право. Также целесообразно было бы в более подробной форме подавать лексический материал, демонстрируя сочетаемость терминов.

Указанные замечания ни в коем случае не снижают высокой оценки данному пособию, оно будет широко востребовано как юридическими факультетами российских вузов, так и факультетами и институтами перевода, поскольку юридический перевод редко преподаётся в качестве самостоятельной дисциплины.

Ушаков С.Г.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ПО ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КАДРОВ КИТАЯ

С 12 по 13 декабря 2015 года в Пекине прошёл Международный форум по обучению и переподготовке китайских профессиональных переводчиков. В работе Форума приняли участие более 350 специалистов в области перевода и подготовки переводчиков из разных стран мира.

Форум был организован Китайским международным объединением издательств (CIPG) и Китайской академией перевода. Главная тема Форума — «Постоянное послевузовское образование, повышение квалификации и профессиональная переподготовка устных и письменных переводчиков». На Форуме развернулась широкая научная дискуссия по вопросам развития системы подготовки устных и письменных переводчиков с целью формирования предложений по совершенствованию профессиональных навыков специалистов в этой специфической области межъязыковой и международной коммуникации.

Одним из центральных направлений работы Форума стало обсуждение структуры знаний и развития потенциала переводчиков. Лейтмотивом дискуссии звучала проблема совмещения требований, предъявляемых к выпускникам вузов профессиональным сообществом, с целями и задачами обучения и переподготовки переводчиков.

На пленарном заседании форума выступили приглашённые докладчики: директор Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, вице-президент Постоянного международного совета университетских институтов перевода (CIUTI) профессор Н.К. Гарбовский (Россия); президент Европейского общества исследователей перевода (EST) профессор университета Таррагоны (Испания) Энтони Пим (Anthony Pym); почётный президент Постоянного международного совета университетских институтов перевода (CIUTI) профессор Женевского университета (Швейцария) Ханнелора Ли-Янке (Hannelore Lee-Jahnke), вице-президент Международной ассоциации переводчиков международных конференций (АПС) переводчик Международного уголовного суда в Гааге (Нидерланды) Эндрю Констебл (Andrew Constable), вице-президент Китайской академии перевода профессор Монтерейского института международных исследований (США) Бао Чуаньюнь.

Участие в работе Форума руководителей государственных структур КНР, департаментов международных организаций, профессиональных

переводческих объединений, директоров школ перевода университетов Китая свидетельствовало о том, какое значение придаётся сегодня подготовке переводчиков — посланников и популяризаторов китайской культуры во всех уголках мира.

На Форуме отчётливо была выражена озабоченность руководства страны подготовкой переводчиков. Концепции развития современного Китая «один пояс и один путь» предполагает, как известно, пять взаимосвязанных составляющих: политическая согласованность, единая инфраструктура, торговые связи, валютно-финансовые потоки, гуманитарное общение. На основе этой концепции возможно полномасштабное практическое сотрудничество, взаимное политическое доверие, экономическая интеграция, культурная толерантность. На всех маршрутах «одного пути» проводниками нередко оказываются именно переводчики, от их готовности к выполнению сложных задач межкультурной коммуникации зависит успех претворения в жизнь концепции «одного пояса и одного пути». Китай с готовностью перенимает опыт подготовки профессиональных переводчиков других стран, в частности, России, стран Европы и США.

Выступая на пленарном заседании Форума с докладом на тему «Новые вызовы дидактике перевода в начале XXI века» директор Высшей школы перевода МГУ Н.К. Гарбовский, в частности, отмечал, что новое тысячелетие бросило новые вызовы системе подготовки профессиональных переводчиков. Эти вызовы можно разместить в трёх плоскостях: общечеловеческие процессы, затрагивающие как профессию, так и подготовку профессионалов; новые условия профессиональной переводческой деятельности (устный и письменный перевод), технологические инновации; новые условия подготовки переводчиков. В современном мире всё более отчётливо вырисовываются контуры глобализации экономических, политических, правовых и отчасти образовательных процессов. Глобализация неизбежно предполагает унификацию средств речевой коммуникации. В международном общении английский язык уверенно завоевывает позиции доминирующего инструмента коммуникации и выступает как некий «всеобщий язык» в самых различных сферах общения. Стремление к языковой унификации для упрощения коммуникации в международном общении порождает не меньшее по силе стремление народов к сохранению своей языковой и культурной самобытности, стимулирует рост национального самосознания. Но стремление к сохранению языковой и культурной самобытности никоим образом не означает замкнутость в своём мире и отказ от познания и ассимиляции «чужого». Дать возможность людям познать многообразие «чужого» мира — это важнейшая общественная функция переводческой деятельности во все исторические эпохи, которая приобретает особую ценность в современных условиях. Познание «чужого» через перевод — это дорога с двусторонним движением. Нация не только

стремится познать и ассимилировать «чужое», но и представить и объяснить «себя», таинства «своей» культуры представителям «чужого» мира. Движение в этом направлении, также являющееся одним из средств сохранения культурной самобытности через перевод на фоне стремительного марша мирового сообщества к глобализации вызывает к жизни и активизирует политические процессы, долгое время находившиеся в латентном состоянии, а именно, государственную поддержку переводческой деятельности и публикаций произведений «своей» литературы на языки других народов.

В докладе приглашённого доцента Высшей школы перевода МГУ Костиковой О.И. «Оценка перевода: от обучения к профессии» был поднят острый вопрос о критериях определения компетенций переводчиков.

Одной из самых обсуждаемых в переводческих академических и профессиональных кругах темой традиционно является оценка перевода. Необходимость отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межкультурную коммуникацию в международных организациях, крупных компаниях, востребованность программ подготовки переводчиков в вузах, многоуровневая структура высшего образования с внедрением компетентностного подхода выводит обсуждение этой проблемы на новый уровень. Большое количество программ (основных и дополнительных) подготовки и переподготовки переводчиков в вузах, учебных центрах и т.п. не решает проблемы, а в профессию приходят люди, чей набор компетенций и уровень их освоения далеко не одинаков. Возникает парадоксальная ситуация: конкуренция в сфере переводческих услуг усиливается, но квалифицированные переводчики очень востребованы и их приходится искать. Необходимость отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межкультурную коммуникацию в международных организациях, крупных компаниях, органах социальной и правовой сферы выводит на первый план вопрос о наличии системы критериев для такого отбора. Но основной проблемой является не отсутствие критериев, и не их не универсальный характер, а скорее неясность или субъективность их применения, с одной стороны, и необходимость чётко представлять себе цели оценки, с другой.

Перед современной дидактикой перевода стоят задачи разработки системы оценки профессиональной компетентности, которая сочетала бы в себе и постулаты педагогической науки, и запросы профессионального сообщества.

Свое видение путей оптимизации подготовки высококвалифицированных переводчиков представили также директора высших школ перевода и руководители магистерских переводческих программ из 70 авторитетных китайских университетов.

О.И. Костикова

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.